СЕРГЕЙ ВАХРИН

КАМЧАТКА РОССИЯ МИР

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА
ИЗ ИСТОРИИ КАМЧАТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ

Дальпресс
2022

УДК 908(91)
ББК 63.3(2Камч)
В 22

Вахрин С.И.
В22 Камчатка – Россия – Мир. Смутные времена. Из истории камчатской политической ссылки. — Петропавловск-Камчатский : Дальпресс, 2022. — 232 с. : ил.
ISBN 978-5-7311-0543-9

Эта книга о событиях не только малоизвестных в камчатской, но и столь же малоизвестных и в отечественной истории, хотя они касаются важнейшего предмета — ВЛАСТИ.

Это история дворцовых переворотов, точнее, история подготовки дворцовых переворотов, которые не были осуществлены, планы заговорщиков были раскрыты, а сами они оказались в самой дальней ссылке Российской империи — на Камчатке.

Все эти события происходили в 18 столетии в период царствования императоров Петра I, Петра II, Иоанна VI, Петра III, императриц Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II…

Каждый период правления этих людей отмечался ссылкой на Камчатку важнейших государственных преступников.

В трудах замечательных отечественных историков об этих событиях написано мало — как правило, всего несколько абзацев в больших исторических исследованиях.

Первая задача этой книги — расширить горизонты отечественной истории.

Вторая задача — предложить проект создания на Камчатке Музея политической ссылки XVIII столетия.

Именно с учетом формирования будущей экспозиции Музея политической ссылки выбраны иллюстрации для этой книги.

УДК 908(91)
ББК 63.3(2Камч)

ISBN 978-5-7311-0543-9

© КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!», 2022
© Вахрин С.И., 2022
© «Дальпресс», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

РАТША И КАМБИЛА 9
РАСКОЛ 67
ДЕЛО ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА 83
МАВРА СКАВРОНСКАЯ 90
ИМПЕРАТОР ПЕТР II 95
КНЯЗЬЯ ДОЛГОРУКОВЫ 107
РУССКАЯ ПАРТИЯ 122
КАПИТАН КАЛАЧЕВ 137
ИМПЕРАТОР ИВАН VI АНТОНОВИЧ 142
ИМПЕРАТОР ПЕТР III ФЕДОРОВИЧ 162
ИОАСАФ БАТУРИН 171
БРАТЬЯ ХРУЩЕВЫ И ГУРЬЕВЫ 184
БРАТЬЯ СТЕПАНОВЫ 204
БОЛЬШЕРЕЦКИЙ БУНТ 216

Уважаемые читатели!

В своей новой книге известный камчатский автор, писатель и историк, член Союза писателей России Сергей Иванович Вахрин рассказывает о малоизвестных страницах отечественной истории, связанных с политической ссылкой на Камчатку важнейших государственных преступников — участников дворцовых заговоров.

Это серьезное историко-литературное произведение, созданное на основе сохранившихся исторических документов и свидетельств, а также многолетней изыскательской работы писателя.

Важность этого исследования несомненна для тех, кто хочет знать реальную историю Камчатки — историю, в которой еще так много «белых пятен».

Сергей Иванович скрупулезно работает над каждым историческим фактом, сопоставляя разрозненную информацию и по кусочкам воссоздавая летопись тех «смутных» времен.

В этой книге собрана уникальная коллекция для будущего экспозиционного материала в Музее камчатской политической ссылки, который Сергей Иванович предлагает создать на нашем полуострове.

1 апреля 2022 года мы тоже открыли в г. Петропавловске-Камчатском музей нашего предприятия — «Океанрыбфлота», чтобы сохранить в истории нашего полуострова память о людях, которые ковали трудовую славу рыбацкой Камчатки.

Сколько замечательных капитанов дальнего плавания, штурманов, механиков, тралмастеров, боцманов, матросов, рыбопереработчиков прошло через историю рыбной промышленности Камчатки начиная с 1896 года, когда на Камчатке появились первые рыбопромышленники и первые рыбаки!

В музее истории предприятия мы собрали по крупицам всю информацию о первопроходцах рыбной отрасли и пионерах «Океанрыбфлота» (тогда еще одной из структур «Камчатрыбпрома»). Каждое имя отныне увековечено, и эта работа продолжается. Мы восстанавливаем в памяти Камчатки имена ее героев, и потому особенно понимаем важность работы Сергея Ивановича Вахрина.

Чем лучше мы знаем свою историю, тем больше шансов не повторить ошибок наших предков. Автор серьезно подходит к своему исследованию и вносит весомый вклад в отечественную литературу.

Его новая книга открывает совершенно не известную нам Камчатку, связывающую ее с весьма важными политическими событиями России, смутными временами ее истории — кровавой борьбе за власть. И, по сути дела, эта книга — своеобразная готовая экскурсия в виртуальном пока еще Музее камчатской политической ссылки, создание которого станет важным событием в культурной жизни нашего края и послужит замечательным историческим подспорьем в развитии туризма.

Евгений Новоселов,
генеральный директор АО «Океанрыбфлот»

Эта книга задумывалась давно.

Но было слишком много «белых пятен» в нашей российской истории, связанных с героями этой книги. И нужно было, прежде всего, закрыть эти «белые пятна» и ответить на многочисленные вопросы, которые возникали при изучении подробностей тех политических дел, в результате которых наши герои оказывались в далекой камчатской ссылке.

А это были вовсе не простые дела — они касались дворцовых тайн, подготовки дворцовых переворотов, «темных сил», которые рвались к государственной власти.

Те «силы», которые оказывались победителями в этой схватке за власть, обретали и саму власть, и державную силу, и награды, и богатства…

Те же — которые проигрывали — оказывались в дальней ссылке, бежать откуда долгое время не представлялось возможным.

При этом наши герои — государственные преступники — лишались дворянства, исключались из родословных книг, становились изгоями в собственных родах, им часто меняли имя, что также затрудняло исторические исследования, мешало докопаться до тех истоков, в которых формировались отношение к власти и причины будущих дворцовых заговоров.

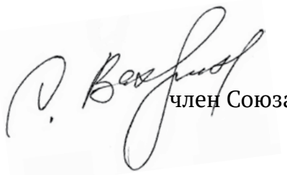
Но работа шла, и появлялись — одна за другой — мои книги, в которых я пытался разобраться в том, что произошло когда-то с камчатскими ссыльными и что их толкнуло на государственное преступление, вина за которое не искупалась и десятилетиями камчатской ссылки.

Вот эти книги: «Встречь солнцу», «Тайны камчатских имен», «Орден кромешников», «Фаворит Ее Величества», «Братья Государыни Невесты», «Командиры Охотско-Камчатского края», «Масонский заговор», «Экипаж мятежного галиота»…

Камчатская политическая ссылка завершилась в 1771 году, когда камчатские ссыльные и примкнувшие к ним зверопромышленники из тех, что совершали вояж в Русскую Америку, подняли Большерецкий бунт, убили командира Камчатки, захватили казенный галиот и бежали на нем в Китай, откуда добрались до Франции и были завербованы французами для колонизации острова Мадагаскар…

Но это другая уже история.

Главная же цель этой книги — привлечь внимание камчатской общественности к истории нашего полуострова и создать на Камчатке Музей политической ссылки, раскрывающий тайны далекой истории самодержавной Российской империи.

Сергей Вахрин,
член Союза писателей России

Карта Тартарии голландца Николая Витсена, 1705 г. Национальная библиотека Португалии

РАТША И КАМБИЛА

Если кто-то действительно думает, что времена правящей династии Романовых начинаются с 1613 года, то он глубоко ошибается.

История этого старомосковского или, по другой, официальной версии — еще более древнего старопрусского, связанного с Византией, — рода прячется в глубине веков.

Император Петр I и верный ему родич — первый герольдмейстер империи Степан Колычев запустили версию о царских корнях рода Романовых, связанных с древними славянами, некогда проживавших на побережье Балтики в землях, которые впоследствии оказались под пятой у воинственных германцев, откуда бежал на русскую землю их принц Камбила (точнее, Гланда Камбилла Дивонович, в крещении Иван Камбилла Дивонович, потомок прусского короля Видевута), принятый в свою свиту великим князем Александром Ярославовичем Невским под новым русским именем Андрея Кобылы, от которого и пошли впоследствии свои русские Жеребцы, Кошки и Колычи — ставшие впоследствии Романовыми, Шереметевыми, Колычевыми…

Эта версия прихода московских бояр на Русь из чужих земель напоминает нам совсем недавнюю историю краха великой империи — Союза Советских Социалистических Республик, когда со всех окраинных земель бывших советских республик и ее политических сателлитов с разных континентов планеты слетелась в Москву национальная правящая верховная и партийная знать, потомки которой начали свое новое политическое утверждение на русской земле. Чего стоит одна только Хакамада, отец которой — японский коммунист Муцуо Хакамада — эмигрировал из Японии в СССР еще в 1939 году.

И не является ли основой для рождения этой версии (и сотни ей подобных генеалогических историй) давний отголосок крушения еще одной великой империи, о которой только в России предпочитают почему-то не знать, когда на географических картах великих государств еще в XVIII столетии та территория, которую занимают сегодня Россия и целый ряд сопредельных государств, называлась Великая Тартария. В том числе и Московское княжество наименовалось на тех картах не иначе как Московская Тартария. А была еще Тартария Индийская и Тартария Китайская. Но это уже в восемнадцатом столетии, когда Великая Тартария, как и Советский Союз, была разодрана в территориальные клочья.

Европейцы, выходит, еще помнят об этом.

Но как не помнить, когда все их величие пришло к ним в те самые смутные времена, когда метрополия, разодранная на мелкие уделы, пыталась вновь вернуть себе былую мощь и былое могущество, атакуемая и с востока, и с запада, и с юга нациями и народами, говорящими на том или ином диалекте санскрита — языка древних ариев-праславян.

И стоит задуматься о том, какие на самом деле исторические предпосылки лежали в основе возвышения морских держав — Древней Эллады, Римской империи, впоследствии Португалии и Испании, которые, если вдуматься, не были обеспечены соответствующими их величию ресурсами, почему впоследствии и — самым естественным образом — выпали из обоймы великих держав, исчерпав тот ресурс, который был ими некогда приобретен у государства-матки, как это произошло и после краха СССР с союзными республиками, неожиданно для себя получившими богатое наследство и распорядившимися этим наследством в соответствии с собственным разумением.

Сложно поверить в то, что написано выше, если бы не было прямой аналогии с крахом СССР.

Но есть еще и наука, которая называется ДНК-генеалогия.

Мы знаем, что ДНК-анализ позволяет установить родственные генеалогические связи.

А ДНК-генеалогия позволяет проследить эти родственные (родовые) связи в истории всего человечества, а также — перемещение этих родов на карте нашей планеты.

Анатолий Клесов — первооткрыватель науки ДНК-генеалогии — написал уже несколько книг по истории происхождения различных народов. Эти цитаты мы взяли из его книги «Происхождение славян».

И вот что интересно. Большинство русского населения России представлены в генеалогии группой R1a, большинство европейцев неславянского происхождения — группой R1b. И далее:

«…члены рода R1a на Балканах, которые жили там 10–9 тысяч лет назад, через двести с лишним поколений вышли на Восточно-Европейскую равнину, она же Русская равнина, где примерно 5000 лет назад появился предок современных русских и украинцев рода R1a, включая и автора этой книги. Еще через тысячу лет, 4000 лет назад, они, праславяне, вышли на Южный Урал, еще через четыреста лет отправились в Индию, где сейчас живут примерно 100 миллионов их потомков, членов того же рода R1a — рода ариев. Ариев, потому что они себя так назвали, и это зафиксировано в древних индийских ведах и иранских сказаниях. Территорию, на которой жили, они назвали Арьяварта, „страна ариев“. Именно там, в Арьяварте, складывалась классическая культура Индии. Они же, арии — потомки праславян или их ближайших родственников».

«…„индоевропейцы“ — это и есть древний род R1a — арии. Тогда все, или во всяком случае многое, становится на свои места — и с приходом людей этого рода в Индию, Иран, на Ближний Восток, и распространение людей того же рода по всей Европе, а отсюда — и появление индоевропейской группы языков (поскольку это на самом деле их, арийский язык и его диалекты), и появление „иранских языков“ индоевропейской группы (поскольку это и есть арийские языки). Тем более, как мы увидим ниже, „иранские языки“ появились уже после прихода ариев в Иран, а если точнее — то не „после“, а стали результатом прихода туда ариев, во II тысячелетии до нашей эры».

«Теперь мы можем начать выстраивать последовательность событий нашей древнейшей истории. 4900 лет назад праславяне рода R1a появились на Русской равнине, причем не просто какие-то праславяне, а именно те, потомки которых живут в наше время, числом в десятки миллионов человек. 3800 лет назад арии, потомки тех праславян (и имеющие идентичный предковый гаплотип, как будет показано ниже), построили городище Аркаим (его теперешнее название), Синташту и „страну городов“ на Южном Урале. 3600 лет назад Аркаим

арии покинули и перешли в Индию. Действительно, по данным археологов, городище, которое сейчас назвали Аркаимом, просуществовало всего 200 лет».

«Восточно-Европейская равнина, или Русская равнина, — одна из крупнейших равнин земного шара… На севере омывается водами Белого и Баренцева, а на юге — Черного, Азовского и Каспийского морей. На северо-западе ограничена Скандинавскими горами… на востоке — Уралом и его продолжением Мугоджарами. Протяженность с севера на юг — около 2750 км, с запада на восток — около 2500 км… На территории равнины полностью либо частично расположены Белоруссия, Латвия, Литва, Эстония, Молдавия, Россия, Украина, Финляндия, Швеция, Польша, Румыния, Болгария и Казахстан».

«Я еще несколько лет назад собрал 25-маркерные гаплотипы рода R1a по всем странам Европы и для каждой страны или региона определил гаплотип общего для популяции предка и когда этот предок жил. Оказалось, что почти по всей Европе, от Исландии на севере до Греции на юге, общий предок был один и тот же! Иначе говоря, потомки как эстафету передавали свои гаплотипы своим же потомкам по поколениям, расходясь из одного и того же исторического места, прародины праславян, прародины „индоевропейцев“, прародины ариев, которой оказались Балканы. И не просто Балканы, а Сербия, Босния, Хорватия, Македония. Это — ареал самых древних европейских гаплотипов рода R1a. И время жизни первопредка, на которое указывают самые древние, самые мутированные гаплотипы — это примерно 10–9 тысяч лет назад».

«И далее пошли расходиться волны миграций рода R1a во все стороны, с Балкан (археологическая культура Винча и культуры, ей родственные) и Буковины (трипольская культура). Практически во все стороны, 6–5 тысяч лет назад, третье-четвертое тысячелетие до нашей эры».

А теперь самое важное:

«Но сказать „потомок балканских“ — это не совсем точно. Дело в том, что примерно 4500 лет назад носителей гаплогруппы R1a в Европе практически не осталось, они или погибли, или бежали на Русскую равнину. Поэтому общий предок всех европейских гаплотипов и датируется примерно 4900 лет назад, и после этого гаплотипы в Европе „обнулились“.

…Это произошло или на подходе к Русской равнине, либо на самой равнине. В Европу R1a вернулись с Русской равнины уже только в 1 тысячелетии до нашей эры, и продолжалось это в ходе всего 1 тыс. до н. э. — 1 тыс. нашей эры. Поэтому европейские R1a в подавляющем большинстве — с Русской равнины. И гаплотипы у всех похожие, хотя и разошлись с тех времен почти на 40 ветвей».

Вы только вдумайтесь в эти слова: был первый приход в Европу и первый исход из Европы людей — носителей гаплогруппы R1a, но был и второй приход, а следовательно, и второй исход этих людей из Европы (вполне вероятно, со своими союзниками).

А теперь мы посмотрим, благодаря исследованиям Анатолия Клесова, на факты современного ПРАславянского присутствия потомков носителей славянского гаплотипа среди (еще раз подчеркнем — современных) европейских народов:

«Норвегия — такой же гаплотип, предок на территории современной Норвегии датируется 4300 лет назад. Это, видимо, уже территория Русской равнины, к востоку от Карпат. Вернулись в Норвегию уже намного позже, в 1-м тыс. до н. э. В Норвегии доля R1a сейчас в среднем — от 18% до 25% населения».

«Швеция — 4250 лет назад, опять, скорее всего, Русская равнина. Всего среди современных шведов 17% потомков праславян рода R1a».

«Перейдем к Атлантике, на Британские острова. Здесь — целая группа территорий, на которых издавна живут потомки ариев, R1a, причем опять с Русской равнины. Они численно отнюдь не доминируют по сравнению с другим родом, R1b, представители которого пришли туда около 4000 лет назад. Но и их, потомков древних ариев, на островах не так мало.

В Англии общий предок современных носителей R1a датируется 4600 лет назад, как и в Германии. Но в Англии и вообще на Британских островах потомков праславян относительно мало, от 2% до 9% по всем островам».

«…по европейским странам (Исландия, Нидерланды, Дания, Швейцария, Бельгия, Литва, Франция, Италия, Румыния, Албания, Черногория, Словения, Хорватия, Испания, Греция, Болгария, Молдавия) общий предок датируется примерно 4500 лет назад. Если точнее — то 4525 лет назад, но такой точностью я здесь умышленно не оперирую. Это — общий предок рода R1a по всем перечисленным странам, и прибыл он, как показывают многочисленные ветви гаплогруппы R1a в Европе, с Русской равнины, с востока.

…Доля потомков праславян-ариев в этих странах варьируется, от 4% в Голландии и Италии (до 19% в Венеции и Калабрии), 10% в Албании, 8–11% в Греции (до 25% в Салониках), 12–15% в Болгарии и Герцеговине, 14–17% в Дании и Сербии, 15–25% в

Боснии, Македонии и Швейцарии, 20 % в Румынии и Венгрии, 23 % в Исландии, 22–39 % в Молдавии, 29–34 % в Хорватии, 30–37 % в Словении (16 % в целом по Балканам), ну и заодно — 32–37 % в Эстонии, 34–38 % в Литве, 41 % в Латвии, 40 % в Белоруссии, 45–54 % на Украине. В России праславян-ариев, как я уже упоминал, в среднем 48 %, за счет высокой доли южно-балтийской группы N1c1 на севере России, которых ошибочно называют угро-финнами (или финно-уграми), но на юге и в центре России доля восточных славян, потомков ариев, достигает 60–75 %».

Какой же вывод напрашивается?

Очень простой — сначала эрбины (будущие европейцы) завоевали четыре с половиной тысячи лет назад эту территорию, уничтожив (или изгнав) практически все ее праславянское население.

Потом вновь эти земли вплоть до Британских островов были завоеваны и заселены праславянами.

А кто же пришел тогда в Европу?

Что говорит нам официальная история по этому поводу?

«Гунны — кочевой народ, вторгшийся в Европу из степей Центральной Азии в конце IV века. Их нападение стало первоначальным толчком для Великого переселения народов.

Вторжение гуннов, которое, как и миграция сарматов в предыдущий период, было обусловлено этническими сдвигами в средней Евразии, имело далеко идущие исторические последствия для дальнейшего развития западной Евразии. В правление Аттилы (434–453) гуннское объединение с центром в Паннонии достигло максимальной экспансии, охватив территорию от Волги и Кавказа до Рейна. После смерти Аттилы в 453 году Империя гуннов распалась, и гунны были поглощены новыми группами прибывавших с востока кочевников».

А до гуннов, как нам сообщают, Великое переселение (или великое вторжение?) народов было начато сарматами.

Сарматы (др.-греч. Σαρμάται, лат. Sarmatae) — древний народ, состоявший из кочевых ираноязычных племен, с IV века до н. э. по первые века н. э. населявших степную полосу Евразии от Дуная до Аральского моря (территория современных Украины, России и Казахстана).

Такими сами скифы видели себя

По мнению исследователей, сарматы под именем «савроматы» впервые упоминаются Геродотом (V век до н. э.), который сообщал: «Если перейти реку Танаис (совр. Дон), то там уже не скифская земля, но область савроматов».

Сарматы, скифы и арии, по данным Анатолия Клесова, имели гаплогруппу R1a: «общим предком славян и ариев были сами арии. Там же, в этой семье, и скифы…».

А вот и уточнение: «Картина складывается следующая: скифы — это в основном потомки ариев, носителей гаплогруппы R1a, которые не ушли на юг, через Кавказ в Месопотамию и на Ближний Восток, и не ушли на юго-восток, в Иран и Индию, примерно 4000–3500 лет назад. Это те, которые остались в северном Причерноморье и рассеялись по Великой степи от низовьев Дуная через прикаспийские территории, Сред-

Реконструированный образ сарматского воина из курганов Филипповки «воссозданный» антропологом Алексеем Нечвалодой по методу Герасимова, худ. Евгений Край

нюю Азию, Южный Урал и до Алтая, и далее, до Китая и Монголии. Часть из них остались европеоидами, часть стали монголоидами, продолжая оставаться носителями гаплогруппы R1a».

«Это же относится и к „предшественникам“ скифов, киммерийцам, и к сарматам, которые по традиционным историческим сведениям вытеснили скифов на временно́м рубеже эр, а через несколько столетий как-то якобы исчезли сами. На самом деле и киммерийцы, и сарматы (предположительно, носители в основном той же гаплогруппы R1a) также никуда не исчезли, они были ассимилированы как народ, но остались в потомках населения Восточной и Центральной Европы от Черного моря до Балтики, от Алтая до Урала и до Атлантики. Среди славян определенно много потомков скифов и сармат — и русских, и украинцев, и белорусов, и поляков».

А вот его ответ и на другой вопрос — о гуннах: «Еще одна гипотеза — что носители гаплогруппы R1a пришли с востока в начале нашей эры вместе с потоком гуннов, имея общего предка, жившего примерно 6000 лет назад». «Сами гунны как племя, или племена, сложились примерно во II–IV вв. нашей эры, преимущественно из хунну, угров и сарматов, в Приуралье и Средней Азии».

Можно сослаться и на иностранных историков.

М. Орбини («Славянское царство», 1601 год): «…мужеством своих воинов и лучшим в мире оружием тысячелетиями держали всю вселенную в повиновении и покорности. Русские всегда владели всей Азией, Африкой, Персией, Египтом, Грецией, Македонией, Иллирией, Моравией, Шленской землей, Чехией, Польшей, всеми берегами Балтийского моря, Италией и многими другими странами и землями…» (русский перевод 1722 г. по указанию Петра I).

А потом — неожиданно(!) — навалились на Европу татаро-монголы. Правда, сам этот термин появляется только в XIX веке: «Он впервые был употреблен в сочинении немецкого ученого Христиана Крузе „Атлас и таблицы для обозрения истории всех европейских земель и государств от первого их народонаселения до новейших времен“, которое было опубликовано в 1817 году. Книгу перевели на русский язык и издали в Санкт-Петербурге в середине XIX века, с тех пор российские специалисты начали называть период отечественной истории с 1243 по 1480 год временем монголо-татарского ига».

И вот что удивительно. Разорение русских городов русскими же воинами во времена междоусобиц было явлением, скажем так, достаточно регулярным и частым. Вспомним опричные походы в Грозные времена — и татаро-монгольское нашествие померкнет в зеркале истории.

Грозный не щадил и православные храмы, не щадил и священство — вспомним святого Филиппа Московского, вспомним погромы опричников на пути к Великому Новгороду.

А теперь об удивительном и непостижимом: «В ханских ярлыках [Золотой Орды] можно было встретить такие утверждения: „Кто будет хулить веру русскую, надругаться над нею, тот ничем не извинится, а умрет злою смертию“».

Или вот это: «…утвердилось в русских землях основанное на Яссе Чингисхана покровительственное отношение монголов к Русской Церкви. Она осталась фактически единственным свободным установлением на покоренной Руси. Когда в 1246 г. по приказу ханов Гуюка и Батыя была произведена перепись населения с целью обложения его данью, все духовенство было освобождено от любых выплат монголам» (В.И. Петрушко «Курс лекций по истории Русской Церкви»).

И слово «поганые» в русском языке относилось вовсе даже не к язычникам, какими представляются в нашей истории татаро-монголы, а к латинянам — иноверцам.

Так что нашествие действительно поганых было не с Востока, а с Запада, на что обращал внимание наших соотечественников историк Александр Владимирович Пыжиков, изучавший древние русские летописи, которые не подверглись последующей «исторической» обработке в период царствования Романовых.

А удар, нанесенный с Востока, — не был ли он защитным от поганых: «…татарове же гнашася по них до Дуная рекы. И стояша по победе 3 лета, и воеваша до Володавы, и по озеромъ, и възвратишася в землю свою, многа зла створиша крестияномъ».

А как вы отнесетесь к этим словам В.Ю. Гумилева («О происхождении монголов Чингисхана»): «Алан-Гоа (мать Чингисхана. — *С.В.*) …Кстати, имя вдовы означало Прекрасная (или Рыжая) Аланка».

В разное время различные авторы называли аланами скифов и славян. Выводы Е.И. Классена при их сопоставлении со сведениями о происхождении монголов …заставляют задуматься о том, что среди предков Чингисхана и его соплеменников были аланы. Народ с таким этнонимом существует и в наше время. Аланы — самоназвание современных осетин.

Родовое имя Чингисхана, потомка одного из чудесно рожденных сыновей Прекрасной Аланки, было Бурджигин.

Картина (фрагмент) заслуженного художника России Ореста Бетехтина Опричнина (Иван Грозный в Великом Новгороде в 1570 году)

Рашид-ад-Дин (1247–1318 годы) — иранский государственный деятель, врач и ученый-энциклопедист так объяснил значение родового имени Чингисхана: «Значение „бурджигин“ — „синеокий“, и, как это ни странно, те потомки, которые до настоящего времени произошли от Есугэй-бахадура, его детей и уруга его, по большей части синеоки и рыжи».

Есугэй-бахадур — это отец Чингисхана. Чингисхан, согласно описанию его внешности различными авторами, обобщенными в работе, был высоким, крепким рыжебородым мужчиной с зелеными «кошачьими» глазами.

И вот, что самое главное — эти некие татаро-монголы тоже, как и гунны, как и сарматы, не оставили своего оригинального ДНК-следа среди европейских народов, а только R1a.

Понятно, что вопросы, которые я сейчас задаю, кому-то могут показаться абсурдными.

Но продолжим…

Известная вчерашняя выдумка о том, что поскреби русского и найдешь татарина, разбивается сегодня о гранит науки, которая называется ДНК-генеалогия. И не найдешь этого татарина тоже по одной простой причине. А именно: татаро-монголы, как в СССР — советский народ, — это, может быть, люди разных племен, проживающие на территории великой империи, простиравшейся от берегов Атлантического океана до берегов Тихого, Восточного или Великого океана.

И снова не верите?

Но тогда еще раз вернемся к истокам. Что объединяет все народы мира как племя или нацию?

Язык, на котором эти народы общаются друг с другом.

Сегодня мы знаем языки великих держав — французский, английский, немецкий, итальянский.

Но вот незадача — все эти языки входят в одну и ту же языковую группу общего для них всех индоевропейского языка.

Вы, наверное, о таком и не слышали?!

Читаем: «Индоевропейские языки (редк. устар. иафетические языки — от Иафета) — самая распространенная в мире языковая семья. Представлена на всех обитаемых континентах Земли, число носителей превышает 2,5 млрд. Согласно воззрениям некоторых современных языковедов является частью макросемьи ностратических языков».

Поясним: Иафет — библейский персонаж, один из трех сыновей библейского персонажа Ноя, спасшийся вместе с ним во время Всемирного потопа, и, следовательно, один из родоначальников человечества.

Почитается Православной церковью как святой праведный Иафет.

Ностратические языки — гипотетическая макросемья языков, объединяющая несколько языковых семей и языков Европы, Азии и Африки, в том числе алтайские, картвельские, дравидийские, индоевропейские, уральские, иногда также афразийские, чукотско-камчатские и эскимосско-алеутские языки. Согласно ностратической гипотезе все эти языки восходят к единому праностратическому языку.

Правда, «Российские лингвисты зачастую говорят о родстве ностратических языков как об уже доказанном факте, в то время как их западные коллеги в большинстве своем относятся к этой гипотезе скептически или прямо отвергают ее».

И понятно, почему: признавая теорию ностратического праязыка, мы вынуждены согласиться и с другим важным тезисом — распространение этого праязыка по планете могло осуществиться только в одном-единственном случае — в случае существования мировой империи, население которой говорило на едином государственном языке.

А теперь копнем глубже.

Что же это за праязык, который называют индоевропейским только по территориальному (и то неполному) признаку — он, скорее, должен называться евроазиатским и даже евроазиатскоамериканскоафриканским, включая в себя те народы, которые говорят на языке, в основе которого лежит древний язык.

Этот древний язык называется санскритом. Считается, что он является древним языком Индии. Но в географически чистом виде, то есть в доныне существующей топонимике, он сохранился в единственном месте на планете — на… Русском Севере.

Но даже не это самое главное.

Если по теории языкознания языки древних людей возникали в разных уголках планеты весьма спонтанно и имели довольно примитивный звукоряд, который носил по отношению к значению слова весьма случайный характер, то санскрит — древний государственный язык великой империи — создавался совершенно на иной основе — каждая буковка в этом языке имела свой религиозный, социальный, экономический, хозяйственный смысл. И сочетание этих букв, как смысловых единиц, превращало эти буквы в слова, имеющих не условно-звуковое, а совершенно конкретно-смысловое значение.

Обратите внимание — не звуков, а букв.

Откройте знаменитые «Сорок уроков русского языка» Сергея Трофимовича Алексеева, и вы захлебнетесь от восторга в осмыслении всего того, что, казалось бы, знакомо нам с самого момента нашего рождения, но оказавшегося на самом деле настолько неизвестным и тайным, что оторопь берет от непостижимости этого величайшего для русского человека открытия собственного языка — его глубинных истоков.

Этот язык не нужно было тупо заучивать, как попугай Попка — этот язык нужно было осмысливать, познавать, проникая в суть явлений и предметов, осознавая их смысл и значение…

И вот только несколько примеров:

«… „слово“ — священная добыча…

Доказательством первородности назначения корня „лов“ служит слово „священный“, ибо вещать — говорить, но говорить заветное, произносить вслух некие истины, открывать знания. Для иных целей есть и слова иные, например, молвить, речить (рещить), сказывать, бармить, брехать, болтать, поэтому болтать языком или ногами означает всего лишь бессмысленно двигать частями тела. Вещать можно лишь слово священное, отсюда в русском языке сохранилось и существует точное определение: вещество — истина. А ловец, познавший истину, сокровенные знания, именуется вещим».

«Земля — планета, емлющая огонь, свет семени. То есть имеющая атмосферу и биосферу — условия …чтобы впоследствии выметать росток, соцветие и родить плод — продлить жизнь солнечного огня и света, поэтому планета и получила название „Мать-сыра-земля“. Столь выразительного определения более нет в языке ни о каком предмете или явлении».

«„Бог“ в общеславянском контексте и, в частности, в русском языке — такое же говорящее за себя слово, особенно в форме „Боже“. Бо же — это огонь. Бо в данном случае указание, „это, он“, как в „Слове…“ указание: „Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити…“. Буквы Ж, З, Г — знаки огня и огненного света, поэтому они непременно будут в словах, где подразумевается огненное начало — жизнь, жрец, жар, зной, зга (искра), заря, гореть, гарь, гневаться. Точно так же огненная составляющая заложена в говорящем слове князь — княже — княгиня: все три знака повторяются в разных формах, поскольку изначально княже, буквально: „… ко мне несущий огонь“, то есть не добытчик, а хранитель, содержатель огня. Его бог — Сварог и сыновья — огни-сварожичи. Сам знак Ж четко сохранил в начертании руническое прошлое и внешне выглядит, как костер».

«Хранитель и носитель огня, князь, после долгого перехода раздавал угольки родам своего племени, дабы возжечь костры,

вырвать из полного мрака „конца света“ хотя бы малую толику освещенного пространства и тем самым дать соплеменникам надежду, ощущение земного пространства, привести в чувство вестибулярный аппарат. Кто испытал на себе, что значит множество дней и ночей двигаться в полной темноте, на ощупь, тот испытал чувство полной пространственной дезориентации. И лишь свет, зажженный хотя бы на минуту, словно возвращает человека на землю, ставит его с головы на ноги».

Вы отдаете себе отчет, о какой древности идет речь? О мраке, обрушившимся на планету. О хранителях огня — князьях, которые еще не обрели своего административного могущества, а были жрецами огня. Жрецами Солнца.

«Знак солнца Р непременно будет присутствовать в тех словах, где то или иное действие, событие, значение с ним напрямую связано. Например, ярый (светлый, огненный), смурной (темный, отсутствие огня, света, неспособность к оплодотворению), сумерки (объяснений не требует), ражный (красивый, яркий, наполненный божественным свечением и огнем, энергией), но нам более знакомо слово „неражный“, то есть противоположное по значению».

И тогда становится понятным глубинный смысл русских слов «князь» и «боярин» — которые первично относились к верховным жрецам древних солнцепоклонников — хранителям огня.

А вот как появляется на свет слово «дружина»:

«На дору, в священном месте, и произошли первые раздоры, раздраи, когда крамольники не поделили благо. Поэтому и родилось еще одно значение слова „дружно“: друг — это тот, кто стоит с тобой в одном круге братии, держась за руки. Но в результате получилось воинское формирование — дружина, рать. А из священного круга впоследствии родилось еще одно агрессивное слово — „руганъ“, все та же ссора. И остров Руген — отсюда же, но не от слова „ругань“, а от „круг“! Там были общеславянское святилище солнцепоклонников и князья светоносные. И совсем не случайно князь Игорь в „Слове...“, обращаяясь к своим воинам во время солнечного затмения, говорит: „Братие и дружино! Луце же бы потяту быти, неже полонену быти...“»

А имя Рюрик, Рарог в древнем языке славян — значит „сокол“. Священная птица русичей во все исторические времена. Ибо Рарог — это в буквальном смысле «несущий солнце Ра».

И еще очень важное — создатели этого древнего индоевропейского языка уже выделяли не отдельные звуки в словоформы — они знали буквы и облачали их в символические рунические знаки, то есть имели... письменность задолго до Кирилла и Мефодия, которые, на самом деле, как и большевики после Великого Октябрьского переворота, упростили старый русский (славянский) язык до неузнаваемости, до бессмысленности (точнее, в дореволюционной орфографии, БЕЗсмысленности — лишения всякого смысла).

И это произойдет с родным нам русским языком, когда мы заглянем в «глубоко научный» «Этимологический словарь русского языка» М.А. Фасмера — Макса Фасмера, сына немецких купцов, родившегося в Санкт-Петербурге в 1886 году, вся корневая основа слов, анализируемых которым, происходит в основном из латинского языка.

Латинский язык — мертвый язык, созданный искусственно, вероятно, в противовес бывшему государственному языку, от которого отделившиеся от метрополии европейские провинции (прежде всего Рим) пытались отказаться, как сегодня отказываются от русского языка правящие власти некогда братской Украины и других союзных республик. Аналогия налицо.

Но суть-то в том, что даже и в мертвом этом языке европейцы не смогли отказаться от живой индоевропейской корневой основы.

И даже при распаде единой христианской церкви на католичество и православие высший представитель католиков именуется и поныне папой.

Сергей Алексеев: «А па в переводе с русского на русский всего лишь пить, питать, насыщать. Отсюда рапа (естественный соляной раствор), из коей варили соль солевары. Вслушайтесь: рапа — буквально, пьющее солнце! То есть солнце выпило воду, и остался густой, концентрированный раствор. В древнерусском языке пить звучало как паять (напаять), напитываться, брать (ять) питье, воду, мед, вино. И на ведийском языке так же, и на авестийском.

Отец — папа — не звукоподражание детскому лепету, а кормящий, поящий, питающий, воспитывающий».

Как и легендарный хан Батый на языке запорожских и донских казаков был попросту батькой — атаманом.

И чуб-оселедец, оказывается, был не только приметой запорожцев:

«Чуб (*чуп*) изначально — оселедец, пучок волос на темени, поэтому говорят „чубатые казаки“, имея в виду запорожцев. Знак *Б* или *П* здесь может быть и в понимании божества, относящегося к божественному, или к *прави*, что, в общем-то, одно и то же. Впоследствии чубом (чупом) стали называть все волосы в прилобной части головы — „за

чупрын таскает...“ То есть оселедец могли носить те, кто обладал *Чу*. Между прочим, носили их в Причерноморье сколоты. А на Балтике, на острове Руяне, — русы и князь Рюрик! Святослав Игоревич, его внук, был последним из князей, кто носил чуб и еще серьгу в ухе, как старший в роду».

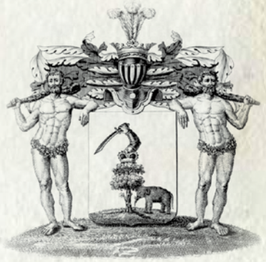
А российская память оказалась запечатанной в бутылках с пробками из легенд о далеком-далеком прошлом, когда правящая знать великой империи — Мегалион (Великой) Тартарии — была рассыпана по всей европейской провинции, откуда потом пришлось под натиском беспощадных рыцарей-крыжаков в срочном порядке бежать в метрополию, как это случилось и во времена распада СССР с партийной номенклатурой союзных республик, да с теми россиянами, кто после окончания учебных заведений был направлен в республики поднимать народное хозяйство, культуру, образование, здравоохранение...

Не верите?

Копните любую старинную дворянскую фамилию, и если это не Рюриковичи, то вы действительно сможете «выковырнуть» из нее благородного предка татарина или, на худой конец, найдете итальянца, венгра, немца, поляка или грека, согласно той семейной легенды о происхождении рода, которая была записана российскими геральдистами со слов представителей этого рода и, в определенной степени, нашла отражение и в образовании этой дворянской фамилии. Сегодня нам говорят, что в XVIII веке, когда создавались родословные книги, было модным причислять себя к иноземцам. Но, может быть, просто «шила в мешке не утаить» — и память о далеком и славном прошлом щекотала родовую спесь?

Итак, что касается героев этой книги.

Батурины и Бакунины:

По официальной версии польских историков и генеалогов, род происходит от предка Батугерда, в крещении Дмитрия, который с двумя братьями Зениславом (родоначальник Бакуниных) и Антипатром выехали «из немец из венгерской земли к великому князю московскому Василию Ивановичу и пожалованы имениями на Рязани» (1492). Потомок Батугерда, прозванный Батуриным, дал роду фамилию.

Квашнины-Самарины:

Родоначальник «муж честен» Нестер Рябец прибыл в Москву (около 1300) из земли Южно-Галицкой, где упоминается (1282) в числе бояр короля галицкого Льва Даниловича. С ним пришла дружина из 1700 человек. Его сын Родион Несторович, боярин при великом князе Иване Даниловиче Калите, знаменитый воин. Иван Родионович, боярин, воин знаменитый, как и его отец, предводительствовал Костромским полком в день Куликовской битвы (8 сентября 1380) и подписался свидетелем в духовной грамоте Дмитрия Донского.

Правнук Ивана Родионовича Квашни, Степан Родионович Самара, был родоначальником Самариных и Квашниных-Самариных.

Ивашкины:

Происходит от Семена Федоровича Ковылы-Вислова, выехавшего (по сказаниям древних родословцев) из Литвы к великому князю Василию Дмитриевичу в Москву, а оттуда к великому князю Олегу Рязанскому.

Его сын Семен — боярин великого князя Василия Васильевича, а правнуки Иван, Юрий и Сидор Яковлевичи были боярами рязанского великого князя Ивана Федоровича; от Ивана пошел род Ивашкиных.

Хрущовы:

Родоначальник, Иван Иванович Хрущ, якобы выехал из Литвы в Россию со своим братом (1493) к великому князю Ивану III Васильевичу, приняв православие, стал именоваться Хрущевым. Великий князь Иван Васильевич пожаловал его волостями в Туле и Веркуше и оставил его на службе при себе в Москве.

Даже если причисление своего рода к иноземным предкам и было явлением модным, то оно также характеризует политическую элиту страны, которая считала, что происходить от иностранцев полезно — вроде бы и сам как бы приобщался таким образом или к великой западной культуре, или, на худой конец, к эпохе великих (на-

пример, татаро-монгольских) завоеваний, позволявших снисходительно смотреть на русских «варваров», закрепощать и порабощать этот народ, который был для русского дворянства не только чужим, но и чуждым.

Собственно, сегодня мы вправе только гадать на кофейной гуще о существовании этой Великой Тартарии, о которой еще помнят в Западной Европе, так как премудрые немцы на русской службе воспользовались историческим моментом и настолько вправили наши российские мозги, извратив суть истории и внедрив (на полном серьезе) «норманскую теорию» происхождения Российского государства, искорежив нашу историческую память так, что любая мысль о былом великом историческом прошлом нашей прародины воспринимается и в фигуральном, и в прямом смыслах этого слова даже русскими историками — в штыки.

Не знаю, какие помыслы были у Петра Алексеевича Романова и Степана Андреевича Колычева, чтобы найти свои собственные корни среди балтийских славян и начать историю своего рода с их верховного вождя — короля, который, в свою очередь, имел византийские (или римские) императорские корни.

Наверное, недаром в российской истории известны многочисленные события, связанные с тем, что великие князья Московские примеривали на свою голову то шапку византийского императора Мономаха, то царскую корону.

И, кстати, все это происходило совершенно не случайно.

Если вам посчастливилось прочесть книгу Сергея Трофимовича Алексеева «Россия: мы и мир», то вы уже знаете о том, что автор определяет исторические этапы нашего Отечества в три с небольшим столетия.

Первый, самый ближний к нашему времени:

«…историческая периодичность, долгота одного цикла, витка спирали России — триста три года, с допустимой поправкой, обусловленной уровнем солнечной активности, ± пять лет. И вертится этот штопор не от эпохи до эпохи, не от одной исторической личности до другой и даже не от значительности событий, хотя они оказывают заметное влияние на переход от цикла к циклу. Счет, например, текущего витка идет от Петровского времени, но не от его реформ и даже не от рождения или физической смерти самого Петра I, а от его духовной гибели — 26 июня 1718 года. Не реформы и не победы в войнах прославили его и сделали Великим — по сути, ритуальное убийство первородного сына Алексея, своего Наследника. Не станем гадать, как бы повернулась наша история, взойди он на престол, но его мученическая жертвенная смерть возвеличила отца и одновременно стала духовной смертью якобы первого императора России».

Второй:

«1415 год, когда Великим князем на Руси был Василий Дмитриевич, сын Донского.

Был ли Петр I (а к нему придется обращаться не один раз) первым императором? При нем ли Россия преобразилась в Империю?

Да и нет.

Предание донесло до нас иное семя, к сожалению, не замеченное, а вернее, не вычлененное отечественными историками. Существует один любопытный документ от 1417 года — договор о свободной торговле и обоюдном непропуске врагов через свои территории между Москвой и Ливонским Орденом, где Василий Дмитриевич прямо именуется титулом „император русский“. Немцы, а с ними поляки и литовцы, присутствующие при заключении договора, отлично разбирались в титулах и знали, кто есть кто и кого как называть в грамотах. Достаточно сказать, что спустя полвека они же выговаривают Иоанну III, что тот не может называться „Великим князем всея Руси“, поскольку западные области (Смоленск, Новгород, Псков) находятся под властью польско-литовского королевства.

Что же такое произошло, если вечные противники Москвы титуловали императором (кстати, еще и королем Московским) ничем особенно не выдающегося на первый взгляд Великого князя, которого прежде не называли даже царем, как его отца, Дмитрия Донского? А суть состояла в том, что в период княжения Василия началось зарождение Империи и мир, вольно или невольно, уже почувствовал это.

Если Империю рассматривать не просто как форму власти, а как отдельную, самостоятельную цивилизацию, то она, Империя, не может возникнуть и утвердиться в одночасье либо по воле некоей личности. Когда

Плес, единственный в России памятник Василию I, сыну и наследнику Дмитрия Донского, который ранее считался основателем Плеса

же то или иное государство, завоевав своих соседей, объявляет себя таковой, то это ни к чему не приводит, ибо насильное объединение стран еще не есть цивилизация, обладающая главным свойством и признаком — живучестью. Примеров тому много, от Империи Александра Македонского до наполеоновской Франции и гитлеровской Германии. Империя как хорошее вино, которое прежде должно выбродить несколько раз, „подмолодиться“, набраться крепости, насытиться вкусом да еще и выдержаться, чтобы получить эту живучесть и с годами только крепнуть, а не прокисать, медленно превращаясь в уксус.

Зарождению России имперской способствовали три важнейших события, напрямую с ней связанных. Первое: отец Василия, Донской, не только разгромил Мамаево полчище на Куликовом поле, не только положил начало конца ордынскому игу, но в первую очередь дал генеральное сражение Востоку и победил его. Все последующие набеги Орды уже ничего не решали. Второе: спустя ровно тридцать лет после великой битвы искусными дипломатическими стараниями сына, Василия (сейчас бы сказали — манипуляциями), руками Великого князя литовского Витовта, который был ему тестем, и русскими полками из Смоленска, Киева, Полоцка, Витебска и других западных княжеств были наголову разбиты рыцари Ордена под предводительством великого магистра фон Юнгингена. И это была не просто знаменитая битва при Грюнвальде; это был смертельный удар по Западу. Никогда уже больше Ливонский Орден не мог влиять на Москву так, как прежде».

И третье событие:

«Византия, православная Империя, Второй Рим, стремительно погибала под нашествием турок, и православная Русь оставалась ее единственной преемницей.

Немцы вместе с папой прекрасно знали об этом и не случайно наградили Василия Дмитриевича титулом „императора русского“. Так что Петр I спустя триста три года был вовсе не первым императором, и сама Империя — цивилизация — уже зародилась, хотя и оставалась признанной пока лишь в Предании. По крайней мере это семя именно тогда было брошено в удобренную почву, и сам Василий уже обладал имперским мышлением и поведением, ибо не носился по стране с полками, не воевал, как это делали его предки — Великие князья, а сидел в Москве, дергал за нитки, связанные с Востоком и Западом, и добивался прогрессивных результатов».

И самый ранний для нас в историческом смысле этап:

«Для пущей убедительности открутим еще один виток и позрим на сакральные события 1112 года. Это смерть Святополка и приход к власти выборного Великого князя Владимира Мономаха, положившего конец междоусобицам внуков Ярослава Мудрого. Но свершилось не только это явное и зримое деяние. Зерно Предания все-таки состоит в том, что вскоре Русь становится не княжеством, а царством и митрополит эфесский,

«Владимир Мономах после охоты», худ. В.М. Васнецов

Неофит, посланный в Москву Алексеем Комниным (императором Византии), возлагает на голову Мономаха царский венец, дает „скипетр и державу“ — крест из древа животворящего и чашу императора Августа и при этом провозглашает царем русским. И брак его уже чисто династический, королевский: женой становится дочь Гаральда, англосаксонского короля.

Вся история была заново переписана в угоду династии Романовых, то есть представлена в таком свете, что это не Рюриковичи, а предки боярина Кобылина „построили“ русское царство, воздвигли империю Российскую, поэтому и был возвеличен Петр I, а не его предшественники».

Имя животных было родовым в роду потомков Андрея Ивановича (по другой версии — Александровича, а в «Летописном и Лицевом Изборнике Дома Романовых» за 1913 год вообще дается иллюстрация «Прибытие князя Михаила Гланды Камбилы на Русь, в Великий Новгород»).

Родной брат Андрея Кобылы звался Федором Шевлягой. Шевляга — это вообще кляча. А дети Кобылы — были Андрей Жеребец, от которого пошли Лодыгины и Коновницыны; Федор Кошка — это Шереметевы и Романовы; Александр Елка — патриарх рода Колычевых. И безпрозвищный Гавша — родоначальник Боборыкиных.

Андрей Кобыла появляется на исторической арене всего один-единственный раз, но в роли исключительно важной: в 1347 году он был послан сватом к тверскому князю Александру Михайловичу от великого князя Московского Симеона Гордого.

«Прибытие князя Михаила Гланды Камбилы на Русь, в Великий Новгород», худ. Н.К. Рерих, 1913 г.

Брачный союз великих князей — был, как правило, союзом политическим.

Первой женой Симеона Гордого была Айгуста (Августа), в православном крещении Анастасия (ум. 1345 г.) — дочь великого князя литовского Гедимина.

Второй женой — Евпраксия Федоровна, дочь дорогобужско-вяземского князя Федора Святославовича, которую, не прожив вместе и года, Симеон Гордый отослал обратно к отцу, чтобы заключить брак с Марией Александровной. Кстати, этот брак (при живой жене) первоначально не был принят церковью.

То есть в этом случае Андрей Кобыла выглядит не только в роли свата, но и ближнего человека, посвященного в тайные дела и замыслы великого князя Московского, который идет даже на нарушение православных брачных канонов.

Александр Михайлович был сыном Михаила Ярославича Святого — великого князя Тверского и Владимирского, у которого с 1305 года московский князь Юрий Данилович был не только конкурентом на великокняжеский ярлык, но и… вассалом, так как ярлык на великое княжения был в это время в руках Михаила Тверского.

Великий князь Михаил Ярославович дважды пытался взять Москву боем.

22 декабря 1317 года, когда москвичи вместе с татарами ответно вторглись в пределы Тверского княжества и были разбиты, в плен попала жена Юрия Даниловича Московского Агафья-Кончака — сестра ордынского хана Узбека. В плену она умерла. Михаил Ярославович был вызван в Орду, заключен в колодки и убит. А великокняжеский ярлык, таким образом, снова перешел к Московскому князю.

Но 21 января 1325 года в Орде Дмитрий Грозные Очи, старший сын Михаила Тверского, убил Юрия Даниловича. Ордынский хан Узбек, казнив за это Дмитрия, все-таки передал великокняжеский Тверской и Владимирский ярлык его брату — Александру Михайловичу. Но ненадолго — уже в следующем году в Твери началось антитатарское восстание против двоюродного брата хана Узбека Щелкана, в результате чего в Тверь была направлена карательная экспедиция, поддержанная со стороны Москвы князем Иваном Калитой.

Окончательный итог известен. Александр Михайлович, как и его отец Михаил Ярославович, был казнен в Орде вместе с сыном Федором. А большой соборный колокол Твери в знак покорности Москве был отправлен в новую столицу тверской земли. И совершенно понятным представляет-

ся отношение тверских князей к своим московским сюзеренам.

Симеон Гордый был старшим сыном Ивана Калиты. В 1340 году хан выдал ярлык Симеону, по которому «вси князи Русскии под руце его даны». В указанной грамоте Симеон Гордый величается великим князем всея Руси — он был венчан шапкой Мономаха во Владимирском Успенском соборе на великое княжение.

Мария, дочь великого князя Александра Михайловича Тверского, была, как мы уже говорили, не первой, а третьей его женой.

Но случилось так, что к моменту смерти великого князя Симеона Гордого в живых не осталось ни одного из его сыновей и… в надежде на то, что его жена Мария была беременна сыном, он в завещании передал все жене для того, чтобы через нее передать все будущему сыну. Мария получает по великокняжескому завещанию — опричный (то есть вдовий) — удел, находящийся «опричь» (то есть вне) юрисдикции тех владений, которые получает по наследству следующий старший представитель великокняжеского рода.

В 1389 году мы видим имя сына Кобылы — Федора Андреевича Кошки — в числе самых ближних бояр великого князя Дмитрия Донского, которые подписали его духовное завещание.

Правящий в то время Золотой Ордой хан Едигей давал деятельности Кошки на посту ближнего боярина великого князя Василия Дмитриевича Московского просто великолепную оценку:

«Добрые нравы и добрая душа и добрые дела были в Орде от Федора Кошки, добрый был человек, которые добрые дела ординские, то и тебе воспоминал, и то ся минуло; нынче же у тебя сын его Иван, казначей, твой любовник и старейшина, и ты из того слова и думы не выступаешь и старцев земских, ни думы, ни слова ни слушаешь».

По мнению историков, Федор Андреевич Кошка был посредником между великим князем и Ордой, то есть вторым лицом в государстве.

«Русские послы в Орде», худ. А.В. Максимов

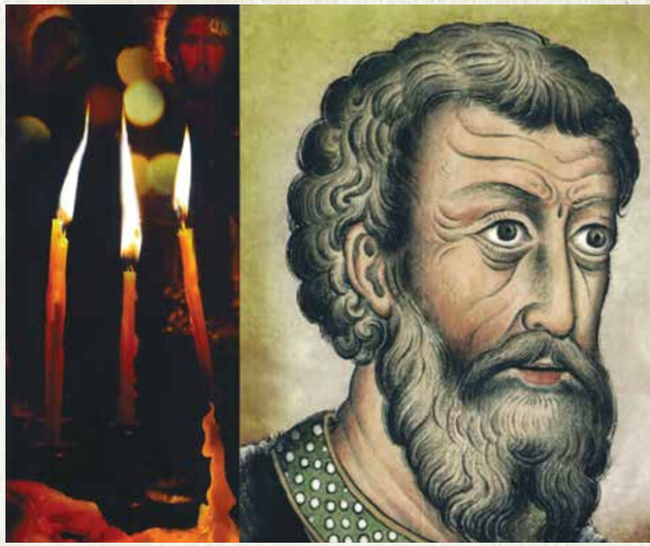
И в то же время, как мы можем констатировать, весьма нелестную характеристику Едигея получает его сын — Иван Федорович Кошкин, который являлся государственным казначем или, в переводе на современный язык, министром финансов.

А далее следует вот что — брачный союз внучки Федора Кошки, дочери Федора Федоровича Голтяя — Марии Федоровны и правнука великого князя Московского Ивана Калиты князя Боровецко-Ярославецкого Ярослава Владимировича, дочь которых — Мария Ярославна станет женой великого князя Московского Василия Темного, а ее брат — Василий Ярославич — князем Серпухово-Боровским.

И тогда впервые прозвучал гонг, извещавший о первом раунде борьбы Кошкиных — Голтяевых — Романовых за великокняжеский (а впоследствии царский и имперский) трон.

Василий Ярославич в годы борьбы Василия Темного за власть сделал очень многое для того, чтобы вернуть своему шурину московский трон.

Но потом случилось непредвиденное: Василий II Васильевич Темный (то есть ослепленный врагами) недолго помнил былые заслуги и верность Василия Ярославича. Обеспокоенный его возрастающим авторитетом, а главное — активной поддержкой литовской стороны, в июле 1456 года за «некую великую крамолу на государя» Василий Ярославич, князь Серпуховско-Боровский, бывший владелец Дмитровского удела, видный союзник великого князя в феодальной войне и борьбе за великокняжеский престол, был схвачен в Москве и сослан в Углич в пожизненную ссылку. Жена и один из сыновей князя успели

Великий князь Василий II Темный, фрагмент обложки книги серии ЖЗЛ

скрыться в Литве, где нашли достойный приют.

А в 1462 году был раскрыт заговор серпуховских бояр и детей боярских, собиравшихся освободить своего князя из неволи и бежать с ним в Литву. Василий Ярославич был переведен в Вологду, где провел последние годы жизни и скончался «в железех». Это произойдет уже при сыне Василия Темного Иване III в 1483 году.

Иван III — это родной сын Марии Ярославны, внучки Федора Голтяя, правнучки Федора Кошки, племянник скончавшегося «в железех» князя Василия Ярославовича.

И удивительно, что ни он, ни его мать, с которой великий князь часто советовался по политическим вопросам, не изменили судьбу своего родного дяди и брата.

Объяснений этому может быть множество.

Но ясность только одна — Василий Ярославич был опасен великокняжескому дому и великокняжескому окружению.

И сейчас мы коснемся окружения.

К этому времени понятия «князь», «боярин», «дружина» имели уже совершенно иное значение, чем в глубокой древности у солнцепоклонников, где все они были в первую очередь хранителями огня и жрецами. Теперь они представляли собой государственную власть.

Русская равнина в тот исторический период — лоскутное одеяло из удельных княжеств — миниатюрных государств под управлением великого князя, получившего ярлык на великое княжение в ставке Великой империи — в Золотой Орде.

В каждом таком уделе была своя Боярская дума и свое собственное вооруженное формирование — княжеская дружина из детей боярских.

Княжеский удел передавался (а точнее, распределялся) по древнему принципу — по старшинству в роду Рюриковичей.

Старшему в роду передавался и боярский чин, как и место в Боярской думе, как и должность воеводы в большом и других полках.

Так было заведено издавна — со времен князя Сокола — Рюрика или Рарога в древности, Юрия или Георгия во времена Ивана III.

Но есть очень важный нюанс: для того чтобы представить в великокняжеской Боярской думе (и в удельных тоже) как можно большее количество представителей одного рода, из этого рода выделялись самостоятельные ветви: так, например, в Боярской думе великого князя Дмитрия Донского были представлены уже две сыновние ветви Андрея Кобылы — Кошка (будущие Романовы) и Елка (Колычевы).

Однако один из генеалогов XIX столетия позволил себе заглянуть в более глубокое прошлое и совершить открытие, которое и по сей день не признано в генеалогии, но объясняет очень многие последующие исторические события.

Все мы знаем, что Александр Сергеевич Пушкин не только потомок Ганнибала — сына эфиопского (или камерунского) короля либо князя, но и потомок славного воина Ратши, или Рачи:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил…

И вот почетный вольный «общник» Императорской академии художеств и действительный член Императорского Русского археологического общества П.Н. Петров в первом томе своей книги «История родов русского дворянства» (СПб., 1886) пишет о том, что потом будет объявлено глупостью, нелепостью, причудами генеалога-любителя…

«Во дни благоверного великого князя Александра Ярославича Невского приеде из Немец муж честен именем Ратша, а у Ратши сын Якун, а у Якуна сын Алекса, а у Алексы сын Гаврило, а Гавриловы дети Иван Морхиня, да Акинф Великий… а Акинф было подвел рать тверскую на великого князя Василья (вместо Ивана Калиты, потому что дело идет о начатии борьбы Михаила Тверского с московскими князьями, 1304 года)… а у Акинфа дети: Иван да Федор, а у Ивана дети: Андрей да Володимер, да Роман Каменской, да Михаил».

«Нам представляется этот Андрей Иваныч, внук Иакинфа Великого, одним лицом с Андреем Ивановичем Кобылою, родоначальником Романовых, которого происхождение и в родословных XVI века уцелело, вероятнее всего, как лица, известного в Москве и начавшего свой род с другим прозванием. В подобных случаях в родословных ставили отделяющийся род за первоначальным, но при списывании с первоначальной рукописи копировщик часто в XVI веке сам изменял порядок статей по своему усмотрению. Таким образом и в родословной времен царя Федора Ивановича Кобыла со своим родом оказался разобщенным от рода Ратши. В конце же XVII века баснословные авторы-компиляторы, допуская всевозможные искажения прямых и точных показаний прошлого, прибавляли своих нелепостей столько, что вполне вероятное со вводом их делалось неузнаваемым и ни в чем несогласимым. Сочинители же с дней Екатерины II печатаемых родословий, вроде игумена Ювеналия Воейкова, закрепляли басни предшественников печатным словом…

…Мы находим в летописи под 1146 годом — в ряду других новгородцев, держав-

ших сторону Всеволода Ольговича (зятя Мстислава Великого) и его братьев Игоря и Святослава, — тиуном (управляющий княжеским или барским хозяйством, судья низшей инстанции. — *С.В.*) в Киеве при Всеволоде Ратшу. Он притеснял, должно быть, своими поборами граждан и при возмущении против Игоря чуть спасся от ярости народа, который „разграбил Ратшин двор“. Этот Ратша и представляется нам по времени тождественным с родоначальником Свибловых и других в Москве, прадедом Гаврилы Алексича, † в 1241 г. Гаврила же — современник и соратник Невского — имел сына Иакинфа Великого, убитого в 1304 году, следующем за смертью сына Невского, св. Даниила Московского. В этом ясно видна несомненная уже точность хронологии.

Если же мы знаем, что Акинф Великий несомненно был современником Даниила Александровича, то и сыновья его Иван и Федор были современниками Калиты, а ближним боярином сына Калиты, Симеона Гордого, является Андрей Иванович Кобыла, когда сын Андрей был и у Ивана Акинфовича и когда, как мы указывали, в родословиях более древних, даже XVI века, отец Андрея Кобылы не означен. А это указывает прямо на отрывочность вследствие сбития порядка основного родословия, где составитель ставит потомков одного родоначальника последовательно старшинству сыновей его, не повторяя при каждом высказанного раз происхождения рода. Встречается это в любом роде. А так и должно быть, конечно, в отношении сына Иакинфа Великого при Калите, когда вся родня его служила в Москве, и роды, происшедшие от Морхини, не менее были многочисленными, чем роды от его брата. По милости описки в первоначальном изводе родословной потомков Ратши и Федор Иакинфович Бякота (в искажении Бяконт), родоначальник Плещеевых, отделен от своего рода с присочинением небывалого переселения из Черниговского княжения, от нашествия Батыева уже фактически несуществовавшего. Между тем у Иакинфа Великого показан сын Федор. Нам слово при имени его — „бездетен“ только то указывать должно, что компилятор не додумался до вписания за родом Морхини потомства Бякоты; найдя его в рукописи разъединенным от первого…»

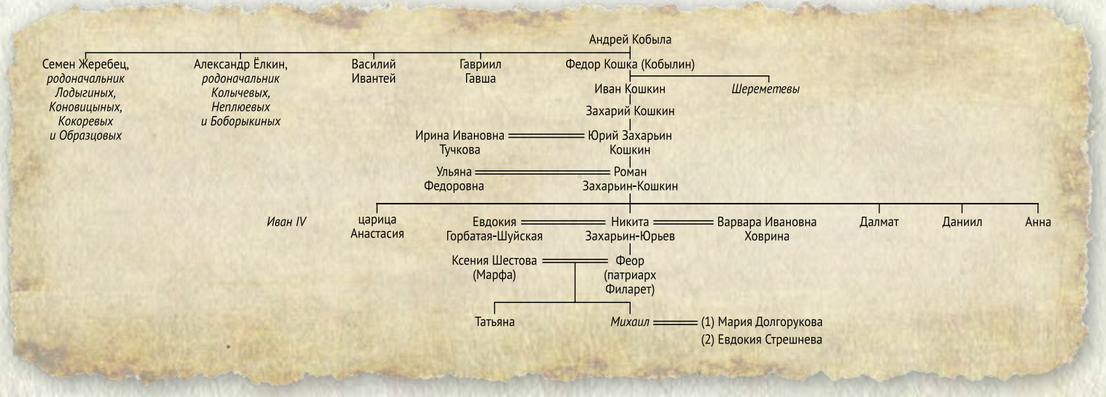
Вот такой генеалогический пассаж!

Который, конечно же, в корне расходился с той официальной легендой, которая была зафиксирована геральдистом Степаном Андреевичем Колычевым.

Давайте рассмотрим и сравним его с официальным — тем, которым пользовался и Александр Сергеевич Пушкин:

А вот линия Ивана — Гланда Камбила — который, по мнению П.Н. Петрова, выделился из этой семьи — посмотрите на общую традицию, связанную с мирскими именами детей — Черт, Волк, Курица…

От Акинфа, согласно версии П.Н. Петрова, идут Бякоты (Бяконты), ставшие впоследствии Плещеевыми, которые при том же великом князе Симеоне Гордом проявляются как видные бояре. Случайность? Вряд ли…

И далее, цитируя П.Н. Петрова: «Этот-то Роман Юрьевич Захарьин и есть родоначальник ветви или рода Романовых, оказывающихся — по происхождению от общего родоначальника — Бутурлиных, Замыцких, Застолобских, Каменских, Курицыных, Мятлевых, Пушкиных, Рожновых, Свибловых, Товарковых, Челядниных, Чеботовых и Чулковых — в свойстве с фамилиями: Жеребцовых, Елкиных, Вантеевых, Гавшиных, Кошкиных, Гольтяевых, Ладыгиных, Облязлевых, Кокоревых, Образцовых, Колычевых, Неплюевых, Беззубцевых, Дурновых, Брехиных, Козаковых, Яковлевых, Ляцких, Шереметевых и некоторых других потомков Ратши».

А теперь выясним причину, почему это родство с остальными Ратшичами нужно было Романовым так умело скрывать.

Дело в том, что потомки Ратши, Бякота (Бяконта) и Кобылы — это и есть ядро Ордена кромешников, разделившего Россию на два враждебных государства — Опричнину и Земщину.

Практически все вышеперечисленные фамилии принадлежат к Ордену кромешников.

За исключением Колычевых. Только они в этом перечне имен заняли враждебную для Ордена позицию.

Но все по порядку.

Согласно древнему лествичному праву наследования великокняжеский трон после смерти великого князя Василия III Ивановича, сына Ивана III, должен был перейти к одному из оставшихся в живых сыновей Ивана III — Юрию Дмитровскому или Андрею Старицкому.

Но великий князь Василий Иванович оставил духовное завещание на сына-наследника Ивана Васильевича при трех боярах-регентах.

Однако был совершен государственный переворот и во главе Московского княжества стала княгиня Елена Глинская — жена Василия III, — которая была прямым потомком изгнанного с Руси Мамая, — регентша при малолетнем князе Иване IV.

У Елены Глинской было два сына. Отцом которых, как предполагают, был вовсе не великий князь Василий, а ее (впоследствии официальный) фаворит князь Оболенский — Иван Федорович Овчина Телепнев-Оболенский. Очень важная деталь, на которую обращают внимание некоторые историки — в роду Оболенских было немало случаев, скажем так, «слабоумия», недееспособности. И Юрий, родной брат Ивана Грозного, тоже, вероятно, был недееспособен по этой самой причине. И Федора, младшего сына царя Ивана IV, тоже считали и считают блаженным, то есть слабоумным. Что же касается самого Ивана Грозного, то, возможно, вовсе даже не случайно в самом центре Москвы, на входе в Кремль, собор, построенный в честь победы над Казанью в честь Покрова Господня носит и второе (известное большинству в мире, как, наоборот, первое) имя — имя Василия Блаженного. А Василий — это ведь и есть василевс (греч. Βασίλειος), то есть царь, а Василий Блаженный, как это известно, был похоронен именно с царскими почестями.

При этом год его смерти историкам неизвестен — то ли 1552, то ли 1557. И случайно ли это беспамятство?

К этим датам мы еще вернемся.

А пока коснемся тех давних событий, связанных с приходом к власти царя Ивана Васильевича.

Главный претендент на великокняжеский престол князь Юрий Дмитровский был схвачен и заморен в темнице.

Князь Андрей Старицкий, его младший брат, пытавшийся мирно решить этот конфликт, вынужден был поднять мятеж, в подавлении которого, помимо князей Оболенских, активное участие приняли и Радшичи — Бутурлины. Князь Андрей,

Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.: «И князь Андрей из Торжка за рубеж не поехал, а пошел к Новгороду Великому, захотел в Новгороде засесть»

так же, как и его брат, принял мучительную смерть в тюрьме.

Его жена — княгиня Ефросиния Хованская и малолетний сын Владимир долгое время содержались под стражей.

А ближние бояре князя Андрея Старицкого подверглись торговой публичной (то есть позорной) казни. Часть новгородских дворян, желающих видеть на московском троне князя Старицкого, были повешены по приказу Глинской. Среди людей, чудом избегнувших казни, был бежавший из Новгорода в Соловецкий монастырь и ставший иноком Филиппом — Федор Степанович Колычев, будущий митрополит Московский и всея Руси, святой Филипп Московский.

И среди бояр, и среди дворян из окружения Старицких были представители боярского рода Колычевых, которые занимали видные посты в Старицком княжестве.

Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в. Казнь участников мятежа Андрея Ивановича Старицкого

А далее ситуация разворачивается следующим образом — княгиня Глинская была отравлена, ее фаворит — князь Оболенский — казнен…

И начинается новая борьба за власть. Кровавая, беспощадная, бескомпромиссная…

В выигрыше оказываются только потомки Кошки, которые снова занимают в Московском княжестве самые высокие посты при великом князе.

Их боярская гордость была уже настолько высока, что Юрий Захарьин Кошкин, от которого и пошли Захарьины-Юрьевы — Романовы, впервые в истории Московского княжества явил собой местнический спор, отказавшись в 1500 году быть под командованием первого воеводы (главнокомандующего) князя Данилы Васильева Щени-Патрикеева.

Этот случай неподчинения был особым и разбирался самим великим князем Иваном III.

Князья Патрикеевы — это потомки великого князя Литовского Гедимина. Патрикей Наримунтович поступил на службу к Московскому князю в 1408 году. Его сын — Юрий Патрикеевич — был женат на дочери Дмитрия Донского Анне Дмитриевне (по другой версии — на Марии Васильевне — дочери великого князя Василия Дмитриевича), что возвело его в ранг первого боярина.

Потомки Василия Юрьевича Патрикеева — князья Булгаковы, Голицыны, Куракины и… Щенятьевы.

То есть Юрий Захарьин Кошкин посчитал, что князь Данила Васильев Щеня-Патрикеев ему… не ровня.

И дело было настолько не простым, что только великий князь Иван III смог урегулировать этот спор.

Михаил Юрьевич Захарьин-Кошкин, сын Юрия Кошкина, был ближайшим боярином при великом князе Василии III и одним из трех, назначенных по духовному завещанию великого князя, регентов при малолетнем князе Иване Васильевиче.

Дочь Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина Анастасия Романовна стала в 1547 году женой царя Ивана IV, вошедшего в историю под именем Ивана Грозного.

Но был ли он Грозным на самом деле?

Уже в марте 1553 года, после славной победы над Казанским царством, случилось нечто, так до сих пор и не получившее в истории нашего государство какого-либо вразумительного ответа.

Есть разные версии на этот счет.

И вот одна из них, самая парадоксальная (но при этом многое проясняющая) — по примеру своего младшего брата Юрия (и многочисленной родни из клана князей Оболенских) царь (василевск) Иван Васильевич становится недееспособным — блаженным.

И ребром встал вопрос о власти.

Как бы скептически мы сегодня не относились к вопросу о недееспособности царя Ивана Васильевича, но спор о власти в тот критический момент решался между Захарьиными (ближней родней царя и его малолетнего сына — наследника престола царевича Дмитрия) и князьями Старицкими — женой и сыном покойного князя Андрея, а также их ближайшим окружением, которых оказалось… большинство.

И вот что следует далее — Захарьиным пришлось отступить.

Почему? Потому что 4 июня 1553 года неожиданно погибает тот, от имени кого Захарьины намеревались править страной в качестве регентов — по «нечаянности» няня утопила в реке Шексна наследника престола — царевича Дмитрия.

И кто же был тогда во власти? Кто правил страной?

Наверное, тот, от лица которого (третьим в списке) издавались царские указы при жизни Ивана Васильевича — от лица братьев — Юрия Дмитровского и Владимира Старицкого. Но Юрий Дмитровский был признан недееспособным.

Икона Святого Василия Блаженного в молении ко Христу. Икона была написана в конце XVI века для собора Покрова на Рву, который более известен как Храм Василия Блаженного. Икона до сих пор хранится на прежнем месте и является одним из самых старых образов храма

Другого выбора, кроме князя Старицкого, у бояр не было.

И подтверждением этому факту является существование правящей в тот период не Боярской думы, а Избранной рады.

Почему Рады?

Да потому что матерью князя Владимира Старицкого была княгиня Евфросиния Андреевна Хованская — из рода великих литовских князей Гедиминовичей.

А состав этой Избранной рады в своем большинстве состоял из сторонников князей Старицких.

После смерти Василия Блаженного (эта дата, как мы знаем, у историков плавающая, неопределенная, но, скорее всего, это 1557 год, так как царевич Федор Иванович родился 31 мая 1557 года) царице Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой-Романовой был выделен *опричный удел*.

И последующие годы в истории нашего государства были обозначены датами именно *опричного террора*.

Именно здесь были сконцентрированы силы, сформированные Орденом кромешников, ядром которого были Ратшичи-Кобылины-Бяконты, а главой — Василий Михайлович Захарьин-Юрьев.

Еще раз подчеркнем: слово *опричнина* не было каким-то неологизмом того времени, а имело вполне конкретный смысл: опричный удел — это вдовий удел, который выделялся супруге великого князя после смерти ее мужа.

Таким образом, это еще одно из подтверждений того факта, что царь умер, Анастасии Романовне был выделен опричный — вдовий — удел.

Исторический период с 1553 по 1560 год в развитии Московского царства был относительно спокойным и отмечен продуктивной деятельностью Избранной рады во всех сферах жизни государства.

Раскол в стране произошел уже после смерти царицы Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой, когда к власти в стране

«Московский чудотворец Блаженный Василий», худ. В.Ю.Графов

пришли накопившие силу опричники, возглавляемые идеологом, организатором и предводителем опричнины, полномочным регентом при царевиче Иване Ивановиче Василием Михайловичем Захарьиным-Юрьевым, двоюродным братом царицы, совместно с теми Ратшичами — потомками Ратши — Кобылы — Бяконта, которые и были во главе опричнины:

«В том же году попущением Божием за грехи наши возъярися царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси на все православное християнство по злых людей совету Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, учиниша опришнину разделение земли и градом».

Алексей Басманов — Плещеев, потомок Бяконта. Их в опричнине было великое множество.

Бутурлины, Пушкины, Товарковы, Челяднины — потомки Ратши. Это была третья многочисленная составляющая опричного боярства.

Это было ядро Ордена кромешников.

В 1560 году начинаются репрессии в отношения членов Избранной рады. В 1563 году наносится первый удар по самому князю Владимиру Старицкому, а его мать — княгиня Ефросинья Старицкая — насильно пострижена в монахини под именем инокини Евдокии.

3 января 1565 года (дата официальная!) царем провозглашен Иван Иванович, старший сын Ивана Васильевича.

Но ситуация была не в его пользу.

Горицкий монастырь, основанный княгиней Ефросиньей

25 июля 1566 года в попытке примирения двух враждующих сторон в сан митрополита Московского и всея Руси посвящен игумен Соловецкого монастыря Филипп (представитель рода Колычевых — верных вассалов князя Старицкого).

Тем не менее примирения не случилось. Наоборот, произошел окончательный раскол. Страна разделилась на два враждебных лагеря — опричнину и земщину.

«Митрополит Филипп обличает Ивана Грозного», худ. Я.П. Турлыгин

В 1568 году митрополит Филипп был низложен опричниками, а 23 декабря 1569 года убит.

В одно время с Филиппом погибают от рук опричников и многочисленные Колычевы.

В убийстве митрополита историки почти единогласно обвиняют Малюту Скуратова.

Но в этом единогласии как раз и скрывается явная и нарочитая фальсификация образа Малюты Скуратова — Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского. И причина этого, вполне вероятно, заключается именно в личной ненависти рода Романовых к этой выдающейся исторической фигуре Малюты Скуратова, который, по всей видимости, был одним из руководителей Земства, как и другие князья Бельские, из рода которых он, по всей видимости, и был, и сражался не на стороне опричнины, а на стороне земщины, будучи ближним человеком из окружения князя Старицкого.

А иначе как еще можно объяснить необъяснимое с позиций официальной истории?

Мы уже говорили с вами о том, что брачные союзы, заключавшиеся в княжеских и боярских семьях — это, прежде всего, союзы политические.

И как могло случиться в отечественной нашей истории, что практически все последующие после Грозных времен московские цари были в кровной родне с этим безвестным и безродным, если верить историкам, «кровавым палачом»?

На старшей дочери Малюты Скуратова, Анне Григорьевне, женился князь Иван Михайлович Глинский, двоюродный брат царя Ивана Васильевича.

Средняя дочь — Мария Григорьевна — вышла замуж за боярина Бориса Федоровича Годунова и стала впоследствии царицей.

Младшая — Христина — была выдана за князя Дмитрия Ивановича Шуйского, брата Василия Шуйского, ставшего впоследствии царем. Князь Дмитрий Шуйский считался наследником престола, поэтому и Екатерина также могла стать русской царицей.

«Кончина митрополита Филиппа», худ. Н.В. Неврев, 1898 г.

Еще одна дочь Малюты Скуратова была выдана замуж за князя Ивана Келмамаевича Канбарова (по одной из версий — родственника князя Темрюка Черкасского).

Все это не могло быть случайным.

В «Записках князя Петра Долгорукова» о российской знати XVIII–XIX столетий уже нет никакого упоминания об этих князьях — Бельских или Вельских.

Но в Грозные времена эти имена еще были на слуху, и мы сможем сейчас сравнить и понять, почему русская знать в те далеки времена стремилась породниться с этими князьями.

Во-первых, они были Гедиминовичами: у Наримунда (от которого пошли князья Патрикеевы, Хованские, Щенятьевы, Голицыны) был брат Ольгерд, в крещении Александр, младше его на девятнадцать лет, который наследовал отцу своему Великое княжество Литовское. От двух жен у него было множество детей обоего пола, в том числе от княжны Витебской Марии Ярославны сын Олелько, в крещении Владимир, ставший удельным князем Киевским. Младший сын его, Иван, не наследовал княжество Киевское и получил в удел прабабкино приданое — крепость Белую с уделом в Тверской земле. От него и пошли князья Бельские Гедиминовичи.

Его сын Семен женился на Ирине Ивановне Патрикеевой из рода Наримундова. Вскоре после (1482 г.) перешел на службу к Московскому Великому князю, жаловался Ивану III на то, что в Литве он терпит большую нужду за греческий закон. Он перешел на сторону Ивана III с городами Черниговым, Стародубом, Гомелем и Любечем, по поводу которых завязался спор у Москвы с Литвой. По перемирию (1503 г.) Литва признала право владения ими за Москвой.

У Семена было два брата Ивана, большой и меньшой, и брат Федор. Несколько литовских вельмож, в том числе Федор Бельский, задумали уйти от великого князя литовского и короля польского Казимира IV и передаться на сторону Великого князя Московского Ивана III (1482 г.). Намерение их открылось, и некоторые из них были казнены. Федор Иванович успел бежать в Москву, оставив в Литве жену. Иван III принял Бельского и сделал боярином, но по опале он был сослан в Галич (1493 г.), вследствие оговора в заговоре против Ивана III. Через несколько лет ему возвращена была великокняжеская милость: Иван III требовал у Александра (1495 г.), преемника Казимира IV, возвращения его жены, которую Александр, однако, не отпустил, ответив, что она сама не хочет ехать к мужу. Тогда царь, с разрешения московского митрополита, женил Бельского на своей племяннице, княжне Анне Васильевне Рязанской (1498 г.).

У Федора было четверо сыновей: Дмитрий, Семен, Григорий и Иван.

Иван — воевода, пожалован в сан боярина (1522 г.), женат на дочери Михаила Даниловича Щенятьева из потомства Наримундова.

Дмитрий Федорович Бельский назначен Василием III регентом при Иване IV.

Но во время правления Елены Глинской Дмитрий и его братья, как бояре, были членами Думы, но положение их изменилось (1534 г.). В этом году братья Димитрия подверглись опале за сношения с князем Юрием Ивановичем Дмитровским — законным наследником московского престола, уморенным Еленой Глинской в тюрьме.

Князь Иван Федорович Бельский возглавлял правительство Бельских (с 1540 г.), будучи «первосоветником» Ивана IV, но был убит по приказу князей Шуйских.

У Дмитрия Федоровича и его жены — Марии (Марфы) Ивановны Челядниной (сестры конюшего — «престолоблюстителя» Ивана Ивановича Челяднина из рода Радши и княгини Анастасии Глинской, родной сестры матери царя Ивана Васильевича Елены Глинской) было две дочери и сын Иван: Анастасия была замужем за Василием Михайловичем Захарьиным-Юрьевым (тем самым идеологом и организатором опричнины), Евдокия замужем за Михаилом Яковлевичем Морозовым (членом Избранной рады, казненного вместе с сыновьями в 1573 году), а сын — князь Иван Дмитриевич Бельский — был первым боярином в земщине, женат на Марфе Васильевне Шуйской, внучке царевича Казанского Кудайкула, в крещении Петра, причисленного к лику святых, в земле Российской просиявших. Кудайкул женат на княжне Московской Евдокии Ивановне, дочери Ивана III от византийской принцессы Софьи Палеолог. Был внуком Казанского хана Ибрагима, который был внуком хана Золотой Орды Улу-Мухаммеда, внука Тохтамыша.

Смерть Ивана Дмитриевича приходится на 24 мая 1571 года, когда была сокрушена опричнина и сожжен Московский опричный дворец.

На чьей стороне был первый боярин земщины в этом сражении, если, как сообщается в «Русском биографическом словаре А.А. Половцова» в период повсеместной казни опричников и членов их семей его смерть была событием совсем другого рода:

«На помин души боярина кн. Ив. Дм. Бельского в 1572 г. Иоанн Грозный дал Московскому Новодевичьему монастырю село Козино с деревнями, в Московском уезде; в 1574 г. Суздальскому Спасо-Евлампиевскому монастырю — село Правдино с деревнями, в Углецком уезде; в 1575 г. — села

Спасское и Пирогово — Успения Пречистыя Кириллову монастырю, и в 1578 г. село Шубино с деревнями, в Московском уезде, села Залесье и Добрынское в Боголюбском стану Володимирского уезда — дому Пречистыя Богородицы в Суздале».

У Ивана Дмитриевича было трое сыновей — Василий, Иван и Федор. Судьба их, что странно, неизвестна…

Считается, что со смертью Ивана Дмитриевича княжеский род Бельских — Гедиминовичей пресекся…

Но, судя по брачным союзам Малюты Скуратова-Бельского с будущими московскими царями, это было совсем даже не так…

И еще один факт — при царском дворе уже после завершения опричнины выдающуюся роль играл… племянник Малюты Скуратова Богдан Яковлевич Бельский (по утверждениям некоторых историков, сын князя Якова Семеновича Бельского и внук князя Семена Федоровича, который в свое время бежал в Литву, будучи сторонником князя Юрия Дмитровского во времена правления Елены Глинской, впоследствии находился в Крыму и, вполне вероятно, был одним из инициаторов нападения крымских татар на Москву 24 мая 1571 года).

Богдан Бельский был членом регентского совета при царе Федоре I.

«Царский Указ. Малюта Скуратов», худ. П. Рыженко

Один из тех, кто подтвердил истинность царевича Дмитрия (Лжедмитрия I) и свое собственное участие в его спасении.

Будучи воеводой Казани, не признал Лжедмитрия II и был убит по приказу его сторонников — впоследствии сосланного в Сибирь (Тобольск, а затем в Якутск) дьяка Никанора Шульгина — 7 марта 1611 года.

Согласитесь, что все слишком сложно для того, чтобы быть простым. Простым опричником Малютой Скуратовым…

А ведь еще не угасли, а только разгорались начатые потомками Кошки местнические «бои» за место в Боярской думе и у престола в соответствии с заслугами отцов, дедов и пращуров. И породниться с *безродным* было в те годы *родовым бесчестием*.

И, кстати, кровавый палач и любимый опричник царя Малюта Скуратов не был казнен, как отец и сын Басмановы-Плещеевы или многочисленные Радшичи и Кошкины, он геройски погиб в бою… А его супруга — единственная в России — получала после смерти мужа государственную пенсию…

И случилось это в том самом 1573 году, когда к власти в стране пришла земщина во главе с князем Василием Старицким, а слово «опричнина» стало запретным.

И вряд ли такой человек обагрил бы свои руки святой кровью митрополита Филиппа Колычева.

Василий Михайлович Захарьин-Юрьев не дождался кары небесной, обрушившейся на Орден кромешников в 1571 году.

И трудно объяснить, как это делают наши историки, все происшедшее маниакальным безумием царя, который то карал и казнил представителей земщины, то карал и казнил главных своих опричников, приближая к себе представителей земщины, а потом и этим рубил головы…

Но это факт.

В 1571 году положили свои голову на плахи Ратшичи — Кобылины — Бяконты.

В том числе и Захарьины — и Юрьевы, и Яковлевы. Их вырезали вплоть до младенцев.

Не верите?

Мы можем назвать даже точную дату — 24 мая 1571 года, когда сгорела Москва вместе с Опричным дворцом.

В этот день умирают:

Княгиня Анна Дмитриевна Бельская — супруга Василия Михайловича Захарьина-Юрьева.

Его дети: Иван (ум. 24 мая 1571); Федор (ум. 24 мая 1571); дочь (имя почему-то не указывается), которая была женой известного опричника, боярина князя Михаила Темрюковича Черкасского (также казнен в мае 1571), который считается шурином царя Ивана Грозного.

Немец Генрих Штаден писал:

«Великий князь принялся расправляться с начальными людьми из опричнины… Князь Михаил сын [Темрюка] из Черкасской земли, шурин великого князя, стрельцами был насмерть зарублен топорами и алебардами…»

По другой версии, Черкасский был посажен на кол.

Казнены 24 мая 1571 года дети брата царицы Данилы Романовича Юрьева Захарьина: Иван Данилович Романов-Юрьев; Федор Данилович Романов-Юрьев; Анна Даниловна Романова-Юрьева, жена князя Федора

Опричники в Новгороде, 1570 г., худ. М. Авилов

Васильевича Ноготкова-Оболенского, умерла в том же 1571 году.

Казнен вместе с князем Михаилом Темрюковичем Черкасским и князь В.И. Темкин-Ростовский, который занимался следствием по делу Святителя Филиппа — он был казнен вместе с сыном Иваном.

Эти смерти не отнесешь ведь к безумию Грозного царя?

Это расправа над кланом Захарьиных и Орденом кромешников — над многочисленными Плещеевыми, Бутурлиными, Пушкиными, Товарковыми…

А на царской свадьбе, датированной 1575 годом, когда над опричниками были произведены последние казни (в том числе были казнены отец и сын Бутурлины), в числе высоких гостей насчитывалось (по свадебному протоколу)… 39 представителей рода Колычевых, занимавших высокие посты в земщине.

Кстати, именно к этому времени относится второе (после 1553 года) духовное завещание царя Ивана.

Какого? Ивана Ивановича?

И в этот же период царь хочет эмигрировать в Англию. Совпадение? Нет, победа земщины.

Остался в живых лишь Никита Романович Захарьин-Юрьев. Именно он и является основателем династии Романовых.

Почему он остался в живых?

Вполне вероятно, что вовремя примкнул к партии князя Старицкого (сам князь Владимир и его мать инокиня Евдокия были убиты опричниками в 1569 году): в 1573 году, когда земщина одержала очередную победу, Никита Романович Захарьин-Юрьев присутствовал на свадьбе ливонского короля Магнуса с княжной Марией Владимировной Старицкой.

Но в 1574 году неожиданно умирает (погибает) князь Василий Владимирович Старицкий, который, вполне вероятно, был после смерти отца во главе земщины, сражавшейся с опричниной.

Сохранился список 1573 года, который историки почему-то называют списком опричников, когда опричнина официально была отменена в 1572 году и даже слово «опричнина» было запрещено к употреблению.

И вот что интересно — в этом списке «опричников» мы находим добрый десяток Колычевых, чьи отцы, деды, братья были казнены опричниками вместе с митрополитом Филиппом. То есть обнаруживается явная историческая фальсификация: в 1573 году, когда уже само слово «опричнина» подлежала запрету, власть была не у опричников (их руководство большей частью было уже казнено), а в руках коман-

Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года, худ. И.Е. Репин

ды князей Старицких и их сторонников, где Колычевы, по праву победителей, занимали одни из самых почетных мест, что и нашло отражение в официальном списке.

Борьба за власть тогда не закончилась — окончательная победа над опричниной пришла чуть позже — с низложением царя Ивана Ивановича (по мифам — убийством его самим Иваном Грозным) и воцарением царя Симеона Бекбулатовича.

Но Орден кромешников продолжал свое тайное существование и в более позднее время, когда подросший сын Никиты Романовича Федор Никитич попытался свергнуть Бориса Годунова и был пострижен в монахи, а его ближайшее окружение вместо казни на Лобной площади разослано по разным городам и весям Московского царства и Сибири.

Кстати, первым вестником того, что Сибирское царство присоединено к Московскому, был казачий атаман Иван Кольцо — беглый боярин Иван Колычев, ставший казаком-разбойником и отправившийся в сибирский поход вместе с атаманом Ермаком Тимофеевичем, будучи его правой и самой надежной рукой.

Но до этого времени мы еще дойдем.

А пока раскроем секрет, почему в той кровавой мясорубке 24 мая 1571 года Никита Романович Захарьин-Юрьев, племянник «магистра» Ордена кромешников, идеолога и организатора опричного террора, остался жив — в то время, когда весь этот род потомков Кошки вырезался под самый корень, не щадя женщин, стариков и детей…

Во-первых, он был родным братом царицы Анастасии Романовны.

А во-вторых…

Первой женой Никиты Романова была Варвара Иванова Ховрина из рода государственных казначеев Ховриных-Головиных, потомков византийского императорского дома.

Вторая жена — Евдокия Александровна Горбатая-Шуйская, из Рюриковичей.

И Ховрины-Головины, и Горбатые-Шуйские стали жертвами опричного террора.

Этот факт, вероятно, и стал определяющим, почему земщина пощадила и не истребила род будущих царей Романовых.

Никита Романович, отец многочисленного семейства, умел, как и все в роду Кошки, вязать родовую политическую паутину.

Впоследствии его зятья были видными деятелями в период Великой Смуты и при восшествии Романовых на трон.

Князь Иван Федорович Троекуров — муж Анны Никитичны.

Князь Иван Васильевич Сицкий — муж Ефимии Никитичны.

Князь Борис Камбулатович Черкасский — муж Марфы Никитичны.

Иван Иванович Годунов — муж Ирины Никитичны.

Князь Борис Михайлович Лыков-Оболенский — муж Анастасии Никитичны.

Сыновья Никиты Романовича — Михаил, Александр, Никифор, Василий — умерли в одно и то же время — в 1602 году, в ссылке, когда старший их брат — Федор Никитич — вместо смертной казни был пострижен в монахи под именем Филарет, с которым он и войдет в историю России.

Но этим событиям предшествовала эпоха царствования Бориса Годунова.

Согласно утверждениям романовских и последующих историков Борис Федорович Годунов — это некая непонятная политическая фигура (шурин царя Федора Ивановича, зять Малюты Скуратова), невесть как залетевшая в высшие эшелоны власти и случайно избранная царем Московского государства.

Послы Ермака у Красного крыльца перед царем Иоанном Грозным, худ. С.Р. Ростворовский, 1884 г.

Царь Федор Иванович родился в 1557 году и был третьим сыном царя Ивана Васильевича. В 1575 году он женился на Ирине Федоровне Годуновой. Брак не был случайным — именно в этот период Сабуровы и Годуновы начинают играть важную роль при царском дворе. Вспомним также, что Евдокия Сабурова была женой царевича Ивана Ивановича. А Соломония — жена великого князя Василия III, от которого, уже будучи сосланной в монастырь, она родила сына Георгия, который вошел в историю страны под именем разбойника Кудеяра. Вполне вероятно, что это был тот самый Кудеяр, который привел войска земщины (считается войска татар) в 1571 году в Москву, уничтоживших опричное гнездо.

Никита Романович, будучи в зените своего могущества при царе Федоре Ивановиче, умирает в самое политически благоприятное для захвата власти время — и царство достается после смерти царя Федора не Романовым, а их политическим противникам — Годуновым.

Но политическая паутина была сплетена, и ею весьма успешно воспользовался сын Никиты Романовича — Федор (впоследствии Филарет), и, хотя заговор против Бориса Годунова был раскрыт и кромешники Романовы и их родственники отправлены в ссылку, Орден впускает в ход секретное оружие, которое разорвало Московское царство в клочья — лжецаря Дмитрия, взращенного в семье Романовых.

Царь Лжедмитрий I возводит Филарета (Федора Никитича Романова) в сан митрополита Ростовского.

Царь Лжедмитрий II (Тушинский вор) возводит митрополита Филарета в сан патриарха Московского и всея Руси.

Верные избранному московскому царю Василию Шуйскому военачальники предательски уничтожаются.

Михаил Васильевич Скопин-Шуйский был отравлен.

Иван-Федорович Крюк-Колычев, ближайший соратник царя Василия Шуйского и Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, взявший в плен Болотникова и лжецаря Петра, по доносу одного из Ратшичей — Бутурлина был ложно обвинен в измене и казнен на Лобной площади в Москве.

Последующая судьба царя Василия известна и позорна для России — оставшись без верных ему бояр, он был столь же предательски низложен «тушинскими негодяями» и отдан на растерзание поляков, ко-

Убийство Лжедмитрия I (и его сподвижника Петра Федоровича Басманова-Плещеева, сына одного из руководителей опричнины), худ. К.Е. Маковский. Частная коллекция

торые увезли его с братом Дмитрием в Польшу и заморили там до смерти. Только в 1635 году останки царя Московского Василия IV были возвращены в Россию и торжественно захоронены в Архангельском соборе в Москве.

21 июля 1613 года исполнилась наконец вековечная мечта потомков Федора Кошки — был венчан на Московское царство Михаил Федорович Романов.

Но фактическим правителем страны стал Филарет, который даже сам подписывал государственные документы — «Яз, Великий Государь, Святейший Патриарх Филарет Никитич».

Опричный террор, как и Великая Смута, не только разорвали многовековую цепь правления Рюриковичей, но и другую — местническую — систему наследственного распределения чинов и должностей, когда старшим в роду доставались «сливки» в царской иерархии, а младшим — дальние нищие уделы и роли служилых детей боярских.

Но в романовском окружении по-прежнему преобладали кромешники из рода Ратши-Кобылы-Бяконта. И к ним добавились Салтыковы — родственники по линии матери царя.

И уже в день венчания Михаила Федоровича на царство, когда новоизбранный московский государь раздавал чины и награды, произошел конфликт.

С одной стороны, выступал сокольничий и думный дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин. Это был тот самый Пушкин (Ратшич), который вместе с Наумом Михайловичем Плещеевым (из рода Бяконта) привез в 1605 году в Москву грамоту от Лжедмитрия I и огласил ее на Лобной площади Москвы, посеяв смуту и раздор в русском обществе.

С другой стороны, в этом конфликте — спаситель нашего Отечества князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

Пушкин посчитал *ниже своего достоинства* «стоять у сказки» при возведении стольника князя Пожарского в бояре:

«И Гаврило Пушкин бил челом Государю в отечестве на Князя Дмитрия Пожарского, что ему Князь Дмитрию сказывать Боярство и меньше Князь Дмитрия быть невместно, потому что родители их меньше Пожарских нигде не бывали; меньшой его Гаврилов брат, Ивашка Михайлов сын Пушкин, бил челом при Царе Василии Ивановиче на Князь Дмитрия о суде, и суд посямест не вершен».

Царь Михаил Федорович *не решился* тогда принять чью-либо сторону в этом конфликте, уравняв, таким образом, спасителя России и ее первого предателя в *равных* правах.

Но 6 декабря 1613 года спасителю России было указано на его *действительное* место в царской иерархии.

На этот раз другой стороной местнического конфликта был Борис Михайлович Салтыков — двоюродный брат царя Михаила Федоровича.

В Смутное время Салтыковы были еще большими предателями, чем Пушкины и Плещеевы, так что часть их рода даже вынуждена была эмигрировать и скрываться в Польше, найдя там для себя покровителей в образе польского короля, претендующего на московскую корону.

И вот: «Того ж дни пожаловал Государь в Бояре Бориса Михайловича Салтыкова, а у сказки велел Государь стоять Боярину Князь Дмитрию Михайловичу Пожарскому ...И Боярин Князь Дмитрий Пожарский бил челом Государю, что ему Борису Салтыкову Боярство сказывать и меньше его быть невместно».

И что же?

Царь Михаил Федорович приказал князя Дмитрия Пожарского выдать боярину Борису Салтыкову *«головой»*.

Что это значило на языке того времени?

Это означало *бесчестие* для всего рода князей Пожарских.

И уроком для всех тех, кто стоял в рядах ополчения и полагал, что его заслуги перед Отчизной будут замечены и отмечены государем и государством.

Но... началась кадровая зачистка. В 1682 году при царе Федоре Алексеевиче она завершилась отменой местничества как системы родового кадрового назначения.

Собственно, и опричный террор и Великая Смута были нацелены на смену власти в России — и верховную, и местническую.

Это и объединяло многих — с одной стороны безродных опричников, с другой — младшее поколение княжеских и боярских

Сожжение местнических книг по повелению царя Федора Алексеевича 12 января 1682 г., худ. К.В. Лебедев (гравер Мультановский)

отпрысков, которым только в смутные времена можно было осуществить карьерный прорыв и оказаться не на ролях удельной прислуги, а занять места старших при великом князе или царе. Правда, старшим в этом роду при этом раскладе нужно было прежде всего… отрубить голову.

Портрет Патриарха Филарета (отец первого царя из рода Романовых — Михаила Федоровича

Кстати, именно таким образом на политической арене романовской России оказались не только Ратшичи, но и Голицыны, и Куракины, и Гагарины, и Долгоруковы — младшие в своих родах, которым прежде «не светило такое счастье»…

И Орден кромешников — организатор и идеолог опричного террора, и Великая Смута, организованная все теми же кромешниками, выпустившими «змея» в лице вскормленного Романовыми Лжедмитрия, тщательно подбирал в свои ряды именно предателей, для которых личные корыстные интересы были всегда выше и значимей интересов своего Отечества.

И поэтому не случайно, что юный отпрыск семьи Романовых, волею Ордена кромешников оказавшийся на троне, с первых же дней правления окружил себя роем предателей и негодяев — это были *свои*.

Кстати говоря, и попытка ограничения самодержавной власти в России в пользу дворянства была предпринята в том же 1613 году, когда избирали Романова на трон.

Вот что сообщает князь Долгоруков в своих «Записках…»:

«…боярин Федор Иванович Шереметев (также из рода бояр Кобылиных), женатый на княжне Черкасской, дочери сестры Филарета, предъявил так называемое письмо своего дяди, в котором тот советовал Земскому собору ввести ограничение государевой власти. Письмо, впоследствии признанное апокрифом (подложным — *С.В.*), породило всеобщее воодушевление, и юный Михаил был избран со всей возможной поспешностью, так как его крайняя молодость и слабый характер „доброго малого“ (если допустимо так выразиться) позволяли надеяться на то, что им можно будет руководить и управлять.

Таким образом, дом Романовых пришел на трон тем же путем, который ведет и к каторжным работам, то есть через подлог».

И далее:

«Филарет, вернувшийся в Россию, предложил мелкому дворянству восстановить крепостное право (введенное при Борисе Годунове, чтобы через „осчастливленное“ мелкое дворянство иметь влияние на крупное. — *С.В.*), если дворяне согласятся со своей стороны на уничтожение грамоты 1613 года. Этот гнусный, подлый торг был заключен и приведен в действие. Изрядное большинство дворянства продало свою свободу, личное достоинство и свои человеческие права за право владеть другими людьми; чтобы получить крепостных, дворянство само согласилось пойти в крепостную зависимость, поэтому у него нет ни малейшего права жаловаться на оскорбления, пытки, омерзительное унижение, которое ему пришлось испытать в дальнейшем: на бесчестие, которое оно столь долго сносило; на то, что открыто и прилюдно его наказывали кнутом и били палками вплоть до 1762 года; а впоследствии наказывали кнутом тайно; оно не обрело свободы даже с отменой крепостного права в 1861 году; еще и поныне оно подчинено произволу государя; одним словом, дворяне все еще находятся в рабстве, и, что отвратительнее самого рабства, среди этого дворянства есть много низких презренных душ, которые приветствуют это рабство и прославляют свое прозябание в грязи…»

Вернувшийся в Россию из Польши в 1619 году его отец — Федор Никитич — Государь патриарх всея Руси Филарет возвратил все на свои места и ужесточил самодержавный режим.

Правда, принцип организации правящей свиты остался прежним — во власть шли только *свои*, кому правящие Романовы были чем-то обязаны или с кем они были в родовых отношениях и деловых связях.

Поэтому брак в высшем свете в период царствования Романовых играл исключительно политическую роль. А свободные любовные связи и фаворитизм при троне порождали самые уродливые формы влияния на власть…

И потомки Колычевых — постоянных противников Кошкиных-Захарьиных-Романовых в их посягательствах на трон, не были исключениями из этого нового российского миропорядка — их тоже перекрутила политическая мясорубка той эпохи.

Колычевы вписались в новое время и в новые правила, присягнув соборно избранному царю.

Они снова стали своими, как и несколько столетий назад.

Святой Филипп Московский, почитаемый в Соловецком монастыре с 1591 года, когда мощи святителя были перенесены сюда из Отроч монастыря в Твери, где он был убит, и захоронены под папертью придела святых Зосимы и Савватия Спасо-Преображенского собора.

В 1652 году по повелению царя Алексея Михайловича Романова мощи святого Филиппа Московского (Федора Степановича Колычева) были перенесены из Соловецкого монастыря в Московский Успенский собор.

У казненного по доносу чашника Бутурлина Ивана Федоровича Крюка-Колычева остался сын Дмитрий Иванович.

Два его дяди — Андрей и Захарий Федоровичи Колычевы погибли в 1618 году во время Московского осадного сидения.

Дальнейшая родовая цепочка, которая свяжет историю этого рода с Камчаткой, такова:

Иван Федорович — его сын Дмитрий Иванович, у которого было своих два сына — Иван Дмитриевич и Михаил Дмитриевич.

Женой Михаила Дмитриевича Колычева была Анна Неустроева-Секирина.

Сын Михаила Дмитриевича — Иван Михайлович — и его жена княгиня Мавра Григорьевна Долгорукова были родителями Василия Ивановича Колычева, который был женат на княгине Прасковье Лыковой-Оболенской-Нарышкиной.

Обе эти дамы — мать и жена — входили в реестр мамок-нянек при царских детях.

Княгиня Мавра Григорьевна Долгорукова была мамкой сына Натальи Кирилловны Нарышкиной и царя Алексея Михайловича — Петра Алексеевича.

Княгиня Прасковья Алексеевна Лыкова-Оболенская в 1674 году стала женой Ивана Кирилловича Нарышкина — родного брата царицы Натальи Кирилловны, который был убит во время Стрелецкого бунта 15 мая 1682 года, когда вновь Россия опустилась было в пучину борьбы за власть — теперь между потомками князей Милославских и Нарышкиных при общем их отце — царе Алексее Михайловиче.

Княгиня Прасковья Лыкова-Оболенская-Нарышкина была мамкой царевича Алексея Петровича.

И мало кто знает о том, что после смерти Нарышкина она еще раз выходила замуж. И мужем ее был друг детства царевича Алексея Василий Иванович Колычев.

У Ивана Михайловича и Мавры Григорьевны было несколько детей:

Екатерина Ивановна Колычева, вышедшая замуж за Михаила Ивановича Приклонского — это предки Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Сергея Владимировича Симанского).

Иван Иванович Больший Колычев был женат на Екатерине Ивановне Самариной-Квашниной.

Стрелецкий бунт (1682 г.), убийство Ивана Нарышкина, худ. А.И. Корзухин

Ни в одной родословной книге бояр Колычевых и Лыковых-Оболенских вы не найдете упоминания о Василии Ивановиче Колычеве, муже Прасковии, которая после ареста и ссылки мужа в 1718 году приняла монашество под именем Пульхерии.

Государственные преступники лишались дворянства и исключались из родословных книг.

Прежде чем говорить о преступлении, которое совершил Василий Иванович Колычев, сосланный навечно в Камчатку, где его следы затерялись, обратим внимание на тот факт, что это государственное преступление никак не отразилось на судьбе его родственников.

Степан Андреевич Колычев, с которого мы и начали свой рассказ, — первый герольдмейстер Российской империи, официально закрепивший в истории рода потомков Андрея Кобылы происхождение от князя Гланды Камбилы, сына князя Дивона, потомка прусского короля Видевута.

В первом браке он был женат на Бутурли-

ной. Их сын Петр — полковник, воевода в Вятке.

Во втором браке — женат на дочери последнего князя Бельского (из Рюриковичей) — Евдокии Андреевне Полевой.

Она родила ему трех сыновей и двух дочерей.

Старший из сыновей, Степан Степанович Колычев, женат в первом браке на княжне Волконской, а во втором — на графине Головиной (Ховриных — Гаврасов — одной из ветвей византийского императорского дома).

В браке с последней родился сын Степан Степанович, будущий гофмаршал и камергер царского двора.

Но далее всех продвинулся при царском доме Романовых другой внук Степана Андреевича Колычева — Степан Алексеевич, который в период царствования Александра I занимал пост вице-канцлера Российской империи. Приходился троюродным братом матери Александра Сергеевича Пушкина — Надежды Осиповны Ганнибал (Алексей Степанович был женат на княгине Екатерине Ивановне Ржевской).

Но...

К середине XIX столетия изнуренные многовековой борьбой за власть потомки родных братьев Федора Кошки и Александра Елки исчезают с исторической арены.

В роду Колычевых последними, кто унаследовал фамилию, были иноземцы — бароны Боде, ставшие теперь Боде-Колычевыми, но вскоре также оставшиеся без наследников.

Исчезает и русская ветвь рода Романовых.

Вот об этом у нас и будет дальнейший разговор.

Степан Алексеевич Колычев

РАСКОЛ

Великая смута, польская интервенция, зверская расправа с потомством царя Бориса Федоровича, а затем — с Лжедмитриями и Лжепетрами, породил дух повсеместной анархии и всеобщего предательства, благодаря которому и произошло утверждение на российском троне сына первого предателя России — Филарета Романова, возведенного Лжедмитриями в высшие духовные должности — митрополита Ростовского и патриарха Московского и всея Руси.

Следующая беда пришла в Россию вместе с присоединением к ней Левобережной Украины.

Избранный патриархом выходец из Киево-Печерской лавры Никон проводит церковную реформу, расколовшую русское общество на две неравные части. На изгоев общества — старообрядцев или староверов, и правящую верхушку. Старообрядцев на двух Русских Соборах (1656 и 1666–1667 гг.) предали анафеме — церковному проклятию. А это было ядро русского общества, русской цивилизации.

Патриарх Никон с братией Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, 1660–1665 г.

Весьма суровую оценку деятельности Никона дала императрица Екатерина II:

«Никон — личность, возбуждающая во мне отвращение. Счастливее бы была, если бы не слыхала о его имени… Подчинить себе пытался Никон и государя: он хотел сделаться папой… Никон внес смуту и разделения в отечественную мирную до него и целостно единую церковь. Триперстие навязано нам греками при помощи проклятий, истязаний и смертельных казней… Никон из Алексея царя-отца сделал тирана и истязателя своего народа».

— Екатерина II, «О Старообрядчестве», 15.9.1763 г.

Сожжение протопопа Аввакума, худ. Г.Г. Мясоедов

«Он хотел сделаться папой», — вот основной лейтмотив действий Никона как главы Русской православной церкви, но католика, разрушителя православия по своей действительной сути. И этот величайший духовный преступник был поддержан и русским православным царем, и всей верхушкой Русской православной церкви. А русские православные люди были преданы анафеме и прокляты — их убивали, сжигали, травили, загоняли в дремучие леса и изгоняли в другие страны…

Но Никон был не первым, кто попытался разрушить православие. Великий раскол христианской веры произошел более тысячи лет назад — в девятом веке, как противостояние западной и восточной частей Римской империи — Константинополя и Рима.

Это противостояние было не только религиозным, но и политическим, и культурно-историческим. Запад агрессивно навязывал свои «ценности» и утверждал свое право подчинить римскому папе, в том числе и силой, всех православных, преданных церковной анафеме в 1054 году.

Повторяется процесс, который характерен и для нынешнего XXI столетия, — духовное предательство целого ряда славянских государств, склонивших свою голову перед римским папой, перед Западом.

Балтийские (в том числе и прусские) славяне, проживавшие в местах, до сих пор сохраняющие славянскую суть — Берлин (берлога), Лейпциг (Липецк), остров Буян (Рюген), были практически полностью истреблены «крыжаками» — крестоносцами, — несущими латинскую веру на Восток, — и клич «Дранг нах Остен» родился не во время нацистской Германии, а за много-много веков до этого.

А самой первой из католических славянских государств была Польша:

«На I Священном синоде в Гнезно, который состоялся в 1000 году по инициативе германского императора Оттона III, было решено учредить митрополию для всей Польши с центром в Гнезно, включавшую также вроцлавскую, краковскую и колобжегскую епархии (сегодня — Епархия Кошалина-Колобжега), позднее к ним были добавлены епархии Куявии (кафедра во Влоцлавеке) и Плоцка, в 1243 году — епархия Хельмно».

Затем началась латинская зачистка Великого княжества Литовского, вошедшего в конфедеративный союз с Польшей под общим названием Речи Посполитой.

Это название — буквальное переложение с латинского на польский слова «республика» (Res publica).

И получился полный абсурд. По сути — с одной стороны Королевство (Польша), с

другой — Великое княжество образовали то, что называется «властью народа».

С образованием Речи Посполитой начались религиозные войны внутри конфедерации.

И первые серьезные религиозные удары пришлись именно по самым верхним эшелонам власти — по правящей династии Гедеминовичей, православная часть которой была в итоге вынуждена покинуть страну и перейти на службу к православному Московскому князю.

Это были князья Патрикеевы — дети внука Гедимина Патрикея Наримунтовича — приглашенного гражданами Великого Новгорода быть их князем.

Его сын — Юрий Патрикеевич (ум. после 1439) — московский боярин, женат с 1418 года на Марии, дочери великого князя московского Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского. Он стал родоначальником князей Голицыных, Булгаковых, Куракиных, Щенятьевых.

Другой сын — Федор Патрикеевич (ум. 1426), князь псковский, от него произошли князья Хованские.

Князья Патрикеевы в борьбе с латинянами были во многом более православными людьми, чем старомосковские бояре, — одним из таких борцов за православие на Руси был знаменитый князь Василий Иванович Патрикеев — в монашестве Вассиан Косой, который был одним из лидеров нестяжателей — то есть бескорыстных духовных служителей Богу, Великому князю и Отечеству. Им противостояли иосифляне — сторонники Иосифа Волоцкого, для которых богатство монастырей (и правящего класса) было первоосновой существования. Иосиф Волоцкий в настоящее время является покровителем российского бизнеса, рожденного в условиях дикого капитализма.

Князь Наримунт, сын великого князя Литовского Гедимина

Василий Косой в итоге был осужден.

Обратим внимание на тот факт, кто был во главе гражданской партии иосифлян:

«11 мая 1531 г. начался церковный собор, на который в качестве обвиняемых были доставлены два известных церковных деятеля — Вассиан Патрикеев и Максим Грек. Боярскую думу на соборе представляли Михаил Юрьевич Захарьин и дьяки. Приговором собора Вассиан Патрикеев был заточен в Иосифов Волоколамский монастырь, а покаявшийся Максим Грек был сослан в Тверь».

А в 1596 году было совершено предательство уже и православным Киевом — бывшей матери городов русских: здесь была провозглашена Брестская уния — соглашение, по которому духовенство православной Киевской митрополии присоединилось к католической церкви — подчинилось верховной власти папы римского и приняло католическое вероучение.

То есть корни разрушительной церковной реформы Никона прорастают из этой унии, чтобы последовательно, шаг за шагом, подчинить Россию римскому папе.

И все последующие предательства со стороны гетманов православной Левобережной Украины и православного запорожского казачества, оказывающихся тайными или явными врагами России, на протяжении многих и многих лет вытекают из этого *духовного национального предательства*.

Конечно, мы помним и чтим Тараса Бульбу и его слова:

«Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки.

Все взяли бусурманы, все пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же, как и мы, земля наша!

Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества!

Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек.

Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей».

Но это слова великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя.

В жизни многое было совсем по-другому.

Сын Богдана Хмельницкого гетман Юрий Хмельницкий, например: «Разорвал обновленный им самим союз с Россией, подписав с Польшей Слободищенский трактат 1660 года. В результате народного восстания отказался от гетманства. В 1670-х годах перешел на сторону Османской империи».

Гетман Иван Выговский. «Подписал Гадячский договор 1658 года, по которому Украина переходила под власть Польши.

В ходе восстания Ивана Богуна в 1659 году был низложен, бежал в Польшу, где был расстрелян по обвинению в измене».

Гетман Павел Тетеря. «Сторонник перехода всей Украины под власть Польши. Подавлял народные восстания. Потерпев неудачу в своей политике, бежал в Польшу».

Гетман Петр Дорошенко. «При поддержке Турции и Крымского ханства пытался овладеть Левобережной Украиной. В 1676 году сдался в плен русским войскам».

Гетман Иван Брюховецкий. «18 июня 1663 года на Черной раде под Нежином избран гетманом Левобережной Украины. В 1667 для укрепления своего положения попытался заключить союз с Петром Дорошенко в пользу протектората Турции. Убит казаками».

Гетман Демьян Многогрешный. «По подозрениям в связях с Турцией низложен и сослан в Сибирь».

Гетман Иван Самойлович. «В 1687 году был сослан в Сибирь».

Великое княжество Литовское — а точнее, его полное название было — Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское.

И литвинами в этом княжестве были вовсе не предки современных литовцев. Литвины — это белорусы.

Жемойтское княжество — это тоже не прародина современных литовцев: «После Разделов Речи Посполитой империя старательно переносит имя Литва на этническую Жмудь. После подавления польского восстания 1856 года учреждается Виленская археографическая комиссия по разбору древних актов XVI–XVII вв. — которая даже в предисловии четко обозначает свои цели. И с удивлением там же отмечает — жители Ковенской губернии страну свою называют „Жмудь“, а себя не литвинами, а „жмогусами“, и все горожане и шляхта говорят „наречием белорусским“ и носят белорусские имена».

И это вовсе не случайно — балтийские славяне в числе самых первых подверглись вторжению немецких рыцарей.

А Русское — вовсе не потому, что в этом княжестве играли какую-то особую роль закарпатские русины, речь шла о русских землях, присоединенных к Великому княжеству Литовскому.

У этого княжества были великие замыслы и реальная государственная территория от Балтийского моря до Черного.

Но оно хотело доминировать и над всем остальным русским православным миром. И, вполне возможно, что-то и могло получиться, если бы Великое княжество Литовское не угодило в лапы папы римского и не произошел внутри княжества религиозный раздор и раскол, который разорвал это княжество на мелкие куски.

Великое Литовское княжество разрасталось, как на дрожжах, когда Московское княжество не могло еще удержать в своих руках соседние удельные княжества, существовавшие по принципу продажного стяжательства и поиска выгодных суверенов. Подобную картину мы можем видеть и в современной Восточной Европе, построенной на принципах политической купли-продажи собственного суверенитета.

Шла борьба за выживание. И Великое княжество Литовское наносило Московскому княжеству один удар за другим.

Но и Московское княжество отвечало тем же.

В период освоения Сибири сюда ссылались и в казачью службу, и на пашню многочисленные военнопленные литвины.

Когда образовалась Речь Посполитая, то к литвинам добавились ляхи-поляки и черкасы — украинцы (запорожские казаки) и разные прочие наемники.

История Сибири и, соответственно, Камчатки пестрит именами Павлуцких, Уваровских, Гуторовых, Козыревских, Климовских, Крыжановских…

Иван Петрович Козыревский — первооткрыватель Курильских островов.

Дмитрий Иванович Павлуцкий — конкистадор Чукотки…

Первым, кто организовал походы казака Ивана Васильевича Голыгина «со товарыщи» на полуостров Камчатка задолго до похода В.В. Атласова, был анадырский приказчик простой казак (впоследствии всего лишь десятник) Михаил Зиновьевич Многогрешный Черкашенин — племянник гетмана Демьяна Игнатьевича Многогрешного.

Впоследствии он был назначен вторым, после Тимофея Кобелева, официальным камчатским приказчиком, и при нем были построены Большерецкий (1703) и Нижнекамчатский (1704) остроги.

И фамилия анадырских (впоследствии гижигинских) казаков Зиновьевых — вполн-

Агенты Дмитрия Самозванца убивают сына Бориса Годунова, худ. К.Е. Маковский. В числе этих «агентов» и Василий Голицын

не вероятно, напрямую связана с именем Михаила Зиновьева сына Многогрешного Черкашенина.

В период Великой Смуты — или *великого предательства* своей Отчизны — были раскрыты истинные намерения многих, кто тайно служил Ордену кромешников, главными лицами в котором выступали представители будущего рода Романовых и их многочисленные родственники по линии Кобылы, Ратши, Бяконта.

А главным конкурентом на российский трон у Романовых был князь Василий Васильевич Голицын — потомок великого Литовского князя Гедимина, который в числе первых открыл Лжедмитрию I дорогу на Москву и участвовал в его коронации... А потом, осознав польскую угрозу для страны, участвовал и в его... убийстве.

Впоследствии вместе с патриархом Филаретом он оказался в плену у поляков. Только православный патриарх Филарет благополучно вернулся в Россию, когда его сын был избран монархом. А Василий Васильевич — имя которого звучало в числе кандидатов на российский престол — был умерщвлен 25 января 1619 года поляками.

Внук его родного брата — Василий Васильевич Голицын Великий — был фаворитом царевны Софьи Алексеевны Романовой и правил Россией вместе с Софьей.

Петр I расправился и со своей сводной сестрой — отправил ее в монастырь, и с князем Василием Великим — сослал его на Пинегу, на окраину архангельской земли.

А внук Василия Васильевича — Михаил Алексеевич, родившийся на Пинеге, после смерти деда получил свободу в 1714 году, служил в армии, в чине майора ушел в от-

Князь Василий Васильевич Голицын Великий, неизвестный художник XIX в.

Царевна Софья Алексеевна, неизвестный художник

ставку, уехал в Италию и там женился на итальянке.

Все бы ничего — но в угоду жене он принял католичество. А это по тем временам считалось духовным преступлением.

Анна Иоанновна, правящая в тот период, услышав об этом, нашла возможность отомстить всему роду Голицыных за тот позор, который они готовили ей самой при восшествии на царство — ограничения самодержавной власти, о чем объявил член Верховного тайного совета князь Дмитрий Михайлович Голицын.

Князь Михаил Алексеевич Голицын был зачислен в штат… придворным шутом.

Князь Петр Долгоруков так сообщает об этом событии:

«После смерти фельдмаршала Голицына (Михаила Михайловича и гибели в застенках Шлиссельбургской крепости Дмитрия Михайловича Голицына. — *С.В.*) Бирен и немцы начали преследовать эту семью, занимавшую столь высокое положение в российском обществе, и были очень рады нанести ей кровное бесчестие. Князь Михаил Алексеевич был осужден играть при дворе роль шута; ему не хватило мужества покончить счеты с жизнью и тем избавиться от этой презренной роли. …В последние годы своего царствования императрица повелела женить несчастного Голицына на какой-то камчадалке или на ком-то вроде того; эта 30-летняя женщина, грязная и безобразная, прозывалась Евдокией Ивановной; у нее

Шуты при дворе императрицы Анны Иоанновны, худ. В.И. Якоби

не было даже фамилии; ей дали фамилию Буженинова (в честь буженины, одного из излюбленных блюд императрицы). Свадьба была отпразднована в феврале 1740 года при огромном сборище диких народов, созванных специально для этой цели; молодоженов отвезли в церковь в клетке, установленной на спине слона. Приглашенные ехали за ними на санях, запряженных быками, собаками, оленями, козлами и свиньями; было устроено большое празднование в пространном манеже Бирена; потом был бал, где всякий народ танцевал танцы своей страны под звуки собственной народной музыки: царили ни с чем несравнимые шум и грохот. Затем молодожены вынуждены были провести брачную ночь в запертом на ключ Ледяном доме, построенном на Неве. 24 ноября того же года Евдокия Ивановна произвела на свет сына, названного Андреем, родоначальника нынешней старшей ветви князей Голицыных.

Злополучный князь Михаил получил при дворе прозвище квасник, и вот по какому случаю: однажды императрица спросила стакан кваса и, выпив половину, вылила остальное на голову несчастного. Придворные сочли, конечно, эту гнусность очаровательной и великолепной шуткой, и Голицын был награжден прозвищем квасник, которое он сохранял до конца жизни. В ноябре 1740 года, с началом правления герцогини Брауншвейгской, несчастный Голицын получил разрешение удалиться в Москву. Его жена-камчадалка умерла там в 1742 году, произведя на свет второго сына, названного Алексеем (он умер холостым)».

Но именно потомство князя Михаила Алексеевича и княгини Евдокии Ивановны сохранило в себе ту искорку истинного православия, с которой прибыли на Русь из Литвы князья Патрикеевы и которую с великой честью для своей страны и своего народа пронес идеолог идеи духовного «нестяжательства» православного человека монах Вассиан Косой — князь Василий Иванович Патрикеев, выступивший также и против брака великого князя Василия с потомком Мамая — княжной Еленой Глинской при живой жене, заточенной в монастыре.

По версии родоведа Валерия Бибикова, Святая Блаженная Матрона Московская является незаконнорожденным ребенком в семье помещиков Яньковых — прямых потомков князя и княгини Михаила Алексеевича и Евдокии Ивановны Голицыных. Матрона была передана на воспитание в семью крестьян Никоновых (почему не существует никаких документов о ее рождении и крещении), и Яньковы содержали Матрону до революции (а после революции, когда материальной поддержки не стало — большевики Никоновы выгнали Матрону из дома, почему она из Тульской губернии пришла в столицу и стала Московской святой).

Помещица Надежда Андреевна Янькова (вероятно, родная мать) постоянно возила слепую девочку (она родилась без глазных яблок) на богомолья — были они и у Иоанна Кронштадтского, который, увидев Матрону, сказал, что эта девочка — Восьмой столп России — то есть олицетворение всех святых на Русской земле.

Свадьба в Ледяном доме, 1878 г., худ. В.И. Якоби

Святая Блаженная Матрона Московская, худ. И.А. Ильинский

И эти слова Иоанна Кронштадтского были пророческими — сегодня Покровский монастырь в Москве, где хранятся мощи Святой Блаженной Матроны Московской, ежегодно посещает более миллиона людей.

Но вернемся к Украине. Гетман Войска Запорожского в очередной раз предал Россию. Теперь это был Иван Степанович Мазепа. В 1708 году в ходе событий Северной войны между Россией и Швецией перешел на сторону шведского короля Карла XII.

27 марта 1709 года в Великих Будищах гетманом Войска Запорожского Иваном Мазепой, королем Швеции Карлом XII и кошевым атаманом Константином Гордиенко был подписан договор о совместной борьбе против русского царя Петра I.

По этому договору Украина провозглашалась «на вечные времена свободной от всякого чужого посягательства», Запорожье присоединялось к шведско-украинскому союзу, а шведский король Карл XII давал обязательство не заключать мира с Петром I без выполнения союзных обязательств.

К шведам, кроме отряда Мазепы, позднее присоединилась часть Запорожского Войска (Чертомлыкская Сечь) под началом кошевого атамана Константина Гордиенко в количестве до 1500 человек.

После поражения Карла XII под Полтавой (1709 г.) Мазепа бежал в Османскую империю, умер в Бендерах в том же 1709 году.

15 мая 1709 года русскими войсками была разгромлена Запорожская Сечь. Меншиков докладывал царю:

«Живьем взято старшин и казаков с 300 человѣк, пушек, також и амуниціи взято в оном городѣ многое число… А ис помянутых живьем взятих воров знатнѣйших велѣл я удержать, а протчих по достойности казнить и над Сѣчею прежней указ исполнить, також и всѣ их мѣста разорить, дабы оное измѣнническое гнѣздо весма выкоренить».

Степан Петрович Крашенинников в своей книге сообщает о ссыльном Запороцком (вполне вероятно, Запорожском), заимка которого находилась в бассейне реки Большой. Запороцкий освоился на Камчатке, представляя интересы иркутского посадского и камчатского купца Никифора Трапезникова. Вместе с деятелями Камчатской Духовной Миссии он принимал участие в крещении камчадалов, и его фамилия появляется сразу в нескольких поселениях западной Камчатки и сохраняется и по сей день.

Позже предпринимались неоднократные попытки вновь восстановить Запорожскую Сечь, что удалось осуществить только во времена Анны Иоанновны.

Но в 1775 году по Манифесту Екатерины II Запорожская Сечь снова была уничтожена войсками генерала Текелли:

«Сочли Мы себя ныне обязанными пред Богом, пред Империею Нашею и пред самым вообще человечеством разрушить Сечу Запорожскую и имя казаков от оной заимствованное. Вследствие сего 4 июня нашим Генерал-Поручиком Текеллием со вверенными ему от нас войсками занята Сечь Запорожская в совершенном порядке и в полной тишине без всякого от казаков сопротивления… Нет теперь Сечи Запорожской в политическом ее уродстве, следовательно же, и казаков сего имени…»

Князь Потемкин-Таврический, ведя военные действия с Крымом, организовал из остатков Запорожского Войска (большая

часть ушла в Турцию и создала Задунайскую Сечь) Черноморское казачье войско, которое за особые заслуги в военных действиях было в 1792 году наделено степными землями на Кубани и получило новое наименование — Кубанское казачье войско.

Последним командиром Кубанского корпуса в годы Гражданской войны был генерал-лейтенант Владимир Васильевич Крыжановский — из известного рода полковников Запорожской Сечи. С разгромом этого корпуса Первой конной армией Буденного считается, что закончилась Гражданская война.

Федор Григорьевич Крыжановский — генерал Кубанского казачьего войска, после Октябрьской революции был председателем Кубанского Правительства.

Крыж — на древнем славянском обозначает «крест».

Крыжаками славяне называли немецких рыцарей — крестоносцев, вторгшихся на их земли, это «чин воинский тевтонов или нѣмцов, нарицаемый крыжа́цкий».

То есть фамилия несет отголоски эпохи борьбы православных славян с немецкими крестоносцами, несущими с мечами в руках латинскую веру на Русь.

В годы Русско-японской войны на Камчатке в 1904–1905 годах командир Тигильской казачьей команды Гавриил Николаевич Крыжановский (потомок ссыльных запорожцев — черкасов) возглавил народное ополчение и за боевые действия на реке Воямполке был представлен к чину зауряд-хорунжего, которым отмечались исключительно за воинскую доблесть.

Камчадалы Запороцкие, получившие в свое время фамилию от ссыльного Антона Запороцкого, также приняли участие в народном ополчении по защите Камчатки от японских «хищников» — это были Афанасий Трофимович (1883 г.р.), Иннокентий Васильевич (1861), Прокопий Никандрович (1866), Тимофей Иванович (1878) Запороцкие из села Морошечная и Гавриил Запороцкий из села Седанка. Все он впоследствии были награждены медалями в память об их боевых заслугах.

Наградная медаль «В память Русско-японской войны 1904–1905 гг.»

ДЕЛО ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА

Василий Иванович Колычев был осужден по «Делу царевича Алексея Петровича» и приговорен к ссылке на Камчатку.

По этому делу вместе с ним проходили ближайшие родственники царевича и его друзья детства — братья Нарышкины.

Вина у всех была одна — дружба с царевичем, дружеская привязанность и переписка. Была еще и тайнопись — но, как выяснилось, — всего лишь детская игра.

Были еще и прозвища, вызвавшие подозрения.

Алексей Нарышкин на следствии скажет: «…назывались Сатаною Андрей Нарышкин, Адом Василий Колычев, Жибанда Федор Еварлаков, Засыпкою он, Алексей Нарышкин, Благодетелем Василий Григорьев сын Нарышкин, а Ивана, де, Нарышкина называли Монахом, Грачем протопоп Алексей, а оные звания были у них за домовную издевку…»

Что произошло, почему Петр I вымещал свою ненависть не только на сыне-наследнике, но даже на товарищах его детских игр — в том числе и на собственной родне — как ближней — Нарышкиных, так и дальней — Колычевых?

Кстати, в смертном приговоре, вынесенном царевичу, есть и подпись Степана Андреевича Колычева, ставшего при Петре I герольдмейстером.

В исторической литературе мы найдем достаточно много информации, оправдывающей царя Петра и проявленную им жестокость в отношении царевича, которому якобы нельзя было доверить царский престол.

Почему?

Потому что существовал (и следствие якобы это подтвердило) риск, что Алексей вновь вернет развитие России в русское, а не иноземное, русло и вышвырнет из страны всю иноземную шваль, которую собрал вокруг себя российский монарх.

Риск этот объективно был настолько велик, что Петр не побоялся войти в историю как убийца собственного сына.

И соучастниками этого убийства он сделал все свое ближайшее окружение — все они — фельдмаршалы и адмиралы, сенаторы и президенты, — как и Степан Колычев, поставили свои подписи под этим приговором о Смерти.

Нет смысла сегодня пытаться понять Петра I, как отца.

Впрочем, как и мужа.

Он до такой степени ненавидел все русское, что сослал свою жену, мать Алексея Петровича, Евдокию Федоровну (при рождении Прасковью Илларионовну) Лопу-

Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе, 1871 г., худ. Н.Н. Ге

хину, в Суздальско-Покровский монастырь. Существует версия, что он готов был даже ее казнить. Но Лефорт якобы отговорил его от такого «опрометчивого» шага, который бы вызвал открытое негодование русского общества.

Любовницей его в то время была Анна Монс, впоследствии замененная на Марту Скавронскую (Екатерину I), судьба которой на престоле могла бы решиться совсем в другую пользу, так как накануне своей смерти царь Петр узнал о любовной связи своей жены с братом… все той же, некогда брошенной им из-за ее измены, Анны Монс — камергером царского двора, которому тут же отрубили голову.

Придворный разврат при Петре I носил повальный характер. Сам он менял любовниц, как перчатки. Но при этом не терпел измены… Когда мадемуазель Гамильтон, фрейлина Мавры Скавронской, избавилась от ребенка, зачатого от царя Петра, тот приказал отрубить ей голову, а отрубленную голову, как и голову любовника своей жены, приказал заспиртовать и поместить в Кунсткамере.

Под ревность было инсценировано и дело заключенной в монастырь царицы Евдокии Лопухиной, которое было начато сразу вслед за делом царевича Алексея Петровича.

Шел 1718 год.

В Суздальский Покровский монастырь был направлен капитан-поручик Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев:

«Указ бомбардирской роты капитан-поручику Писареву. Ехать тебе в Суздаль и там в кельях бывшей жены моей и ея фаворитов осмотреть письма, и ежели найдутся подозрительныя, по тем письмам, у кого их вы-

Царица Евдокия Лопухина, неизвестный художник

Ладожский Успенский монастырь, здесь семь лет жила под строгим надзором царица Евдокия до кончины императора, своего мужа

нул, взять за арест и привести с собою купно с письмами, оставя караул у ворот».

Скорняков тут же находит искомое.

Но мы дадим слово князю Петру Владимировичу Долгорукову, который имел свое особое мнение по этому поводу, как и во многих других случаях, о которых у нас речь впереди:

«Посланный офицер (Скорняков-Писарев. — *С.В.*) приказал высечь более 50 монахинь, некоторых засек насмерть и привез в Москву всех насельниц монастыря. Все они, включая Евдокию, были подвергнуты самым жестоким пыткам. В ходе разбирательства были представлены любовные письма, будто бы написанные Евдокией Степану Глебову. Но для столь малообразованной женщины, какой была царица, письма эти были написаны слишком уж красиво... Степан Глебов вел себя героически, как святой мученик: обреченный на самые ужасные пытки, он упорно отрицал, что когда-либо был любовником царицы. Петр предложил ему на выбор: признать себя виновным и сохранить жизнь или быть посаженным на кол. Он предпочел смерть и как настоящий герой выстоял эту самую ужасную из казней. Он был посажен на кол в Москве, на Красной площади, перед Кремлем, в 3 часа дня 15 (26) марта 1718 года; стоял довольно сильный мороз и из утонченной варварской жестокости, чтобы возможно дольше продлить его жизнь, на него надели шубу, теплую шапку и оставили на нем меховые сапоги... Он испустил последний вздох лишь в 7 часов 15 минут утра следующего дня, после шестнадцати с лишним часов пребывания на колу... Петр был до того жесток, что пришел на площадь, приблизился к Глебову и принялся убеждать его признать себя виновным. „Чудовище, — ответил ему Глебов, — если я не солгал ради спасения своей жизни, чтобы избежать этой страшной муки, то зачем же я возьму на душу грех лжи теперь, когда ничто не может меня спасти, теперь, когда я скоро предстану перед Вечным Судией“. И он прилюдно плюнул в лицо Петру I».

Что же произошло между отцом и сыном перед трагическим 1718 годом?

12 (23) октября 1715 года жена царевича принцесса Шарлотта Вольфенбюттельская (сестра будущей императрицы Великой Римской империи) разрешилась сыном Петром (будущим императором Петром II).

А месяцем спустя — 29 октября (9 ноября) 1715 — Марта Скавронская (официально — Екатерина Алексеевна), жена Петра I, тоже родила сына Петра Петровича, который 26 июня (7 июля) 1718 года был объявлен официальным наследником короны Российской империи.

А за два дня до этого — 24 июня (5 июля) 1718 года — царевичу Алексею был вынесен смертный приговор. Он умер в Петропавловской крепости 26 июня (7 июля) 1718 года. День в день с объявлением о новом наследнике Российского престола — так спешил император закрепить свою волю о престолонаследии…

И вновь князь Петр Долгоруков:

«Когда Петр I решил предать смерти своего сына, он поручил отравить Алексея генералу Адаму Вейде (сыну фламандского аптекаря. — *С.В.*). …Но то ли доза яда оказалась недостаточной, то ли здоровая натура царевича оказала сильное сопротивление губительному действию яда, но только страдания агонии оказались столь мучительны, что Вейде, охваченный жалостью, велел отрубить царевичу голову топором, чтобы положить конец его терзаниям. Царь одобрил это решение».

Донесение австрийского резидента Плейера:

«Носится тайная молва, что царевич погиб от меча или топора… В день смерти было у него высшее духовенство и князь Меншиков. В крепость никого не пускали и перед вечером ее заперли. Голландский плотник, работавший на новой башне в крепости и оставшийся там незамеченным, вечером видел сверху в пыточном кагемате головы каких-то людей и рассказал о том своей теще, повивальной бабке голландского резидента. Труп кронпринца положен в простой гроб из плохих досок; голова была несколько прикрыта, а шея обвязана платком со складками, как бы для бритья».

Среди записей А.С. Пушкина есть и эта:

«25 (июня 1718) прочтено определение и приговор царевичу в Сенате… 26 царевич умер отравленным» (Н. Эйдельман, «Розыскное дело», ж-л «Наука и жизнь», №№ 9, 10, 1971 г.).

Francke (Francken), Christoph Bernhard (около 1660-70–1729) «Портрет царевича Алексея Петровича в латах»

По другим же сведениям (академик Н.Г. Устрялов), перед казнью, уже после вынесения приговора, царевич Алексей был подвергнут новым пыткам с применением кнута. Говорят, что таким образом Петр I пытался добиться от сына сведений о готовящемся против него дворцовом заговоре и его организаторах.

И что-то он действительно узнал, что остановило его в политических репрессиях против ближнего своего окружения — смерти императора, как избавления от Антихриста, ждали, оказывается, не только враги императора, но и те, кто был обязан Петру I своим восхождением во власть, начиная, как выяснилось в дальнейшем, со светлейшего сына пирожника и собственной, подобранной на поле брани солдатке, супруги…

Петр I поспешил расправиться с сыном Алексеем — и Бог отказал Петру Алексеевичу в праве иметь других сыновей — Петр Петрович, наследник престола, умер 25 апреля (6 мая) 1719 года, как и все остальные сыновья, рожденные Екатериной до и после казни царевича.

…Следы Василия Ивановича Колычева теряются на Камчатке. Он не был прощен. Или, возможно, умер до того, как его простили.

Но возможен и другой вариант — как сообщает А.С. Сгибнев, по делу о царевиче Алексее Петровиче на Камчатке находился еще некий Эверстов. Случаи, когда ссыльным менялись фамилии, были весьма нередки. И мы еще коснемся таких случаев, когда будем рассказывать о камчатских ссыльных Шубине и Ивашкине-Квашнине.

Самый ранний известный портрет Шарлотты Кристины Софии из коллекции Радищевского музея в Саратове

Гравюра «Отречение царевича Алексея Петровича от престола»

Не случилось ли подобного и с Колычевым, которому сменили имя, и на Камчатке появляется некий Эверстов?

Вот что сообщает о нем А.С. Сгибнев:

«В 1731 году на Камчатку …прибыл …из Охотска новый камчатский коммисар дворянин Эверстов (служил прежде в придворной службе у Цесаревича Алексея Петровича и в 1718 г. был сослан в Якутск на жительство, а в 1728 г. освобожден из ссылки; но остался там на службе, потому что имел хозяйство и семейство. — *Авт.*)».

Но, вполне возможно, что это совсем другая история…

МАВРА СКАВРОНСКАЯ

Брак царя Петра с женой пленного драгуна, который ко времени свадьбы был жив-здоров, не был *законным* ни по какому праву — ни юридическому, ни православному.

Слово князю Петру Долгорукову:

«Екатерина (настоящее ее имя Марта) была дочерью лифляндского крестьянина, крепостного …Марта была служанкой в доме пастора Глюка, в Мариенбурге.

…Незадолго до взятия русскими Мариенбурга Екатерина вышла замуж за шведского драгуна, который был взят в плен во время осады. Этот драгун долго жил потом в одной удаленной губернии, где получал ежегодный пенсион на условии, что будет хранить полное молчание о том, что он муж Екатерины, которую он пережил на 20 лет и умер уже в царствование Елизаветы.

…После взятия Мариенбурга пленная Марта полураздетой была приведена в русский лагерь. Один офицер, пораженный ее красотой… отвел к генералу Боуру, тоже лифляндскому крестьянину, ставшему на русской службе генерал-аншефом. Боур про-

Императрица Екатерина I, худ. П.Ф. Борель

держал у себя 2–3 дня прекрасную пленницу, а затем уступил ее фельдмаршалу графу Шереметеву, который, чтобы угодить фавориту Меншикову, подарил Марту ему.

Во время ужина у Меншикова царь заметил статную лифляндку, красавицу-брюнетку: она прислуживала за столом. В тот же вечер она стала неразлучной любовницей Петра I».

Да и был ли на самом деле брак между Петром и Екатериной?

Икона «Св. Федор Стратилат и вмч. Агафья». Вклад царя Федора Алексеевича и Агафьи Семеновны Грушецкой в Александровский Успенский монастырь

«Присутствие духа, которое Екатерина проявила в 1711 году, в роковой кампании на Пруте, побудило Петра I объявить в феврале 1712 года, будто бы он только что женился на Екатерине, однако не существует никаких доказательств заключения этого брака. Канцлер граф Румянцев, великий почитатель Петра I (кровь царя текла в жилах графа, так как его отец, фельдмаршал, на самом деле был сыном Петра), чтобы обнаружить документы, подтверждающие заключение этого брака через церковный обряд, провел разыскания, которые были облегчены его высоким общественным положением и огромным состоянием, но честно признался, что так и не сумел обнаружить ни малейших доказательств заключения этого брака. Во всяком случае, даже по узаконенной мифологии российского двора, Елизавета и ее сестра Анна, прабабка императора Александра II, родились до событий, связанных с предположительной датой этого брака. Обе царевны оказались не только внебрачными детьми, но и детьми вдвойне незаконными, так как первая жена их отца и первый муж их матери были еще живы».

Мы цитируем книгу «Записки князя Петра Долгорукова» — крупнейшего родоведа (генеалога) Российской империи.

Но стоит ли удивляться тому, что происходило в те годы в царствующем Доме Романовых.

«…царь Феодор, у которого не могло быть детей, 18 июля 1680 года женился на Агафье Семеновне Грушецкой; она забеременела от одного из придворных и 11 июля 1681 года родила сына, нареченного Ильей и ставшего вероятным наследником короны. Через три дня после родов царица умерла, а 21 числа того же месяца умер и новорожденный Илья».

Увы, случай не первый и не последний в истории Российской империи.

«Боярин Тихон Никитич Стрешнев был одним из любовников царицы Натальи Нарышкиной и отцом Петра I. Во время суда над стрельцами они, не стесняясь, говорили об этом и добавляли: „Посмотрите на детей царя Алексея от первого брака; все они золотушные, все покрыты прыщами, даже царевна Софья, самая здоровая из всех; тогда как оба дитяти царицы Нарышкиной, Петр и Наталья, — сильные, крепкие и пышут здоровьем“.

Однажды при дворе, после изрядно обильной трапезы, Петр I, указав на графа Ивана Мусина-Пушкина, воскликнул: „Этот хоть знает, что он сын моего отца, а я вот не знаю точно, чей я сын!“ — и, встав из-за стола, направился к сидевшему там же Стрешневу. „Тихон Никитич, скажи мне правду: ты мой отец?“ — Испуганный Стрешнев молчал. Петр I, сильно пьяный, схватил его за ворот, встряхнул и закричал: „Отвечай или я задушу тебя!“ — „Государь, не знаю по правде, что и сказать тебе: я ведь не один был!“ — Петр, закрыв лицо руками, выбежал из комнаты… Этот Тихон Никитич был умным, энергичным и жестоким человеком».

Портрет Тихона Никитича Стрешнева. Неизвестный художник. Нач. XVIII в.

Петр I на смертном ложе, худ. И.Н. Никитин

То есть говорить о романовской родовой линии в отношении Петра I весьма и весьма сложно.

Но, тем не менее, историю вспять не повернешь.

Мавра Скавронская, как мы уже выяснили, не была верна царю Петру. Узнав о ее любовной связи с Монсом (родным братом Анны Монс, наставившей «рога» самому императору), царь Петр не только казнил своего соперника, но и в корне изменил свое отношение не только к неверной жене, но и к ее покровителю — светлейшему князю (тому самому сыну пирожника) Александру Даниловичу Меншикову.

И заворачивается новый эпизод очередной трагедии в царствующем Доме.

«В мае 1724 года Петр короновал Екатерину в Москве. Он открыто провозгласил свое намерение передать ей корону, но после дела Монса, казалось, изменил свои планы, и в настоящее время обоснованно считается, что он хотел передать корону своей дочери Анне. Во время болезни и Екатерина и Меншиков остерегались говорить ему о серьезности его состояния и побуждали скрывать свое недомогание. Они не подпускали к его смертному одру никого, кроме своих сторонников. Только за несколько часов до смерти Петр осознал неизбежность близкого конца. Он послал за царевной Анной, но еще до того, как она пришла, потерял дар речи. Когда Анна вошла, он указал ей на аспидную доску, находившуюся в изголовье. Она схватила доску и приготовилась записать последнюю волю отца, но едва у него хватило сил пробормотать: „Я все оставляю…“, как он потерял сознание и началась агония. Меншиков окружил дворец войсками и пушками, и Екатерина взошла на трон…»

ИМПЕРАТОР ПЕТР II

Мавра Скавронская продержалась на троне два года — она умерла 6 (17) мая 1727 года в возрасте 43 лет.

Перед ее смертью снова встал вопрос о том, кому будет завещано царство…

Известие же о том, что Екатерина I назначает наследником российского престола сына своего кровного врага — царевича Алексея — Петра Алексеевича, была подобно удару грома среди ясного неба.

Все прекрасно понимали, что действительным правителем России при живой императрице является светлейший князь Александр Данилович Меншиков, который в такой же мере является убийцей царевича Алексея, как и сам Петр I, как и другие лица, подписавшие царевичу смертный приговор, и что приход к власти сына покойного царевича — это не только закат карьеры для многих из них, но и справедливое возмездие за смерть отца, которое может завершиться не только политическими репрессиями, ссылками, но и казнями всех тех, кто был напрямую повинен в убийстве отца императора и издевательствах над его бабушкой — Евдокией Лопухиной

А ближе всех к этой опасной черте стояли генерал, обер-прокурор Сената Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, проводивший следствие в Суздальском Покровском монастыре, граф Петр Андреевич Толстой, выманивший царевича из столицы Великой Римской империи, а теперь возглавляющий Тайную канцелярию, его заместитель по «тайным делам» генерал Андрей Иванович Ушаков, а также любимец императора, первый полицмейстер Санкт-Петербурга граф Антон Мануилович Девиер, ставший вопреки воле Меншикова, но по воле Петра I зятем светлейшего князя, «обрюхатив» сестру светлейшего и

заслужив таким образом еще и его ненависть…

Но еще ближе к краю этой политической пропасти стоял сам светлейший князь Александр Данилович.

Зачем же он так рисковал собственной головой, решив доверить трон сыну своего самого кровного врага?

Он — фактический правитель России, слову и жесту которого Мавра Скавронская подчинялась с полунамека.

Но, как говорят сегодня в народе: «Жадность фраера сгубила».

Меншиков позарился на большее, чем уже имел.

Он захотел быть не урожденным сыном пирожника, а дипломированным князем Великой Римской империи, то есть вступить уже не в российский (здесь он выбрал все, что мог), а в европейский «цвет» аристократии.

«…Карл VI, император Священной Римской империи, дядя юного Петра по своей жене, принцессе Брауншвейгской, пожелал, чтобы корона досталась его племяннику… Было решено, что Карл VI гарантирует Меншикову, что против врагов царевича Алексея не будет никаких преследований. Карл подарил Меншикову герцогство Козельское в Силезии и пообещал добиться от рейхстага империи приема Меншикова, как графа Козельского, в Коллегию владетельных князей Священной Римской империи с правом голоса, а кроме того, Карл обещал склонить юного Петра жениться на старшей дочери Меншикова».

И случилось невероятное — неграмотная императрица поручила своей дочери Елизавете подписать подготовленное Меншиковым завещание в пользу царевича Петра Алексеевича, и беззаботная Елизавета подмахнула этот исторический документ, даже не глядя в его текст…

Конечно, для всех, кто поставил свою подпись под приговором царевичу Алексею, подписание этого завещания было ударом ниже пояса.

И тут же образовался дворцовый заговор.

«Девьер из ненависти к своему шурину, который продолжал относиться к нему с презрительным высокомерием, присоединился к тем, кто принимал более или менее активное участие в пагубном конце царевича Алексея, отца молодого великого князя, а потому опасался реакции двора и мести со стороны сосланных в 1718 году, в особенности мести со стороны старой царицы Евдокии Лопухиной, бабки великого князя, жертвы столь долгого и безо всякой на то вины мученичества. Больше всего опасались воцарения Петра II оба руководителя Тайной канцелярии: старый граф Толстой, советы и интриги которого побудили несчастного царевича к возвращению в Россию — возвращению, ставшему началом его печального конца, и генерал Ушаков; весьма опасался воцарения Петра II и прокурор Сената Григорий Скорняков-Писарев, бывшая креатура Меншикова, тот самый негодяй, который в 1718 году, будучи посланным в Суздальский монастырь, чтобы арестовать там царицу Евдокию и привезти ее в Москву, высек кнутом более пятидесяти монахинь этого монастыря, многие из которых скончались во время наказания. К этим троим присоединились и двое важных вельмож, недовольных высокомерием и наглостью фельдмаршала, заносчивость и спесь которого были воистину достойны выскочки, каковым он и был на самом деле: это был старый генерал Иван Бутурлин и Александр Нарышкин; они старались настроить юного великого князя против Меншикова и использовали с этой целью усиливающееся влияние одного из гоф-юнкеров великого князя, князя Ивана Долгорукова, молодого человека, едва достигшего 18 лет».

Граф Антон (Антуан) Девиер (Девьер) происходил из португальских евреев, случайно замеченных царем Петром на одном из судов, где тот служил юнгой: «…Петр I заметил его и взял к себе на службу. Снача-

Граф Антон Мануилович Девиер, первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга, начальник Охотско-Камчатского края

ла паж и фаворит, затем царский денщик, он стал генерал-адъютантом и обер-полицмейстером Петербурга».

Скорняков-Писарев.

Вице-канцлер П.П. Шафиров утверждал, что Скорняковы-Писаревы вовсе не дворяне, а потомки скорняков да писарей и что отец его «не имея крестьян, сам пахал и его в том с юности обучил, чему есть по его и нынешним грубым поступкам довольные признаки». Но и прокурор Сената Г.Г. Скорняков-Писарев писал о нем самом не менее обидное: ««Михайла Шафиров не иноземец, но жидовской природы, холопа боярского, прозванием Шаюшки, сын, а отец Шаюшкин был в Орше у школьника шафором [то есть кучером], которого родственник и ныне обретается в Орше, жид Зелман».

И, вполне вероятно, что оба этих высоких должностных лица были правы.

Граф Петр Толстой. Фигура уникальная:

«Оба брата (Иван и Петр Толстые. — *С.В.*) были стрелецкими полковниками. Свойственники семьи Милославских, они были в числе сторонников и самых близких наперсников царевны Софии, которая, как известно, посягала не только на корону, но и на жизнь Петра I. Оба они были в числе руководителей кровавого бунта 15 мая 1682 года, который ниспроверг партию Нарышкиных и стоил жизни многим членам этой семьи и многим боярам, среди которых был и знаменитый Матвеев. Через 7 лет, видя, что партия Петра I побеждает и одерживает верх, оба брата в мгновение ока изменили свои убеждения. Они тесно подружились с Федором Матвеевичем Апраксиным и присоединились к сторонникам молодого царя. В то время, когда Софья оказалась в монастыре, ее друзья были приговорены к смертной казни или к изгнанию с конфискацией всего их достояния, а стрельцы были перебиты, — в это самое время оба Толстых получили значительные посты».

Граф Петр Андреевич Толстой, руководитель Тайной канцелярии, неизвестный художник

Но главное, что сделал Толстой для своего царя — выманил царевича из замка Сан-Эльмо в Неаполе, где он скрывался у своего дяди, императора Карла IV:

«Толстой не только обнаружил убежище царевича, но и подкупил его любовницу, гадкую чухонку, которая и склонила царевича вернуться в Россию. Толстой поклялся на кресте, что царевичу будет даровано прощение, но как только несчастный оказался в России, то был предан пыткам и казнен. Кресло в Сенате, голубая лента и обширные земли были наградой Толстому за этот бесчестный поступок».

Генерал Ушаков.

«Этот человек — настоящее чудовище, — оставивший кровавый след в истории России, родился в 1670 году ...сам он и четверо

Генерал Андрей Иванович Ушаков, второй руководитель Тайной канцелярии

Утро стрелецкой казни, худ. В.И. Суриков

его братьев остались сиротами ...доверенными заботой единственного крепостного их отца, крестьянина...

...Ушаков вел эту деревенскую, ничем не примечательную жизнь до двадцати с чем-то лет, когда вышел указ Петра I, предписывающий, под страхом тяжких наказаний для ослушников, всем дворянам без исключения, свободным от службы, явиться в Москву в распоряжение царя.

Андрей Иванович... был записан в первый созданный тогда гвардейский полк, то есть в Преображенский. Он поспешил выучиться читать и писать и поступил в распоряжение своих начальников, чтобы сделаться тайным фискалом. Произведенный в унтер-офицеры, он был замечен царем, выслужился до офицерского чина и постоянно, в продолжении карьеры, которую выбрал, получал поручения от самого царя.

...После смерти старика Ромодановского Тайная канцелярия была переведена в Петербург, а ее руководство доверили Ушакову и старому графу Толстому».

Иван Бутурлин. Представитель Ратшичей, которые отметились во все Смутные времена России.

«В XVI и XVII веках Бутурлины занимали самые высокие государственные посты и играли важные роли. В царствование Петра I один из них, Иван Иванович, пользовался

полнейшим доверием своего государя; генерал-аншеф, подполковник гвардейского Преображенского полка, оказывал весьма сильное влияние на умонастроения гвардии, энергично способствовал восшествию на престол Екатерины I».

Генералиссимус потешных войск Петра он был еще и одним из активных участников следствия по делу о царевиче Алексее Петровиче…

Александр Нарышкин.

Говоря о Смутных временах, мы не можем не остановиться на истории этого рода.

Наталья Кирилловна Нарышкина, дочь капитана рейтарского полка, служившего у всесильного в те времена Артамона Сергеевича Матвеева, убитого во время стрелецкого бунта 1682 года, как и брат Натальи — Иван Кириллович, жила в доме Матвеевых на правах воспитанницы.

Именно Матвеев сыграл исключительную в истории партию, выступив сватом и выдав замуж за Алексея Михайловича девушку, которая была на 22 года младше своего супруга — отсюда и постоянные ее измены, «так как царица Наталья славилась легкостью своих нравов». А «Матвеев сумел объединить в своих руках управление почти всеми приказами: Посольским, Стрелецким, Дворцовым, Малороссийским, Казанским, Астраханским и Монетным двором».

Собственно, Артамон Матвеев и посеял смуту, уговорив на смертном одре царя Алексея Михайловича передать корону младшему сыну Петру, а не старшему сыну Федору — то есть отдать царскую корону роду безвестных Нарышкиных, а не князьям Милославским.

Нарышкины прежде, как выясняется, и не были Нарышкиными — в действительности это Ярышкины.

Вот что сообщал о них князь Петр Долгоруков:

«В наши дни существует семейство Ярышкиных, родоначальник которых, Иван Ярышкин, был убит в 1552 году, во время последней кампании против казанских татар. Его потомки были бедны. Один из них, Поликарп Борисович, получил земли от царя Василия Шуйского и вместе со своим сыном Василием и братом Полиектом (оба скончались бездетными) сменил свое имя на имя „Нарышкины“; этому примеру вскоре последовали четверо его кузенов — четверо братьев, сыновей его дяди Ивана Ярышкина: Полиект, Филимон, Фома и Иван. Они и стали родоначальниками нынешних Нарышкиных».

Оно и понятно: Ярышкины звучали менее благозвучно, ибо слово «ярыжка» слишком откровенно говорило о происхождении этого рода.

Император Петр II с цесаревной Елизаветой Петровной выезжают верхом из села Измайлова осенью на псовую охоту, худ. В.А. Серов

Ярыга (ерыга, ярыжка, ярыжный человек) — представитель одной из категорий населения, выполнявшей некоторые повинности в России в XVI–XVIII веках — ярыжных людей. Судовые ярыжные люди — чернорабочие, грузчики, бурлаки, гребцы на речных и морских судах. Ямские ярыжные люди — погонщики и грузчики на ямских подводах. Набирались из холопов, беглых и обедневших крестьян и посадских людей.

Полиект Ярышкин (Нарышкин) был дедом Натальи Кирилловны, он был убит в 1634 году при осаде Смоленска.

«…едва дело о браке было решено, как Кирилл был пожалован в стольники; через полмесяца после свадьбы он был произведен в думные дворяне; в день рождения Петра I он был уже окольничим, а через шесть месяцев, 27 ноября, был пожалован в бояре. Не проходило и года, чтобы Кирилл Нарышкин не получал обширных поместий, и к моменту смерти царя Алексея он владел уже 88 000 крепостных».

То есть княгиня Лыкова-Оболенская, вдова Ивана Кирилловича Нарышкина, будущая супруга Василия Ивановича Колычева была очень богатой женщиной.

Лев Кириллович — один из оставшихся в живых сыновей Кирилла Полиектовича — «играл немалую роль при дворе своего племянника Петра I».

Его сын, Александр Львович, «был человеком умным и энергичным, но характера высокомерного и надменного. Он пользовался большим уважением со стороны своего кузена Петра I, который запросто звал его „Львович“. Во время страшного процесса царевича Алексея он был единственным из его друзей, кто не был ни арестован, ни допрошен».

Его связь с этим заговором против Петра II весьма условна: он позволил себе высказать «…впрочем, весьма верноподданические, соображения насчет образа жизни последнего (императора Петра II. — *С.В.*), коснувшись неуемной его страсти к охоте, которая мешала любому серьезному начинанию государя, после чего получил повеление покинуть Москву».

Он и отделался меньше других.

Иван Иванович Бутурлин.

Лишенный чинов и знаков отличия, фельдмаршал И.И. Бутурлин сослан был на безвыездное жительство в свои поместья, а вскоре потом лишился и всех деревень, пожалованных ему Петром Великим, которые были отобраны у него Долгоруковыми, занявшими при Петре II место и роль Меншикова. У Бутурлина осталось только родовое село Крутцы во Владимирской губернии, недалеко от города Александрова; там он и скончался 31 декабря 1738 года и был похоронен в Александрове, в Успенском девичьем монастыре.

Именным Высочайшим указом от 22 мая (2 июня) 1727 года Петр Андреевич Толстой и сыновья его были лишены чинов и графского титула. Вместе с Петром Андреевичем в Соловецкую тюрьму был отправлен и его сын Иван. После полутора лет пребывания в тесном сыром каземате 84-летний старик скончался, пережив более чем на 8 месяцев своего сына, и был похоронен с западной стороны монастырского Преображенского собора.

Ушаков отправился в Ревель. У него отняли когда-то пожалованные ему 200 дворов. Позже его перевели в Ярославль. После падения Меншикова ко двору Ушакова не вернули, но через своих агентов Андрей Иванович узнавал важные новости и интриги. Имел какое-то отношение к снаряжению Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга (1728), а позднее Ивана Федорова и Михаила Гвоздева к берегам Америки (1732).

Иван Иванович Бутурлин, с помощью которого взошла на российский трон Екатерина I, худ. В.Н. Бовин

В мае 1727 года Скорняков-Писарев и граф Девиер были осуждены за то, что «замышляли противиться сватанию великого князя, происходившему по высочайшей воле». Оба были биты кнутом, лишены чести, чинов, именья и сосланы в Жиганское зимовье Якутской области, совершенно безлюдное место в 800 верстах от Якутска.

В 1731 году по докладу В. Беринга бывший начальник Морской академии Г.Г. Скорняков-Писарев как человек опытный в науках был назначен начальником Охотского порта с тем, «чтобы он заселил ту местность, завел там хлебопашество и пристань с малою судовою верфью, также несколько морских судов для перевозки на Камчатку и оттуда к Охотску казенной мягкой рухляди и купцов с товарами».

В 1741 году Елизавета Петровна вернула сподвижника своего отца в столицу с восстановлением в прежнем чине и орденах.

А.М. Девиер двенадцать лет провел в Жигановском зимовье. После того как Г.Г. Скорняков-Писарев не «сошелся характером» с людьми из команды Беринга, он был заменен на посту начальника Охотского порта Девиером. И 13 апреля 1739 года тот приступил к делам, заручившись поддержкой и добрыми отношениями со стороны Беринга.

1 декабря 1741 года последовал именной указ императрицы Елизаветы Петровны об освобождении Девиера из ссылки «с отпущением вины». Указ пришел в Охотск в июне 1742 года, и в начале следующего года Девиер прибыл в Петербург. Высочайшим указом от 14 февраля 1743 года Девиеру были возвращены орден и графский титул, а также поместье в Валуйском уезде Белгородской губернии с 1600 душами крестьян.

Порт Охотск

15 июля 1744 года Девиер был произведен в генерал-аншефы, а 17 декабря 1744 года был вновь назначен генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга. Однако преклонный возраст и тяжелые испытания дали знать о себе многочисленными болезнями. 24 апреля1745 года заболевший Девиер удалился в отставку «вплоть до выздоровления». Но выздоровление так и не наступило. 24 июня (5 июля) 1745 года он скончался, и через три дня был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры (могила не сохранилась).

Александр Львович Нарышкин 27 мая 1727 года был сослан в ссылку в одну из своих деревень, с указанием жить там безвыездно. Однако после опалы Меншикова уже 27 сентября того же года ему было позволено вернуться в столицу. Ведь он, в отличие от всех остальных своих «коллег», был двоюродным братом покойного императора…

КНЯЗЬЯ ДОЛГОРУКОВЫ

Безнаказанным в этой истории с заговором против светлейшего князя Александра Даниловича и расстройства свадьбы его дочери с императором Петром II остался один только человек — ближайший друг императора — князь Иван Алексеевич Долгоруков.

Как показала дальнейшая история — это и был самый опасный для Меншиковых человек.

Впрочем, внешне так не казалось:

«Как и все поколение, родившееся при Петре I, он был пропитан традиционным раболепием и безнравственностью, свойственными русскому двору того времени. Словом, князь Иван, несмотря на свой природный ум, был ничтожным человеком, испорченным до мозга костей».

Меншиков прозевал другое:

«Его неограниченное влияние на молодого государя (которому на момент венчания на царство исполнилось только одиннадцать с половиной лет. — *С.В.*) делало его, можно сказать, *вершителем судеб России* (выделено мной. — *С.В.*)».

Но и это еще не все.

Сам князь Иван Алексеевич был всего лишь обыкновенной пешкой в той игре, которую начали разыгрывать на историческом поле России князья Долгоруковы.

Им долго не везло с тем, чтобы побывать на самой вершине власти, хотя к престолу удавалось подойти на самое ближнее расстояние.

Но в последний момент все *обязательно* обрывалось…

Долгоруковы — это одна из младших ветвей князей Оболенских. Да-да, тех са-

Светлейший князь Александр Данилович Меншиков, худ. А.М. Шилов

мых Оболенских, которые совершили государственный переворот и сделали Елену Глинскую правительницей, а ее любовника (и вероятного отца царя Ивана IV) — Ивана Федоровича Овчину Телепнева-Оболенского — конюшим, то есть престолоблюстителем.

Князья Оболенские — это был один из самых многочисленных княжеских родов, пустивших многочисленные ветви новых исторических династий: Асовицкие, Белевские, Борятинские, Воротынские, Горенские, Завальские, Звенигородские, Золотые, Карачевские, Кашины, Курлятевы, Лыковы, Мезецкие, Нагие, Ноготковы, Новосильские, Оболенские, Одоевские, Пенинские, Репнины, Серебреные, Стригины, Тарусские, Телепни, Тростенские, Туренины, Щепины, Щербатые, Ярославовы.

Князь Иван Андреевич Оболенский (17-е колено от Рюрика — линия Черниговских князей) отличался особой мстительностью и злопамятством, почему и получил прозвище Долгоруков — «Длинные руки».

А вот и самый первый (правда, мифический, но передаваемый историками из книги в книгу) эпизод вхождения Долгоруковых (выделившихся в период опричнины после массовой казни князей Оболенских) на царский трон, связанный с Грозной эпохой:

«…женившись на ней 1573 г. ноября 11, он узнал, что она еще прежде потеряла свое девство, и на другой день после свадьбы приказал затиснуть ее в колымагу, повезти на борзых конях и опрокинуть ее в воду», — писал знаменитый историк Н.И. Костомаров в статье «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия 1604–1613», опубликованной в журнале «Вестник Европы» в 1866 году.

Речь идет о княжне Марии Долгоруковой, которая стала пятой по счету женой, приписываемых Ивану Грозному. Но никаких реальных источников, подтверждающих брак царской особы с княжной Долгоруковой, на самом деле не существует.

Выборы невесты царем Алексеем Михайловичем, худ. К.Е. Маковский

Но существуют другие факты.

«Уже после своего возвращения в Россию Филарет Романов решил женить своего сына, царя Михаила Федоровича, на особе знатного рода, и его выбор пал на княжну Марию Долгорукову, дочь боярина князя Владимира Тимофеевича. Прочие знатные семьи с завистью взирали на этот выбор. Молодую царицу отравили: она заболела на следующий же день после свадьбы, 20 сентября 1624 года, и угасла 7 января 1625 года, после 3,5 месяца агонии. Тогда Филарет решил вновь женить царя, на этот раз на дочери безвестного и бедного дворянина Стрешнева».

Князья Долгоруковы, став ближайшими людьми в окружении юного императора Петра II, совершили то, что казалось совершенно невозможным — они добились низложения светлейшего князя Меншикова, который был сослан в Березово.

У него конфисковали почти все (кроме вкладов в иностранных банках), что он «приобрел» во времена правления Петра I и Мавры Скавронской:

«Его состояние представляло собой 90 000 крепостных, города Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, Почеп, Батурин; 4 000 000 рублей (более 25 000 000 нынешних франков), изъятых из бочек, наполненных золотом; капиталы на сумму в 9 000 000 рублей (примерно 60 000 000 современных франков), размещенные в банках Лондона и Амстердама; бриллианты и предметы, украшенные бриллиантами, на сумму более 1 000 000 рублей; 45 фунтов (около 20 килограммов) золота и слитков; золотую посуду и золотые предметы на 60 фунтов (25 килограммов); три серебряных сервиза на 24 куверта каждый; один из этих сервизов был сделан в Лондоне, другой в Гамбурге, третий в Аугсбурге; четвертый к тому времени был только что заказан в Париже и за него уже был выплачен задаток; наконец, мебель и домашняя утварь такого великолепия, что редкий государь в Европе того времени владел таковой».

Сокрушив Меншикова, Долгоруковы решили, что наступила их время править Россией.

Князь Петр Владимирович Долгоруков весьма жестко оценивал позицию своих родственников по вопросу о власти:

«Долгоруковы не являли собою партию, они не выражали никаких иных взглядов, кроме сугубо личных, весьма эгоистических, и имели целью единственно и исключительно уничтожение любого соперничавшего с ними придворного влияния ради собственного обогащения и наслаждения жизнью со всеми ее радостями, не заботясь ни о правах, ни о достоинстве всех прочих людей».

Меншиков в Березове, худ. В.И. Суриков

Екатерина Алексеевна Долгорукова

Одним из условий, который выставлял Меншиков для воцарения Петра II, была женитьба императора на дочери светлейшего князя.

Долгоруковы же решили, что невестой на этой свадьбе должна быть сестра князя Ивана — княжна Екатерина: ей «было восемнадцать лет, и она была на четыре года старше императора. Высокая, красивая, с тонкой талией, гибким станом, с прекрасными черными волосами и выразительными, полными сладострастия глазами...»

«Во время последней большой охоты, на которой присутствовал Петр II, — охоты, длившейся два месяца, центральным местом сбора были Горенки, поместье князя Алексея Долгорукова; там же находилась вся его семья; дамы часто сопровождали императора на охоте, и во время одного из таких вечеров, в сентябре, после обильного ужина, подстроили так, что княжна Екатерина осталась наедине с императором... Петр II повел себя как честный человек; он решил жениться на молодой особе, у которой похитил то, чего был не в состоянии вернуть.

...30 ноября в Лефортово, где проживал император, состоялось торжественное обручение.

Особый указ предписывал присвоить молодой особе титулы Государыни невесты и Ее Императорского Высочества.

...Бракосочетание было назначено на 19 января 1730 года...

...В семье Долгоруковых царили радость и веселье, каковые они не давали себе труда скрывать. Князь Алексей получил от императора 12 000 крестьянских дворов, то есть около 40 000 крепостных...

...Катастрофа стремительно приближалась.

Во вторник, 6 января 1730 года, в праздник Богоявления, на обязательную церемонию крещения воды на льду Москвы-реки выстроились на парад два гвардейских полка, Преображенский и Семеновский, под командованием фельдмаршала Долгорукова. На церемонию приехала княжна-невеста в золоченых санях цугом; император стоял на запятках ее саней...

...По возвращении во дворец молодой император пожаловался на сильную головную боль. На следующий день, в среду утром, обнаружилась оспа, но в довольно легкой форме... но... в четверг молодой император совершил злосчастную ошибку: он открыл форточку и подышал свежим январским холодным воздухом; оспа возобновилась, и на этот раз уже не было никакой надежды спасти государя.

...Днем в субботу, 17 января, князь Алексей, его сын Иван, оба брата Алексея, Сергей и Иван, и Василий Лукич собрались в спальне князя Алексея на первом этаже дворца Головина; все были озабоченные и обеспокоенные. Они говорили о болезни императора, о его неизбежном конце и о том, что воспоследует вслед за этим.

— Кого же следует возвести на престол? — спросил князь Алексей.

— А ты как думаешь? — спросил вместо ответа Василий Лукич.

— Надо бы, — ответил Алексей, — оставить завещание, по которому император... передал бы корону ей, — добавил он, указывая пальцем на верхний этаж дворца, где находилась в то время его дочь, княжна Екатерина.

— Народ не поверит такому завещанию, — возразил князь Василий. — Это очень уж опасная затея, может плохо кончиться.

— Не так уж опасная, как ты думаешь! — воскликнул князь Сергей.

Тогда князь Василий, опасаясь скомпрометировать себя в глазах родни бесконечными возражениями, сказал:

— Я должен познакомить вас с письмом, полученным мною от датского посла. Он пишет мне: „Поговаривают о безнадежном положении императора. Если случится его потерять, кого вы возведете на престол? Восшествие великой княжны Елизаветы было бы весьма нежелательным для Его Величества короля Дании. Вам следовало бы посадить на трон невесту императора, вашу племянницу. Ведь возвели же Меншиков и Толстой императрицу Екатерину на престол после смерти Петра I“.

...завещание было написано здесь же, не сходя с места, под диктовку князя Василия и князя Алексея братом последнего, князем Сергеем.

...Предположение подписать завещание у императора успехом не увенчалось.... днем в воскресенье император потерял сознание: смерть неумолимо приближалась, и в понедельник, 19 января 1730 года (по старому стилю), в день, назначенный для празднования свадьбы, в половине второго утра, в присутствии Остермана (который ни на минуту не отходил от умирающего. — *С.В.*) и князя Ивана, Петр II испустил последний вздох. Ему было четырнадцать лет и три месяца; он царствовал два года и восемь месяцев. С ним угасла династия Романовых, процарствовавшая сто семнадцать лет».

На заседании Верховного тайного совета, созданного еще в правление Мавры Скавронской для легитимации правящей деятельности Александра Даниловича Меншикова, возглавившего Верховный совет, идею о возведении на престол Государыни-невесты сразу отвергли.

За эту идею были только князья Долгоруковы. Но они оказались в меньшинстве.

Но и дочери Петра тоже не интересовали в этот момент «верховников».

Князь Дмитрий Голицын, который вел заседание Совета, высказался весьма категорично на этот счет:

«Мужская линия императорской фамилии, — сказал он, — пресеклась; со смертью государя угасло законное потомство императора Петра I. Нечего думать о петровских выблядках. Завещание Екатерины не имеет, вероятно, для нас никакого значения; девка из грязи вытащенная, никогда не имела никакого права вступить на престол и еще меньше прав имела распоряжаться Российской короной. Завещание покойного императора, о котором я только что говорил, подложное...»

Слово «подложное» было произнесено уже тогда. Но оно осталось внутри Верховного совета и не было вынесено наружу для правовой оценки.

Предложение же, которое озвучил все тот же князь Дмитрий Михайлович Голицын, — возвести на российский престол дочь царя Ивана V Алексеевича — Анну Иоанновну (которая уморит впоследствии князя в Шлиссельбургской крепости).

И первым, кто согласился с князем Голицыным, ко всеобщему удивлению, был князь Василий Лукич Долгоруков.

Но все оказалось проще — князь «...во время своей дипломатической миссии в Митаву несколько недель был любовником герцогини и надеялся, вновь став им, вернуть свое влияние и подчинить ее своей воле».

И в этих своих мыслях (правда, по другой причине) он был не одинок.

Таких желающих в России были уже тысячи, которые мечтали, что с приходом на царство нищей герцогини Курляндской, которой они подарят царство при условии подчинения ее воле дворян, в России возникнет конституционная монархия

Дмитрий Михайлович Голицын

Императрица Анна Иоанновна, худ. Луи Кавала

и править Россией будут уже они, как польская шляхта, дворяне — «белая косточка» России.

Увы…

Все повернулось совсем не так, как этого хотелось «василиям лукичам».

Через много-много лет, на границе XVIII и XIX веков молодой мичман (впоследствии участник декабрьского восстания 1825 года) Владимир Иванович Штейнгейль, детство которого прошло на Камчатке, будет служить после окончания Морского кадетского корпуса на судах Охотской флотилии и встретится с человеком, который был свидетелем восшествия на престол императрицы Анны Иоанновны:

«В Камчатке в то время было интересное лицо, любимое всеми камчадалами, под именем Матвеевича; это Ивашкин, крестник Петра Великого. Офицер гвардии Анны Иоанновны, которого она благословляла на брак и которого потом, при восшествии на престол Елизаветы, высекли кнутом с ужасным вырезанием ноздрей. Лет 20 он прожил в Якутске и 40 в Камчатке. Я вскоре познакомился с этим интересным мучеником. Грешно было бы пройти молчанием анекдот, им рассказанный. Во время коронации Анны Иоанновны, когда государыня из Успенского собора пришла в Грановитую палату, которой внутренность старец описал с удивительной точностию, и поместилась на троне, вся свита установилась на свои места, то вдруг государыня встала и с важностию сошла со ступеней трона. Все изумились, в церемониале этого указано не было. Она прямо подошла к князю Василию Лукичу Долгорукову, взяла его за нос, — „нос был большой, батюшка“, — пояснял старец, — и

Анна Иоанновна разрывает «кондиции» об ограничении самодержавия, гравюра XVIII века

повела его около среднего столба, которым поддерживаются своды, обведя кругом и остановилась против портрета Грозного, она спросила:

— Князь Василий Лукич, ты знаешь, чей это портрет?

— Знаю, матушка государыня!

— Чей он?

— Царя Ивана Васильевича, матушка.

— Ну, так знай же и то, что хотя баба, да такая же буду, как он: вас семеро дураков сбиралось водить меня за нос, я тебя прежде провела, убирайся сейчас в свою деревню, и чтоб духом твоим не пахло!

Старец знал и последствия».

А последствия таковы.

Светлейший князь Александр Данилович Меншиков умер в ссылке, в сибирском остроге Березово, 12 (23) ноября 1729 года.

А 12 июня 1730 года последовал указ о ссылке Долгоруковых:

«Князь Алексей вместе с семьей высылался в Березов, где должен был содержаться в тюрьме наистрожайшим образом. Его братья, князь Сергей и Иван, высылались вместе с семьями, первый — в Раненбург, второй — в Пустозерск; князь Василий Лукич был сослан в Соловецкий монастырь на Белом море; самый молодой из братьев князя Алексея, Александр, был отправлен на Каспийскую флотилию служить простым лейтенантом».

«15 июля последовал новый указ: имущества и поместья князя Алексея, его сыновей, его братьев, Ивана и Сергея, и князя Василия Лукича были конфискованы».

Но и в Березове ссыльных не оставили без внимания. За связь с жителями этого городка доверенное лицо генерала Андрея Ушакова, возвращенного Анной Иоанновной на службу и назначенному в 1731 году начальником Канцелярии тайных розыскных дел, арестовало около тридцати человек, в том числе и участника Великой Северной экспедиции лейтенанта Дмитрия Овцына, который вступил в любовную связь с Государыней-невестой.

У Долгорукова об этом гораздо жестче:

Свидание княгини Н.Б. Долгоруковой с мужем в Березове, гравюра с рисунка худ. А.П. Рябушкина

«Княжна Екатерина, бывшая невеста императора, вела в Березове жизнь беспутную: она имела связь с гарнизонным лейтенантом по имени Овцын».

Дмитрия Овцына, разжалованного в матросы, спас Витус Беринг, который имел в Сибири и широко использовал особые полномочия — он возвел его в ранг своего денщика, а по итогам Второй Камчатской экспедиции Овцын был восстановлен в прежнем чине.

Не повезло Долгоруковым.

«В Тобольске князь Иван был брошен в тюрьму, где его приковали цепью к стене; руки и ноги сковали кандалами; ему не давали спать и довели до такого нервного возбуждения, что он начал говорить о прошлом…»

И что-то вспомнил…

Бирон (Долгоруков его называет только Бирен, отец которого служил кучером) — фактический правитель России во времена царствования Анны Иоанновны — приказывает доставить всех Долгоруковых в Новгород для проведения нового следствия.

Шел уже 1739 год.

И вот главное:

«Допросы протекали с суровостью, доходящей порой до свирепости: основное место в них занимали пытки. Палачи сумели опоить младшего брата князя Ивана, Алексан-

КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ,

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ,

Портреты княгини Екатерины Юрьевской (Долгоруковой) и императора Александра II, худ. К.Е. Маковский

дра, и таким образом вырвали у него признания, весьма компрометирующие всю семью. Придя в себя, в приступе отчаяния, он схватил нож и вспорол себе живот. Но эта попытка самоубийства была вовремя замечена и на рану наложили швы, что и спасло ему жизнь».

Но не честь. В семье его прокляли.

«Постановлением императрицы князь Иван приговаривался к четвертованию; его дядья, князья Сергей и Иван, и князь Василий Лукич — к обезглавливанию; фельдмаршал Долгоруков и его брат Михаил — к конфискации имущества и заточению, один — в Соловецком монастыре, другой — в Шлиссельбургской крепости. Одного из братьев князя Ивана, 26-летнего Николая, приговорили к урезанию языка и ссылке на каторгу в Охотск; 23-летнего Алексея пожизненно сослали на Камчатку простым матросом; Александра, которому был 21 год, сослали на каторгу на Камчатку; всех троих братьев били кнутом, а трех сестер заточили в монастырь».

Казнь состоялась 8 ноября 1739 года.

P.S.

«...князь Алексей, сосланный на Камчатку простым матросом, пристрастился там к беспутному пьянству. Вернувшись из ссылки (при Елизавете Петровне. — *С.В.*) и став морским офицером, он женился на княжне Мышецкой и имел от нее сына Григория, умершего холостым в 1812 году, человека достойного и уважаемого, одного из главных русских франкмасонов своего времени. Овдовев, князь Алексей вновь женился на вдове Плещеева; от которой у него был сын Иван и дочь, жена князя Петра Меншикова».

«Младший из братьев императорской невесты, князь Александр Долгоруков, вернувшись из ссылки, женился на Матюшкиной, отец которой, Кирилл Петрович, был троюродным братом Петра I... По возвращении из ссылки его братья и сестры не захотели более с ним знаться; родня звала его детей не иначе, как „проклятое племя“, и так продолжалось до тех пор, пока старший его сын, Александр, не добился благосклонности императора Павла, назначившего его сенатором и действительным тайным советником. В России императорская благосклонность превосходит все: прекратилась и эта вендетта».

Но наша история будет незаконченной, если мы не расскажем вам о правнучке Александра Алексеевича Долгорукова — морганатической супруге императора Александра II, матери его детей — Георгия, Бориса (умер во младенчестве), Ольги и Екатерины — Екатерине Михайловне Долгоруковой, светлейшей княгине Юрьевской.

Дети императора Александра II и светлейшей княгини Юрьевской — Георгий, Екатерина, Ольга, худ. К.Е. Маковский

Многие годы Екатерина Долгорукова была любовницей императора. И при этом рожала ему детей.

29 июня (11 июля) 1874 года Александр II отправил тайный указ в Сенат: «Малолетним Георгию Александровичу и Ольге Александровне Юрьевским даруем мы права, присущие дворянству и вводим в княжеское достоинство с титулом светлейших. Александр».

В 1880 году после смерти своей законной жены он заключил брак с княжной Долгоруковой. Но этот брак был морганатическим — дети, рожденные до этого брака, не могли наследовать ни титула, ни богатства....

Екатерина Михайловна считала себя Вдовствующей Императрицей. Но на самом деле она не была коронована, хотя коронация и готовилась. Император этого сделать не успел — его смертельно ранила бомба террористов...

РУССКАЯ ПАРТИЯ

Европейцы начали оседать в России еще во времена царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Но круг этой оседлости был весьма ограничен.

Но то, что произошло во времена царствования Петра I, нельзя считать нормальным миграционным процессом. Это была оккупация.

П. Долгоруков: «Даже при беглом просмотре этого списка (перечень русского генералитета. — *С.В.*) легко убедиться в немалой значимости социальных реформ, проведенных крепкой рукой умного императора Петра I: имена новых людей, немцев, иностранцев образуют значительную часть этого списка. Лифляндский и иностранный элемент занимают пятую часть высших гражданских чинов, треть в армии и две трети — на флоте. Надобно признать, что еще за сорок лет до того никто не мог предвидеть прихода на высокие государственные должности столь интернационального контингента, и одно это доказывает, сколь глубокие корни пустили преобразования Петра на русской почве».

Вопрос в другом — были ли эти преобразования *русскими* по своему содержанию.

Следствие по делу царевича Алексея Петровича вскрыло факты такого колоссального негодования русских людей по поводу проводимых Петром I — Антихриста в народном осознании — реформ и его ближайшего иностранного окружения, что он вынужден был прекратить дальнейший розыск...

Иностранцы были наемниками, готовыми служить за деньги любому правительству любой страны.

Но под видом иностранных наемников в Россию просачивались и откровенно враждебные силы.

И в первую очередь это были якобиты — сторонники низложенного английского короля католика Якоба-Якова, бежавшие во Францию и создавшие на родине при поддержке папы римского и королей Франции и Пруссии тайные (масонские) ложи.

В петровской России якобиты оказались на вершине власти.

Вот этот шотландский «букет»:

Фельдмаршал Яков Виллимович Брюс, фельдмаршал и граф Ласси, адмирал Томас Гордон, племянник Патрика Гордона, ближайшего сподвижника царя Петра; генерал-лейтенант, граф Оттон-Густав Дуглас; вице-адмирал Даниэл Уилстер, генерал-майор Яков (Джемс) Виллимович Кейт, контр-адмирал, лорд, шотландский пэр Дюффюс.

Забегая вперед, дадим оценку деятельности в России братьев Кейт:

Русский историк Г.В. Вернадский в своей книге «Русское масонство в царствование Екатерины II» сообщает о Джемсе Кейте следующее:

«Кейт, — пишет Вернадский, — был представителем семьи, объединявшей в своей деятельности три страны — Россию, Шот-

Фельдмаршал Пруссии Джемс Кейт, худ. Антуан Пэн

ландию и Пруссию. Сам Джемс Кейт бежал из Англии и после неудачного исхода якобитского восстания (в котором Кейт принимал участие на стороне претендента — Стюарта), в 1728 г. сделался русским генералом; около 1747 г. перешел на службу Пруссии; он участвовал затем на стороне Пруссии в Семилетней войне и в 1758 г. был убит в битве при Гохкирхене».

«Брат его, Джон Кейт (лорд Кинтор), был гроссмейстером английского масонства; Джордж Кейт (лорд-канцлер, бежавший из Англии в Испанию, откуда, преследуемый английской дипломатией, перебрался в Россию; из России Джордж Кейт переехал в Венецию, а оттуда — в Пруссию, где „король-философ“ Фридрих II Гогенцоллерн, видный масон, оценил его по заслугам, назначив прусским посланником во Франции. — *Ред.*) — известный генерал Фридриха II (приговоренный в Англии к смертной казни за содействие тому же Стюарту), наконец, тоже Кейт (Роберт) был английским послом в Петербурге (несколько позже, в 1758–1762 годах).

В 1740 году Джон Кейт, граф Кинтор, назначает Джемса Кейта великим мастером России (в 1731 году русское масонство уже имело своего Великого Провинциального мастера — Джона Филиппса. — *Ред.*).

Будучи великим мастером России, Джемс Кейт в то же время был шпионом прусского короля Фридриха Великого».

К моменту приезда Джемса Кейта в Россию, в ней уже существовали, среди наводнивших Россию немцев, немецкие масонские ложи.

«…Есть основание думать, — указывает А.П. Пыпин в своем исследовании “Русское масонство в XVIII и первой четверти XIX в.”, что во время Анны (Императрицы Анны Иоанновны. — *Ред.*) и Бирона у немцев в Петербурге были масонские ложи; о самом Кейте есть сведения, что он имел какие-то связи с немецкими ложами еще до своего гроссмейстерства в России.

Масонское семейство Кейтов прочно утвердилось в России. В книге В. А. Бильбасова „История Екатерины II“, изданной в 1900 году в Берлине, мы встречаем опять имя Кейта (Роберт Кейт). Бильбасов сообщает, что английский посланник Кейт вошел в доверие к Петру III и все, что узнавал от него, сообщал Фридриху, а Екатерина II, организуя заговор против Петра III, сблизилась с Кейтом настолько, что вскоре же заняла у него деньги. Имя Джемса (Якова) Кейта пользовалось большим уважением у русских масонов. В царствование Елизаветы русские масоны пели на масонских собраниях следующую песнь в честь Джемса Кейта:

* * *

По нем [по Петре Великом] светом озаренный
Кейт к россиянам прибег;
И усердием воспаленный
Храм премудрости поставил [основал ложу],
Огнь священный здесь возжег.
Мысли и сердца исправил
И нас в братство утвердил.
Кейт был образ той денницы,
Светлый коея восход
Светлозарные царицы (богини правды и справедливости Астреи. — *В.А.*)
Возвещает в мир приход…»

* * *

Но еще более суровыми были отзывы отечественных историков о засилье иностранцев во время царствования императрицы Анны Иоанновны.

В.О. Ключевский характеризовал его так:

«Немцы посыпались в Россию как сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении… Русским же аристократам, как, например, князю М.А. Голицыну, была предложена должность шута».

Кандидатуру императрицы Анны Иоанновны предложил на Тайном верховном со-

вете князь Дмитрий Михайлович Голицын. Но он же предложил и другое — ввести ограничение самодержавной власти русского царя.

Когда-то князья Патрикеевы, из которых вышли Голицыны и Куракины, были первыми боярами и проводили государственную политику от имени великого князя, будучи по своему происхождению потомками великих князей Литовских — Гедиминовичами.

В 1613 году фамилия князей Голицыных была в списке претендентов на московский трон. Все известные в последующие века князья Голицыны являются потомками детей князя Андрея Андреевича — Василия, Ивана, Алексея и Михаила.

Князь Василий Васильевич Голицын, фаворит правительницы Софьи Алексеевны Романовой, был фактическим правителем России, впоследствии сослан с сыном Алексеем и внуками (в том числе и Михаилом Алексеевичем, о котором писал В.О. Ключевский) в Архангельскую губернию, где он умер в 1714 году в Пинеге. Все его имущество было конфисковано царем Петром I.

Василий Васильевич был родоначальником старшей ветви князей Голицыных — Васильевичей.

Другую — младшую родовую ветвь вели Михайловичи, достигшие после падения Василия Васильевича самых больших политических высот.

Дмитрий Михайлович, по мнению князя Петра Долгорукова:

«...стремился положить пределы верховной власти, но в этом деле, несмотря на недюжинный ум, семейная гордость ослепила его и в конце концов погубила: вместо свободы он возжелал для своей страны олигархии, и притом олигархии самого узкого состава, то есть формой правления еще худшей, чем единоличный деспотизм».

Но нужно признать и другое — предложение Голицына вызвало восторженный отклик русских и... яростное (хотя и молчаливое) сопротивление «немцев».

Русские на тот момент и не заметили подмены понятия «свободы» передачей власти самодержца представителям всего лишь двух русских семей — князей Голицыных и Долгоруковых.

Русские бросились писать свои проекты ограничения самодержавной власти, беспрестанно при этом ссорясь.

«Немцы» — тайно послали своих послов в Митау, в Курляндию, к Анне Иоанновне, чтобы выразить ей свою поддержку.

И она взошла на престол, опираясь на иностранцев, публично разорвав русские «Кондиции», в которых были сформулированы ограничения ее самодержавных прав.

Затем она усиливает иностранное окружение вокруг себя — создав из иностранцев новые гвардейские полки — Лейб-гвардии Конный и Измайловский.

Затем она расправилась сначала с Долгоруковыми.

А затем очередь дошла и до Голицыных.

Князь Дмитрий Михайлович был заключен в Шлиссельбургскую крепость, где и умер в заточении 14 (25) апреля 1737 года.

Но гонения на их род начались гораздо раньше. И первой жертвой ненависти императрицы к роду Голицыных стал князь Михаил Алексеевич.

«Шут князь Михаил Голицын был внуком знаменитого князя Василия Голицына, первого министра и любовника царевны Софьи, сосланного Петром I на Крайний Север России, где он и умер спустя 24 года весьма суровой ссылки. Вместе с ним был сослан и его старший сын Алексей, женатый на Квашниной, который впал в глубокую тоску и еще прежде отца сошел в моги-

Шлиссельбургская крепость на о-ве Орешек, petergof.online

лу. Князь Михаил родился в 1689 году, в тот самый год ужасной катастрофы, постигшей его отца и деда; юношей он был сдан в простые солдаты и даже в сорок лет имел скромный чин майора линейного полка. Он женился на девице Хвостовой, от которой у него был сын Николай, позднее женившийся и вскоре после этого скончавшийся бездетным, и дочь Елена, вышедшая замуж за графа Алексея Апраксина. Овдовев, князь Михаил отправился путешествовать; в Италии он женился на местной уроженке и под ее влиянием принял католицизм. Поскольку эта женщина была

Акварель «Новобрачные в спальне Ледяного дома», худ. П. Поляков, 1894 г., иллюстрация к книге И.И. Лажечникова «Ледяной дом»

простого происхождения, то он не решался объявить о своем браке, опасаясь упреков со стороны своей родни, состоявшей из людей богатых и занимавших высокое положение в светском обществе. Вернувшись с женой в Россию, он поселил ее в Москве, в Немецкой слободе, и только в 1736 году при дворе стало известно о его браке и о местопребывании жены. После смерти фельдмаршала Голицына Бирен и немцы начали преследовать эту семью, занимавшую столь высокое положение в российском обществе, и были очень рады нанести ей кровное бесчестие. Князь Михаил Алексеевич был осужден играть при дворе роль шута; ему не хватило мужества покончить счеты с жизнью и тем избавиться от этой презренной роли».

Символом же русского сопротивления иноземному владычеству в России стало дело Волынского и его товарищей, хотя не все историки согласны с этим определением.

Герцог Курляндский, фаворит императрицы Анны Иоанновны и фактический правитель государства, в ответ на сомнения графа Остермана по поводу назначения Артемия Волынского министром, писал ему весьма откровенно:

«Дорогой граф, именно мне Волынский обязан тем, что его не повесили еще в те времена, когда двор проживал в Москве; мне известно все, что можно о нем сказать; я знаю его недостатки, я знаю его пороки; но что поделаешь? Где отыскать среди русских человека лучше и способнее его! Все эти русские никуда не годятся; среди них некого выбирать; их надо принимать такими, как они есть!»

Но вице-канцлер граф Остерман сразу же почувствовал в Волынском врага и конкурента. И эти чувства, как оказалось, были взаимными. Вопрос стоял только в том, кто кого и когда переиграет.

«Во время свадьбы несчастного шута Голицына в феврале 1740 года Волынский, который занимался всеми приготовлениями этого безобразного праздника — все ради того, чтобы угодить императрице, — решил заказать стихотворное произведение на это событие. Для этого он послал за академиком Тредиаковским, профессором поэзии и красноречия, самым косноязычным из писателей и самым плохим стихотворцем...

...Тредиаковскому вручили наброски для будущего стихотворного произведения с приказанием срифмовать все ко дню свадьбы, назначенной на среду, 6 февраля, то есть через два дня.

Профессор... отправился на следующее утро к Бирену, чтобы „припасть к но-

гам Его Светлости и подать жалобу на Его Высокопревосходительство“, как он писал в своей жалобе. Но судьба лишила его радости „припасть к ногам Его Светлости“. Пока он находился в приемной, приехал Волынский; заметив профессора, он подошел к нему и спросил: „А ты что здесь делаешь?“ Тредиаковский настолько обмер со страху, что не мог произнести ни слова; обер-егермейстер дал ему пощечину, взял за шиворот, вывел, а вернее, выбросил в прихожую и приказал отвести его в Слоновий дом и посадить под арест. Через короткое время туда прибыл и сам Волынский и, когда к нему привели Тредиаковского, приказал отобрать у него шпагу, снять с него одежду, разложить на полу и дать семьдесят ударов палкой по спине, а затем посадили под ключ, чтобы он учил наизусть шутливые стихи, которые должен был прочесть на следующий день. Он оставался под замком всю ночь и утро среды 6 февраля. После обеда, наряженный по этому случаю и с маской на лице, бедняга был приведен двумя солдатами в манеж, где проходил свадебный обед, и должен был читать свои шутливые стихи, так не соответствовавшие его печальному положению».

Но и стихи не выглядели шутливыми — скорее, были скабрезными и гадкими.

* * *

Здравствуйте, женившись, дурак и дура,
еще и блядочка, то-та и фигура.
Теперь-то прямое время вам повеселиться,
теперь-то всячески поезжанам должно беситься,
Кваснин дурак и Буженинова блядка
сошлись любовно, но любовь их гадка.
Ну мордва, ну чуваши, ну самоеды,
Начните веселье, молодые деды.
Балалайки, гудки, рожки и волынки,
сберите и вы бурлацки рынки,
плешницы, волочайки и скверные бляди,
ах, вижу, как вы теперь ради,
гремите, гудите, брянчите, скачите,
шалите, кричите, пляшите,
Свищи, весна, свищи, красна.
Не можно вам иметь лучшее время,
спрягся ханский сын, взял ханское племя:
Ханский сын Кваснин, Буженинова ханка,
Кому того не видно, кажет их осанка!
О пара! О нестара!
Не жить они станут, но зоблют сахар,
А как он устанет, то другой будет пахарь.
Ей и двоих иметь диковинки нету,
Знает она и десять для привету.
Так надлежит новобрачным приветствовать
ныне,
дабы они во все свое время жили в благостыне.
Спалось бы им, да вралось, пилось бы, да елось.
Здравствуйте, женившись, дурак и дурка,
еще и блядочка, то-та и фигурка.

* * *

«После этого его снова отвели в тюрьму, где он провел ночь. На следующий день, в четверг, Волынский вновь приказал привести его и объявил, что перед тем, как его освободят, его опять положат под палки. Бедняга разрыдался, бросился в ноги своему палачу и умолял о пощаде. Но Волынский не сжалился, но приказал разложить его на полу и дать еще десять палок, после чего потребовал, чтобы тот простерся перед ним ниц и, наконец, отпустил. Тредиаковский подал жалобу…»

Это, собственно, и послужило поводом к началу следствия, финалом которого стала казнь Волынского и его товарищей.

Ничего существенного в этом деле обнаружить не удалось.

А.П. Волынский на заседании кабинета министров, худ. В.И. Якоби

Но была уже формула обманутого в своих надеждах герцога Курляндского (бывшего мелкого остгейского дворянина, «внука конюха»), задетого за живое тем, как вел себя Волынский в покоях Бирона: «Он или я. Один из нас должен погибнуть!» — так заявил он своей верной любовнице — русской императрице Анне Иоанновне. И она не смогла отказать отцу своих детей, которых растила и воспитывала мадам Бирон.

Портрет неизвестного с камергерским ключом, традиционно принимаемый за изображение Артемия Волынского, худ. Г. Хойзер

Бирон капризничал. Но трибунал из высших (в том числе и русских) чиновников даже переусердствовал перед всесильным фаворитом: генерал-прокурор князь Трубецкой «предложил приговорить де Ла Сюда к обезглавливанию; Эйхлера — к колесованию; Мусина-Пушкина, Соймонова, Еропкина и Хрущева — к четвертованию; Волынского — посадить живьем на кол, с предварительным урезанием языка; наконец, детей Волынского (абсолютно безвинных в этом деле) приговорить к пожизненной ссылке в Сибирь и конфисковать все имущество обвиняемых, а также и имущество, принадлежащее их семьям».

Если Петр I отправлял в ссылку друзей детства царевича Алексея Петровича за то, что они были дружны, то в данном случае приговаривали к смерти людей, которые собирались и обсуждали проект важнейших государственных реформ, работу над которым поручила своему министру сама императрица Анна Иоанновна.

Но на суть и логику судьям было наплевать — они раболепно исполняли волю правителя Бирона.

«Трибунал (в составе пятнадцати человек. — *С.В.*) единодушно высказался за этот жестокий приговор... В его составе были родственники, друзья обвиняемых, были два зятя Волынского; но ужас, витавший над русским обществом, был столь силен, что не только не прозвучал ни один голос несогласия, никто даже не посмел выразить ни малейшего сомнения! Это заседание напомнило самые черные дни Восточно-Римской византийской империи или эпоху монгольского ига на Руси. Александр Нарышкин, шурин Волынского, тот самый, который в кроткое царствование Петра II выказал независимость и достоинство, доходившее до высокомерной гордыни, — проголосовал вместе со всеми другими!»

К изумлению членов трибунала и русской общественности более милосердной оказалась императрица:

«По прочтению приговора Волынскому отсекли кисть правой руки, а затем — голову; затем были обезглавлены Еропкин и Хрущев; Соймонов и Эйхлер были жестоко наказаны кнутом, этому же наказанию был безжалостно подвергнут и де Ла Сюда.

...Несчастный граф Мусин-Пушкин (Платон Иванович, сын Ивана Алексеевича, родной внук царя Алексея Михайловича. — *С.В.*) после урезания языка был отправлен в Соловецкий монастырь на Белое море...

...Эйхлер был сослан в каторжные работы в Жиганск...

Де Ла Сюда был отправлен на каторжные работы на Камчатку; указом от 8 апреля 1741 года правительница освободила его и местом проживания указала Москву; 10 декабря того же года императрица Елизавета даровала ему право проживать в Петербурге».

Иоганн Эйхлер и Жан де Ла Сюда вроде как, выбивались из «русской партии»:

«Первый — немец, а второй — француз по происхождению, оба были недовольны своим положением в немецкой партии и рассчитывали, сблизившись с русскими, найти возможности для обретения более выгодного положения в будущем. Жан де Ла Сюда был широко образован; он начал свою карьеру с должности переводчика в Коллегии иностранных дел, потом стал ее секретарем; но, недовольный своим начальником, вице-канцлером Остерманом, находя, что он не воздает должное его талантам и его служебному рвению, стал прислушиваться к советам и намекам Волынского, заклятого врага Остермана. Волынский же надеялся, что де Ла Сюда будет держать его в курсе всего, что происходит в Коллегии иностранных дел; но Остерман, более хитрый и осторожный, чем его враг, имел привычку окружать себя непроницаемой завесой тайны: даже депеши, которые получал и отправлял, он расшифровывал и зашифровывал сам...»

Могила А.П. Волынского (1689–1740), П.М. Еропкина (1698–1740), А.Ф. Хрущева (1691–1740), участников заговора 1740 г.: у Сампсониевского собора, Санкт-Петербург

Казнь Волынского 27 июня (8 июля) 1740 года и ссылка в Сибирь вплоть до Камчатки его товарищей — неудачливых реформаторов, была последним — заключительным — аккордом правления Анны Иоанновны, которая умерла 17 (28) октября.

Но был ведь и самый-самый первый аккорд, прозвучавший сразу после восшествия Анны Иоанновны на престол.

Хотя князь Дмитрий Михайлович Голицын на Тайном верховном совете и высказался весьма нелицеприятно о незаконнорожденных дочерях императора Петра I, тем не менее в русском обществе существовало мнение о их безусловном праве на российский престол.

И одним из таких представителей был мало кому известный денщик, а впоследствии фаворит великой княжны Елизаветы Петровны сержант гвардии Семеновского полка Алексей Яковлевич Шубин.

В политическом мире — то есть властном и околовластном окружении — ничего не бывает случайного. Как и то, что Алексей Шубин завоевал сердце молодой великой княжны. Для этого он и был прикомандирован, этого от него требовали те, кто его сюда поставил.

А поставили его, как выясняется, отставленные при Петре II люди, преданные императору Петру I и замаранные в деле об убийстве царевича Алексея Петровича, а потому не надеявшиеся, что будут когда-нибудь прощены его сыном-императором.

И первым в этом списке был Иван Иванович Бутурлин, поместье которого располагалось по соседству с Елизаветиным.

Но Анна Иоанновна быстро раскусила возможную связь «дщери Петровой» с гвардейцами Семеновского и Преображенского полков. И она глядела далеко вперед — позже Елизавета Петровна войдет в царский дворец на штыках своих «компанейцев» — гвардейцев Преображенского полка.

А Шубин?

Вот его история, рассказанная князем Петром Долгоруковым, который почему-то считал, что отчество Алексея Яковлевича было Никифорович:

«…любовник был малоизвестным человеком из ничем не примечательной семьи (если, конечно, не считать примечательной фигуру заместителя во времена опричного террора Малюты Скуратова Василия Григорьевича Грязного, от которого идет ветвь Грязных-Шубиных. — *С.В.*), без состояния и связей в обществе: Алексей Никифорович Шубин, солдат Семеновского полка, был сыном бедного помещика Александровского уезда нынешней Владимирской губернии. Позднее, в царствование Анны, Шубин имел неосторожность сказать вслух, что было бы разумнее возвести на трон Елизавету, а не Анну. Его схватили, отвели в Тайную канцелярию, подвергли пыткам, наказали кнутом и бросили в страшную темницу, так называемый каменный мешок, в котором нельзя было ни стоять во весь рост, ни вытянуться лежа. Пищу ему передавали через железную решетку. После многих месяцев этой ужасной пытки он был сослан в Сибирь под чужим именем. Там его насильно женили на камчадалке и поселили в одном из тех диких поселений, связи которых с Россией ограничивались тем, что жители выплачивали раз в год единственный причитавшийся с них побор — ясак из мехов. Много лет он провел в этих тяжелых условиях. Елизавета между тем впала в глубокую тоску. В первые дни после исчезновения своего любовника она подумывала уйти в Успенский монастырь в городе Александрове. Она даже приказала построить себе дом рядом с монастырем. К тому же времени относится и сочиненная ею элегия.

* * *

Всякой разсуждаетъ, какъ в свете бъ жить,
а нидоумеваетъ, какъ зрохомъ бы быть,
что така тоска и жизнь немила,
когда друхъ незритъся лучебъ жиснь лишиться,
Вся то красота.
Я не в своей мочи огнь утушить,
Серцемъ я болею да чемъ пособить,
что всегда разлучно и без тебе скучно,
лехъче бъ тя незнати, нежель такъ страдати
Всегда по тебе.
О нещастие злое долъголь мя мучишь,
о чемъ я страдаю, то не даешь зрить.
Или я одна тебе оданна,
что меня мучити темъ ся веселити
И жиснь лишити.
Куда красныя дни тогда бывали,
когда мои очи тя невидали,
ахъ небыли в скуке и ни в какой муке
какъ цветъ процветали».

* * *

«После восшествия на трон она приказала вернуть Шубина, но стоило немалого труда его найти, так как у него было чужое имя. Поиски длились не один год. Наконец его нашли, и он приехал в Петербург со своей женой-камчадалкой. Он был произведен в генерал-майоры, получил ленту Св. Александра Невского и 2 тысячи душ в Александровском уезде, где в самом уездном городе был построен дом для Елизаветы. У Шубина хватило ума не оставаться при дворе; вскоре он оставил службу в чине генерал-лейтенанта и удалился в деревню, где на покое и закончил свое существование, столь бурное на протяжении десятка лет. После него осталось двое сыновей, у старшего из которых было большое потомство».

Камчадалка родила ему двух дочерей — Софью и Марию.

О Софье мы знаем совсем немного: «София Алекс. Р. 1739 г. До 1781 г. за полков. Николаем Яковл. Груздовцовым. Получила приданого и платьем на 6461 р.».

Но вот о судьбе Марии, которая вышла замуж за ярославского помещика Федора Федоровича Панова, владельца сельца Некрасово Котогарского стана Любимского уезда Ярославской губернии, точнее о судьбе одной из ее дочерей — Феофании, внуков и правнуков рассказала ее прямой потомок Варвара Николаевна Волоцкая, урожденная Нефимонова, которая написала «Воспоминания крепостной старушки А.Г. Хрущовой», опубликованные в журнале «Русский архив» (1901, кн. 1, вып. 4).

Сегодня в Москве проживает один из потомков Марии — Сергей Юрьевич Яременко, создавший поколенную роспись своего рода.

Елизавета Петровна, взойдя на трон, приказала положить на могиле Артемия Волынского и его товарищей каменную плиту, подчеркивая этим знак своего уважения к «русской партии», как своей политической линии во власти. Но, сослав в Сибирь Остермана, Миниха, Ленвольда, этим Елизавета и ограничилась.

Не случайно А.П. Сумароков в благодарность за это посвятил ей такие строки:

Во дщери Петр опять на трон взошел,
В Елизавете все свои дела нашел…

И при ней к власти пришли новые «беспородные» — Воронцовы, Шуваловы, Разумовские…

КАПИТАН КАЛАЧЕВ

Этот случай был весьма показательным — он открывал «изнанку» дворцовых переворотов.

Гвардейцы почувствовали вкус от захвата власти еще во времена Екатерины I, щедро оплатившей им за свое утверждение на российском престоле.

Более того — гвардейцы были абсолютно уверены в правоте своей собственной миссии, как и в том, что эта их миссия должна быть щедро оплачена и вознаграждена по достоинству.

В материалах Тайной канцелярии вы найдете многочисленные подтверждения тому, что гвардейцы открыто обсуждали между собой в кабаках, наводненных фискалами, различные сценарии смены власти с позиций собственной выгоды.

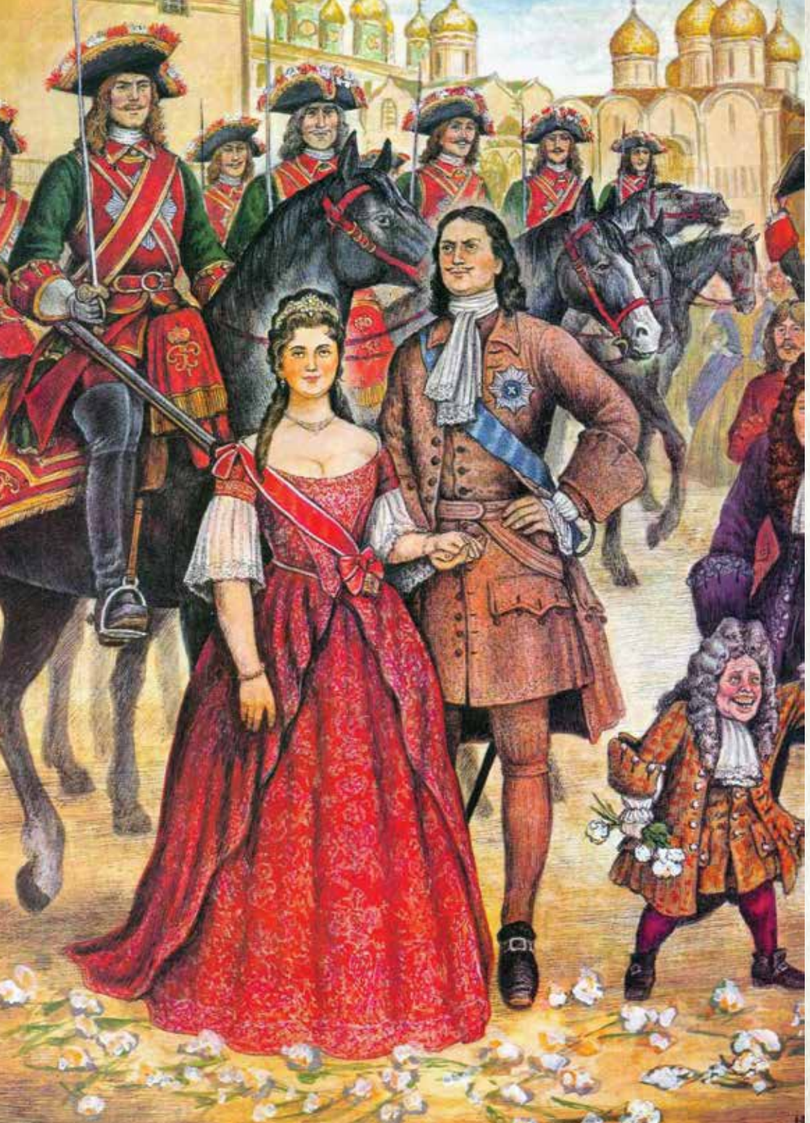
В принципе, доносами занимались не только фискалы. Доносили и ближайшие родственники, получая за свои доносы награду.

Вот пример — 18 ноября 1740 года на имя императора Иоанна VI получено донесение от солдата 16-й роты Преображенского гвардейского полка Василия Кудаева (произведенный за это в капралы и получивший в награду 50 рублей) на своего родного дядю — бывшего кавалергарда Петра I, отставного армейского капитана Петра Калачева, который сетовал по поводу утверждения на троне Брауншвейгской, а не русской, правящей партии:

«Пропала де наша Россия, чего ради Государыня Цесаревна Российский престол не прияла и нас не развяжет, все де об этом гребтят».

Более того, Калачев был готов представлять интересы великой княжны, о чем, не побоявшись, заявил и в Тайной канцелярии.

17 февраля 1741 года Петр Михайлов сын Калачев был сослан в ссылку на Камчатку, но уже 4 декабря 1741 года Елизавета Петровна, занявшая российский престол, издала указ об освобождении Калачева из ссылки. Когда тот прибыл в столицу, 2 декабря 1742 г. последовал еще один указ Сенату: «Всемилостивейше пожаловали мы капита-

Петр Великий, Екатерина Алексеевна и кавалергарды, худ. Ю.Е. Каштанов

на Петра Калачева за показанные нам верные службы (за которые он в правление принцессы Анны послан был в ссылку Февраля 11 дня 1741 г., а потом по указу Нашему, Декабря 4 дня того ж года из той ссылки освобожден) в майоры армейские, и быть ему в отставке и никуда его к делам без Нашего указа не определять, а в награждение выдать из статс-конторы пятьсот рублей».

И вот тут-то и начинается самое интересное — майор Калачев воспротивился этому императорскому указу.

Ему этого было *мало*.

За свой «подвиг» — а он считал, что императрица Елизавета «возведена на российский престол через ево, Калачова, первого» — и требовал возвращения ему деревень (заложенных за долги задолго до ареста Калачева), а также указал о том, чтобы «поручить в смотрение табашной и питейный сборы» по всей стране.

Калачев «считал он, его семье уместно быть „при дворе“, а ему самому государыня могла бы „поручить в смотрение табашной и питейный сборы“ по всей стране. В своем „бессовестном неудовольствии“ верноподданный майор грозил императрице „бунтом“, советовал ей отпустить свергнутого Ивана Антоновича с отцом за границу и сетовал, что ранее „такова в государстве разорения и неправосудия не бывало“ из-за „воров“ и „изменников“, к числу которых относил весь Сенат вместе с генерал-прокурором, вице-канцлера М.И. Воронцова и многих других высших чиновников» (И.В. Курукин «Повседневная жизнь Тайной канцелярии XVIII века»).

В итоге майор Калачев снова попадает в застенки Тайной канцелярии…

Правда, князь Долгоруков считал, что причины его помещения в застенки этого учреждения были иными: «Однажды некий капитан Калачев подал Елизавете прошение о возбуждении дела в суде. В прошении говорилось, что князь Трубецкой вовсе „не генерал-прокурор, а генерал-вор“. Калачев был препровожден в Тайную канцелярию; иными словами выдан Трубецкому, и больше об этом человеке ничего не было известно… Конец его, должно быть, был страшным…»

Этот Трубецкой был потомком Юрия Никитича Трубецкого, тестем которого был боярин Салтыков, родственник Романовых и первый предатель во время Великой Смуты. Салтыков вместе со своим зятем бежали в Польшу, где приняли католичество и подданство короля. А его ближайшие родственники Салтыковы (уже как родственники российского монарха Михаила Федоровича) в это время правили нашей страной, пока возвратившийся из Польши патриарх Филарет не разогнал «всю эту воровскую погань».

Позже внук Юрия Никитича — Юрий Петрович — возвратится в Россию и женится на княгине Ирине — сестре князя Василия Голицына Великого, то есть — по браку — снова войдет в группу сильнейших вельмож Русского царства.

Его сын — Иван (будущий фельдмаршал русской армии) командовал при Петре I дивизией под Нарвой, попал в плен к шведам и 18 лет пробыл в плену. Там у него появился внебрачный сын, который вошел в историю Российской империи как Иван Иванович Бецкой, масон, личный секретарь императрицы Екатерины II. Князь Иван Юрьевич Трубецкой прожил 83 года и был последним боярином в иерархической касте России того времени.

Никита Юрьевич Трубецкой, племянник Ивана Юрьевича, и был тем генерал-прокурором, которого майор Калачев назвал «прокурором-вором».

Генерал-прокурор Н.Ю. Трубецкой, неизвестный художник

Долгоруков не только подтверждает, но и значительно расширяет характеристику этого человека, который будет выносить самые суровые приговоры по делам, вошедших в историю политического террора в России:

«Для него не было ничего святого: трусливый, жестокий, коварный, к тому же вор, он соглашался на любую подлость, лишь бы только приумножать свои богатства и влияние при дворе. В то время, о котором мы говорим, его жена, дочь канцлера Головкина, на глазах у своего мужа состояла в любовной связи с фаворитом императора, князем Иваном Долгоруковым, который всюду оскорблял Трубецкого и словесно, и прилюдно, в том числе и в его собственном доме. Однажды, также в доме Трубецкого, князь Иван, когда вино ударило ему в голову, захотел выбросить в окно хозяина дома, но ему помешал Степан Лопухин. В … сугубо политическом судилище был замешан шурин этого злодея, граф Михаил Головкин, и Трубецкой выказал себя одним из самых суровых судей; Головкину, Миниху, Остерману и другим, приговоренным к смерти, наказание было смягчено и заменено ссылкой в Сибирь с конфискацией имущества. Через полтора года, чтобы погубить своего врага, канцлера графа Алексея Бестужева, и угодить фавориту Лестоку (позднее обвиненному в шпионаже, приговоренному к смертной казни и сосланному в Сибирь. — *С.В.*), Трубецкой стал сначала одним из дознавателей, а затем одним из судей в том ужасном деле, в котором по доносу агентов-провокаторов и по ложному обвинению в воображаемом заговоре (весь проступок сводился к неосторожным словам), была замешана его собственная невестка, жена графа Михаила Бестужева, урожденная Головкина; был замешан и тот самый Степан Лопухин, который 15 лет тому назад избавил его, Трубецкого, от немалого позора быть выкинутым из окна своего собственного дома; а также были замешаны жена и старший сын Лопухина. Все они были приговорены к колесованию с предварительным вырыванием языка. Колесование было заменено ссылкой вс Сибирь с конфискацией всего имущества, но язык у всех был безжалостно вырван и несчастных били кнутом на площади».

Это было известное «Лопухинское дело», главной целью которого были

Наказание кнутом Н. Лопухиной,
гравюра Ж.-Б. Лепренса (Jean-Baptiste Le Prince)

не эти несчастные люди (сплошь связанные родственными связями), а канцлер Бестужев-Рюмин, главный враг русских масонов, которого, в угоду иностранным державам, нужно было свергнуть с его политического пьедестала. Что и удалось осуществить.

Сын Степана Лопухина — Иван — был разжалован в матросы и сослан на Камчатку. Он умер в Охотске в 1746 году. Отец умер в Селенгинске 6 июля 1748 года.

Степан Васильевич Лопухин был кузеном Евдокии Федоровны Лопухиной — первой и законной жены императора Петра I, бабушки императора Петра II.

По «лопухинскому» делу проходил и адъютант-конногвардеец Степан Колычев, сосланный из гвардии в один из армейских полков.

Где закончил свою жизнь бывший кавалергард — камчатский ссыльный майор Калачев, запутавшийся в долгах и политических интригах, нам неизвестно…

ИМПЕРАТОР ИВАН VI АНТОНОВИЧ

Одна из самых трагических фигур отечественной истории.

Его бабушкой была Екатерина Иоанновна, герцогиня Мекленбургская — родная сестра герцогини Курляндской Анны Иоанновны, ставшей русской императрицей, дочь царя Иоанна V Алексеевича.

Дедушка — Карл-Леопольд, герцог Мекленбург-Шверинский — «один из самых ненавистных тиранов, которые когда-либо правили; изгнанный из своей страны подданными, он был взят под опеку имперским рейхстагом».

Мать — принцесса Елизавета-Екатерина-Кристина, родившаяся 18 декабря 1718 года, с которой Екатерина Иоанновна бежала от своего мужа в Россию, где ее дочь была крещена в православие с новым именем Анна — Анна Леопольдовна.

Отец — Антон-Ульрих, принц Брауншвейг-Бевернский, по матери — племянник императрицы Священной Римской империи, жены Карла VI, двоюродный брат императора Петра II.

Бирон же хотел женить Анну Леопольдовну на своем сыне. Но так как на самом деле дети Бирона были родными детьми императрицы Анны Иоанновны, как утверждает князь Петр Долгоруков и о чем знали все при дворе императрицы, то этот брак Петера Бирона и Анны Леопольдовны — двоюродных брата с сестрой, был невозможен по законам православия, отход от которых считался не только кощунством, но и преступлением.

Иоанн Антонович родился 12 (23) августа 1740 года.

Согласно завещанию императрицы Анны Иоанновны после ее смерти трон переходил по наследству императору Ивану VI.

Ему было два месяца, когда он был провозглашен императором.

И ему было 23 года, когда он был убит при попытке его освобождения из Шлиссельбургской крепости — 5 (16) июля 1764 года.

Из этих 23 лет он 22 года провел в заключении, под стражей.

Пожизненным регентом при малолетнем императоре Анна Иоанновна назначала своего любимца и любовника Бирона. Но уже через две недели в результате дворцового переворота, осуществленного с помощью гвардии фельдмар-

Правительница Анна Леопольдовна с сыном — императором Иоанном VI Антоновичем, рисунок из альбома «Российский царственный дом Романовых»

шала Минихом, Бирон был взят под стражу, заключен в Шлиссельбургскую крепость, а затем выслан в Пелым, а его братья — на Колыму.

Новым регентом была объявлена Анна Леопольдовна — мать императора-младенца.

25 октября (7 ноября) 1741 года произошел новый дворцовый переворот — к власти, снова благодаря гвардейцам, пришла Елизавета Петровна, дочь Петра I.

Всего год продолжалось царствование императора Всероссийского Иоанна VI.

Но в течение последующих двух столетий его имя не сходило с уст оппозиции.

Тем, кому власть царствующей дочери императора Петра I была как кость в горле?

И прежде всего (но только на первых порах) иностранцам. Потому что Елизавета пришла под знаменем освобождения от немцев и «прочих разных шведов».

И русским. Тем из них, кто продолжал разделять взгляд покойного князя Дмитрия Михайловича Голицына о недостойном для православных людей — незаконном по сути — происхождении Елизаветы.

А также тем из иностранцев и русских, кто этот взгляд не разделял, но считал, что есть более достойные из *незаконнорожденных детей* Петра I, кто *также* имеет право и *должен* править Россией.

Генерал-фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский, худ. В.И. Нестеренко

Начнем с последних, ибо будущее России было именно в их цепких руках.

У Петра I было великое множество денщиков, которые исполняли любые желания своего патрона. Румянцев с Толстым обязаны были доставить из заграницы царевича Алексея Петровича, с чем «блестяще» и справились.

Но у Петра было и множество любовниц…

«Петр I, у которого обыкновенно бывало в одно время по нескольку любовниц, раз затеял интригу со старшей дочерью графа Матвеева, Марией — красавицей, умницей, девушкой прелестной и очаровательной, но более чем легкого поведения. Узнав о неверности любовницы… [царь] высек ее и объявил, что выдаст замуж за человека, который сумеет держать ее в повиновении и не позволит иметь любовников. На следующий день Петр вместе с Румянцевым прибыл к графу Матвееву и представил ему будущего зятя. …Матвеев подчинился; свадьба состоялась; царь дал богатое приданое за невестой и продолжал с ней любовную связь…ко времени смерти Петра I г-жа Румянцева была от него беременна и немногим позднее разрешилась сыном, ставшим впоследствии знаменитым фельдмаршалом Румянцевым».

И этот случай, когда муж-денщик был представлен к своей супруге не для исполнения своих супружеских обязанностей, а для сохранения своей супруги для любовных утех с императором, был не единственным:

«Как и Румянцев, Григорий Петрович, первый граф Чернышев, был обязан своими чинами, богатством и титулами тому факту, что Петр I решил его женить на одной из своих любовниц. …Ему было 40 лет, когда царь предложил ему жениться на одной из своих любовниц, юной особе 17 лет, красивой, умной, из старинной семьи, но развратной и до крайности циничной, но жениться с условием, что царь будет продолжать отношения с этой дамой. Чернышев согласился; он женился, был произведен в генерал-майоры и получил четыре тысячи душ крепостных. Один за другим родилось четверо дочерей и трое сыновей — Петр, Григорий и Захар (четвертый, Иван, дед достойного и несчастного декабриста графа Чернышева, родился через десять месяцев после смерти Петра I, и нам неизвестно его происхождение). По рождении каждого ребенка Чернышевым дарились новые земли. Известно, что Петр I умер от мочекаменной болезни, осложненной той, что унесла из жизни Франциска I Французского; виновницей же этой болезни была г-жа Чернышева».

Именно эти — незаконнорожденные дети императора Петра I станут впослед-

Захар Григорьевич Чернышев, худ. А. Рослин

Иван Григорьевич Чернышев, неизвестный художник

ствии русским ядром тайной масонской ложи, правившей Россией во все последующие лжеромановские времена.

Тот самый генерал Кейт, о котором мы говорили выше, прусский шпион на службе у России, даром времени не терял.

Князь Петр Долгоруков говорит о том, что главной заслугой императрицы Анны Иоанновны было создание в России первого русского учебного заведения — Кадетского (Шляхетского) корпуса.

Неужели Анна Иоанновна, ненавидевшая русских и все русское, окружившая себя, как и Петр I, иностранным отребьем, могла заботиться об образовании русской национальной элиты?

В это, разумеется, трудно верится.

Идея принадлежала не императрице.

Идея принадлежала иностранным масонам, которым необходимо было сформировать русский национальный корпус братьев-масонов, которые будут разрушать Россию — ее духовность, религию, государственность.

Так и случилось...

Князь Петр Долгоруков, сам разделявший идеи франкмасонства, дает самую восторженную характеристику военным и полководческим достоинствам этого человека.

«Когда Кейт приехал в Россию, он был уже франкмасоном; здесь он нашел соотечественника и брата-масона — ученого и почтенного фельдмаршала Брюса, поддержка которого, его влияние, советы, большой опыт и глубокое знание русских людей и обстоятельств были необычайно полезны молодому шотландцу. Кейт многих склонил к масонству, несмотря на то, что царствование Анны и режим Бирена не благоприятствовали учреждению регулярной ложи; но Кейт (Кейт ли? — *С.В.*) упорствовал в организации ложи вплоть до регентства принцессы Брауншвейгской, столь доброй и кроткой. Только в 1741 году великая английская ложа присудила Кейту на своем торжественном заседании титул и полномочия гроссмейстера в России».

Во времена правления Бирона он был мастером петербургской ложи.

Но с приходом к власти Елизаветы Петровны Кейт вынужден был покинуть страну: «Он поступил в прусскую службу в чине генерала от инфантерии, вскоре был назначен губернатором Берлина и произведен в фельдмаршалы. В 1758 году, в битве при Гохкирхене, он был сражен ядром, и его смерть вызвала всеобщую печаль».

Но дело было уже сделано. Масонскую ложу в России возглавил граф Воронцов... родной брат вице- (а впоследствии и полного) канцлера Российской империи.

Чуть позже: «По отъезде из России достопочтенного Кейта русское франкмасонство вскоре нашло своего покровителя в лице молодого человека, влияние которого при дворе продолжалось до самой смерти Елизаветы, — человека, который сумел своими достоинствами и выдающимися заслугами, оказанными делу Просвещения, возвысить и даже облагородить должность не слишком достойную саму по себе — любовника императрицы, по правде говоря еще красивой, но все же старше его на целых 18 лет. Этот молодой человек, прославленный Иван Иванович Шувалов, основатель Московского университета…»

Бедные костромские дворяне Шуваловы в истории Российского государства появляются совершенно неожиданно, но весьма любопытно:

«Иван Максимович Шувалов-старший, генерал-майор и комендант Выборга, ставший позднее губернатором Архангельской губернии (он умер в 1736 году), был другом знаменитого Остермана».

Но судьбу его сыновей определило другое — удачно заключенный брак с горничной императрицы Елизаветы Петровны Маврой Егоровной Шепелевой — дамой, доверенной в любовных утехах императрицы…

Портрет графа Романа Илларионовича Воронцова, XVIII век, неизвестный художник

«…он женился на ней с тем лишь, чтобы завладеть умом императрицы и сполна в том преуспел: это был Петр Иванович Шувалов, впоследствии фельдмаршал и всемогущественный министр, родоначальник нынешних графов Шуваловых…»

Мавра Шувалова сблизила императрицу Елизавету и с молодым Иваном Ивановичем Шуваловым:

«Императрица взяла себе любовником красивого молодого человека, которого звали Никита Афанасьевич Бекетов: графиня же Мавра сделалась близкой подругой нового фаворита; она дала ему помаду, чтобы, как она сказала, поддерживать свежий и розовый цвет лица; через несколько дней его лицо покрылось нарывами; графиня Мавра сказала императрице, что молодой человек ведет наиразвратнейший образ жизни; Бекетов был отправлен офицером в армейский полк, а графиня Мавра представила императрице юного кузена своего мужа, в которого Елизавета не замедлила безумно влюбиться».

Вот такая история.

История Воронцовых еще более любопытная. Князь Долгоруков, опу-

Иван Иванович Шувалов, худ. Луи Токке

бликовав ее, вызвал гнев всей семьи, с ним даже судились по этому поводу, и он даже проиграл суд всесильному канцлеру Российской империи, но продолжил настаивать на своем.

«Каково было их происхождение? Откуда они появились? Согласно преданию, их дед, простой крестьянин из деревни Воронцово, взял себе это имя. Младший из четверых сыновей Гавриилы, ставший офицером в войсках Петра I, женился на девице Масловой, от которой у него было три дочери и трое сыновей — Роман, Михаил и Иван. Роман женился на Марфе Ивановне Сурминой, горничной великой княжны Елизаветы, и это он привел ко двору великой княжны своего второго брата Михаила, бывшего в чине камер-юнкера. Михаил, человек ума недалекого, но коварный и лукавый, а к тому же изрядной внешности, был одним из многочисленных случайных любовников Елизаветы. Он сопровождал ее в казармы в ночь ее восшествия на престол; если бы этот заговор провалился, то ночное предприятие получило бы имя бунта; Воронцов и его соумышленники были бы биты кнутом и сосланы в каторжные работы в Сибирь; но предприятие преуспело и было увенчано именем революции, а Воронцов вскоре стал большим вельможей. В тот же день, 25 ноября, он был пожалован в камергеры; а 31 декабря произведен в чин генерал-лейтенанта. В первые недели 1742 года он женился на княжне Анне Скавронской, кузине императрицы; в день коронации императрицы, 25 апреля, его жена была пожалована в статс-дамы; сам он получил ленту ордена С. Александра Невского, так же, как и его семидесятилетний, уже удалившийся со службы отец…

В 1744 году Михаил Воронцов был пожалован графом Священной Римской империи, и по этому случаю в его графский диплом ввели ложную генеалогию, связывающую его со старинными Воронцовыми, угасшими в 1587 году…»

А вот теперь самое главное:

«В течение того же 1744 года Михаил Воронцов, в то время всего лишь тридцатилетний, был пожалован в действительные тайные советники и вице-канцлеры России, а после падения Бестужева в 1758 году он был назначен канцлером империи. …Этот сомнительный канцлер умер в 1767 году, в возрасте 53 лет, причем на протяжении всего долгого времени, в течение которого он исполнял свою должность, он был на жалованье Англии, Франции и Австрии. Это был человек из самых продажных, столь же презренный, как и его старший брат Роман…»

Этот Роман «…воровал в доверенных ему правлениях так, что заслужил прозвище Роман — Большой Карман… Лихоимству, кражам и подлостям этого человека, как равно и его брата канцлера, обязана княжеская ветвь Воронцовых своими огромными богатствами».

«Граф Роман оставил двух сыновей. Старший, граф Александр, президент Коммерц-коллегии в царствование Екатерины, канцлер империи и министр иностранных дел в царствование Александра I».

Дочерью Романа Илларионова была знаменитая княгиня Дашкова, которая была посредником между масонами и Екатериной II, организовавшими новый дворцовый переворот 1762 года…

Но был еще один крупнейший представитель российского масонства — Кирилл Григорьевич Разумовский.

«Кирилл Разумовский, брат Алексея, родился в деревне Лемихи 18 марта 1728 года. В момент восшествия на престол Елизаветы ему был четырнадцатый год; он был привезен в Петербург и отправлен учиться

Портрет графа Михаила Илларионовича Воронцова, неизвестный художник

в Германию под руководством молодого академика Григория Николаевича Теплова, внебрачного сына архиепископа Феофана Прокоповича. В 15 лет молодой казак был назначен камер-юнкером; в 16 лет учрежден графом; в 17 лет он был назначен камергером и стал кавалером ленты Св. Андрея; в 18 лет стал кавалером ордена Св. Александра Невского и президентом Академии наук (!!! — восклицательные знаки поставил князь Петр Долгоруков. — *С.В.*); в том же году женился на Екатерине Ивановне Нарышкиной, троюродной сестре императрицы и самой богатой наследнице России; в 20 лет он был произведен в генерал-лейтенанты, стал генерал-адъютантом, подполковником Измайловского гвардейского полка, сенатором и получил от короля Польского ленту ордена Белого Орла. Ему было 22 года, когда в 1750 году ради него в Малороссии было восстановлено гетманское достоинство...»

Кирилл Григорьевич Разумовский, худ. Помпео Батони

И в Германию его возили вовсе не учиться, а для того, чтобы посвятить в масоны. Сопровождал же его масон Теплов, историческая роль которого на этом не заканчивается.

Но к этому времени мы еще вернемся.

Восшествие на престол Елизаветы Петровны вызвало неоднозначную реакцию российской аристократии.

Но еще более тревожную реакцию это событие вызвало в армейских кругах.

Участие в дворцовом перевороте приняли гренадеры гвардейского Преображенского полка, созданного императором Петром I.

После свершения переворота из состава его непосредственных участников была

Дворцовый переворот, 25 ноября (6 декабря) 1741 г. Гвардейцы Преображенского полка. Рядом с Елизаветой в офицерской форме Екатерина Романовна Дашкова (Воронцова), худ. Ф.А. Москвитин

сформирована Лейб-компания, в которой высший чин — капитан — был присвоен императрице Екатерине, как командиру этой привилегированной роты.

Командный состав:

генерал-фельдцейхмейстер принц Людвиг Вильгельм Гессен-Гомбургский — капитан-поручиком;

граф Алексей Григорьевич Разумовский и граф Михаил Илларионович Воронцов — поручиками;

граф Петр Иванович Шувалов и граф Александр Иванович Шувалов, а позднее в 1747 году граф Иван Симонович Гендриков — подпоручиками;

Юрий Грюнштейн — прапорщиком (знаменосец);

Петр Григорьевич Языков — подпрапорщиком.

Лейб-компания состояла из 300 гренадеров, участвовавших в перевороте, и 64 «заротных чинов».

31 декабря 1741 года Екатерина объявила о создании Лейб-компании:

«Божией милостию мы, Елизавета Первая, императрица и самодержица всероссийская, и прочая, и прочая. Понеже во время вступления нашего на всероссийский родительский наш престол полки нашей лейб-гвардии, а особливо гренадерская рота Преображенского полка, нам ревностную свою верность так показали, что мы оною их службою… желаемый от всего государства нашего успех в восприятии престола, без всяких дальностей и не учиняя никакого кровопролития, получили; и яко же мы в том благодарны есть Господу Богу, подателю всех благ за неизреченную его милость к нам и всему государству нашему; так имея во всемилостивейшем нашем рассуждении… верную службу вышеписаных, не можем остаться, не показав особливой нашей императорской милости к ним, чего для соизволили мы учинить следующее (следует перечисление денежных наград гвардейским Ингерманландскому и Астраханскому полкам)… А гренадерскую роту Преображенского полка жалуем: определяем ей имя — Лейб-компания, в которой капитанское место мы, Императорское Величество, соизволяем сами содержать и оною командовать, а в каком числе каких чинов оная наша Лейб-компания состоять имеет и какие ранги обер- и унтер-офицерам и рядовым мы всемилостивейше пожаловали, то следует при сем… Оной нашей Лейб-компании во всех вышеписаных как унтер-офицеров, капралов и рядовых, кроме заротных чинов, всемилостивейше жалуем дворянами (кои до сего времени того не имеют) с таким указом, чтоб от них родившиеся от сего числа дети дворянство по наследству имели; которых ныне от нас всемилостивейше пожалованных дворян повелеваем в нашей герольдии вписать в дворянскую книгу и, для незабвенной памяти будущим родам государства нашего, о сем, от Господа Бога дарованном, успехе в восприятии нами всероссийского родительского нашего престола, в котором случае оные персоны нашей Лейб-компании знатную свою службу нам и всему государству показали, сделать гербы по апробованному от нас рисунку; а которые есть из дворян, и тем в гербы их прибавить и сей новый герб и приготовить надлежащие дипломы к подписанию нашему…»

Капитан-поручик Лейб-компании получал чин полного генерала, два поручика — генерал-лейтенанта, два подпоручика — генерал-майора, адъютант стал бригадиром, прапорщик — полковником, восемь сержантов — подполковниками, шестеро вице-сержантов произведены были в премьер-майорский чин, подпрапорщик и квартермистр — в секунд-майоры, двенадцать капралов стали капитанами, дюжина вице-капралов — капитан-поручиками, а триста гренадеров — поручиками.

Все это, безусловно, вызвало самую откровенную зависть в армейских кругах.

Но, самое главное, — в головах армейцев (в том числе и тех гвардейцев, которых минула удача дворцового переворота) начали зарождаться мечты и планы нового дворцового переворота, который принес бы удачу уже именно им — новым его участникам.

За идеей же нового дворцового переворота далеко ходить не надо было — незаконнорожденая дочь Петра I насильственно захватила власть и лишила трона человека, чье императорское происхождение и достоинство было не только законно, но и не имело *равных* среди других претендентов на российский трон.

Существует две версии одного из самых первых, раскрытых Тайной канцелярией, заговоров против Елизаветы Петровны.

Эти версии достаточно просты.

Первая — заговор был.

Второй — никакого заговора не было.

Итак, приход к власти Елизаветы вызвал негативную реакцию той части российской элиты, интересы которой могли серьезно пострадать в результате правления «русской партии».

И мы уже видели это на примере гроссмейстера масонской ложи Джеймса Кейта, которому в срочном порядке пришлось покидать Россию.

Об Остермане и Минихе в своих проповедях вещали даже святые отцы: «Остерман и Миних со своим сонмищем влезли в Россию, яко эмиссары дьявольские…»

И они были недалеки от истины.

Поэтому масонство в России в срочном порядке «переобулось»:

«В 1747 году по ее [императрицы Елизаветы Петровны] инициативе учиняется допрос вернувшемуся из Германии графу Н.Н. Головину, уличенному в тайных сношениях с королем-масоном Фридрихом II. Он признается в своей принадлежности к масонству и сообщает имена некоторых других масонов, «живших в оном же ордене»: братьев графов Захара и Ивана Чернышевых, К.Г. Разумовского и др. (принятых в ложу в 1741–1744 годах).

Граф Николай Николаевич Головин, худ. А. Ритт

В 1756 году руководитель Тайной канцелярии А.И. Шувалов приносит царице показания Михаила Олсуфьева о масонской ложе «Молчаливость» в Петербурге, в которой числилось 35 представителей лучших княжеских и дворянских родов — Воронцовых, Голицыных, Трубецких, Щербатовых, Дашковых. Упомянуты там, в частности, писатель А.П. Сумароков, историк Болтин, Ф. Дмитриев-Мамонов, П.С. Свистунов. Возглавлял ложу отец будущей княгини Дашковой Р.И. Воронцов. С сороковых годов рассадником масонской идеологии среди молодежи становится шляхетский сухопутный корпус, в котором преподавали масоны-иностранцы (Олег Платонов «Тайная история масонства»).

Но это произойдет позже, а именно сейчас, в первые месяцы правления Елизаветы Петровны, нервная политическая ситуация, связанная с дворцовым переворотом, требовала какого-то разрешения.

Или… — организации нового заговора (что было в интересах, прежде всего, иностранцев на русской службе).

Или другого — раскрытия «с помпой» несуществующего заговора, что было в интересах той политической элиты, которая пришла во власть вместе с Елизаветой Петровной. Сделать это было проще простого — в эту пору политических страстей в любом кабаке подвыпившие гвардейцы «пережевывали» и усердно запивали одну и ту же тему — небывалую удачу будущих лейб-компанцев, оказавшихся в нужное время и в нужном месте.

Возраст главных заговорщиков нового дворцового переворота заставляет задуматься о главном — могли ли эти сопливые мальчишки быть способными на государственный переворот?

Петру Квашнину-Самарину было всего девятнадцать лет, и он был прапорщиком (первый офицерский чин в армии) Преображенского гвардейского полка.

Иван Кириакович Сновидов был всего лишь сержантом Измайловского гвардейского полка.

А Александр Турчанинов, третий из заговорщиков, вообще был лицом гражданским — бывшим камер-лакеем правительницы Анны Леопольдовны.

Но вот что удалось получить (выбить!) следователям в застенках Тайной канцелярии.

Из дела о камер-лакее Турчанинове и других лицах, сужденных за намерение лишить престола императрицу Елизавету. 1742 года:

«Камер-лакей Александр Турчанинов, лейб-гвардии полков: Преображенского прапорщик Петр Квашнин, Измайловского сержант Иван Сновидов за нижеследующие вины, а именно: Квашнин во время восшествия императрицы Елисаветы Петровны на всероссийский престол помянутому Турчанинову, будучи во дворце, говорил: „Эдак вы, братцы, сыграли игрушку“. А как Турчанинов сказал: что-де делать, коли сделалось, чем пособить, то Квашнин говорил: надобно-де смотреть того, как бы этому пособить. Квашнин после того в разные времена говорил, что он начал собирать партию и собрал уже пятьсот человек, и с тем Турчаниновым придумал, чтобы тех собранных разделить надвое и ночным временем прийти к дворцу и, захватя караул, войти в покой к ее императорскому величеству, и его императорское высочество умертвить, а другою половиною Турчанинову заарестовать лейб-компанию, а кто из них будет противиться, колоть до смерти, и назначил к тому день и где собираться, и о том хотел того Турчанинова уведомить. А по прошествии того дня тому Турчанинову он, Квашнин, говорил: с собранною-де партиею он было шел ко дворцу, и навстречу-де попался им вице-сержант Ивинский, и они-де, увидя его, разошлись. По приезде же в Москву он, Квашнин, с тем Турчаниновым о том же злом своем намерении упоминали, и при том он говорил, что-де прошло, тому

быть так, а и впредь-де то дело не уйдет, и нами ль или не нами, только-де оное исполнится. А Турчанинов, слыша от Квашнина, на то злое намерение не токмо нигде не доносил, но и тому злому намерению с тем Квашниным имел совет, чтобы оное прямым делом исполнить, хотя б и кроме Квашнина с другими с кем, с чего он, Турчанинов, лейб-гвардии каптенармусу Парскому (который о том злом умысле доносил) говорил такие речи: принц-де Иоанн был настоящий наследник, а государыня-де императрица Елисавета Петровна — не наследница, а сделали-де ее наследницею лейб-компания за винную чарку, и чтоб тот Парский собрал партию человек в триста или и больше, и с тою бы партиею идти во дворец и государыню императрицу свергнуть с престола, а Принца Иоанна возвратить и взвести на престол по-прежнему.

Оный же Турчанинов тому Парскому и капралу Изъединову (кои о том были доносители) говорил: смотрите-де, братцы, как у нас в России благополучие состоит непостоянное и весьма плохое и непорядочное, а не так, как при третьем Иоанне было, и оный-де Иоанн — законный наследник и по наследству царя Иоанна Алексеевича, также первого императора, подлежит быть ему императором, и его-де назначила короноваться императрица Анна Иоанновна еще при животе своем; а лейб-компания сделала императрицею незаконно наследницею, что-де как царевну Анна Петровна, так и государыня императрица Елисавета Петровна первым императором прижиты с государынею императрицею Екатериною Алексеевною до венца, и для того-де никак не подлежит быть у нас ей императрицею, а надлежит-де быть третьему императору Иоанну, да и императрице-де Екатерине Алексеевне быть на царстве не подлежало же, надлежало быть в То время второму императору, и то-де сделал генерал Ушаков.

Он же, Турчанинов, вымышленно от себя произносил: напечатан-де манифест: что швед возымел войну якобы за то, что принц Иоанн царствовать стал, незаконный наследник, а наследница-де государыня императрица Елисавета Петровна, и тоде оный манифест напечатал французский посол воровски, о чем-де знают и наши министры, и о том-де она, государыня, с тем послом вздумала ездить по Петербургу в одной коляске и лежа на подушках.

Оный же Турчанинов, тех Парского и Изъединова увещевая, говорил, чтоб собрать партию и, разделя на три части, идти к государыне в спальню, и как те Парский и Изъединов спросили: в то-де время государыню императрицу куда девать? То он, Турчанинов, сказал: туда-де ее и его высочество, где он их увидит, заколет, что и исполнить желал он для того, чтоб быть принцу Иоанну императором, а принцессе Анне — правительницею.

Сержант Сновидов вышеозначенному злому умыслу явился сообщником и в разговорах о принцессе Анне, и о муже ее, и о сыне их принце Иоанне помянутому Турчанинову говорил сожалительные слова, а как Турчанинов к тем словам говорил такие слова, что принц Иоанн был настоящий наследник, а государыня императрица Елисавета Петровна не наследница, и чтоб он, Сновидов, собрал партию из гренадеров и солдат, и с тою бы партиею государыню свергнули с престола, то он, Сновидов, говорил, что он для такого дела друзей искать себе будет и кого сыщет, о том ему, Турчанинову, скажет, и после сказывал, что у него партии прибрано человек с шестьдесят.

Президент Юстиц-коллегии Петр Федорович Квашнин-Самарин

Он же, Сновидов, многие склонные к тому злому намерению, слова употреблял, и тем тому Турчанинова к тому злому умыслу поощрял и к доносу о том намерения не имел.

С учинением наказания кнутом и с вырезанием у Турчанинова языка и ноздрей сосланы в Сибирь в дальние города; Квашнин — в Вышерецкий (? — *С.В.*) острог, Сновидов — в Камчатку и Турчанинов — в Охотский острог».

Суд был показательным. Как и публичная казнь.

Елизавета и ее команда предупреждали таким образом всех, кто посмеет даже заикнуться о незаконном дворцовом перевороте, что их ждет такая же участь, как и этих трех молокососов.

Позже, в архивах Российского государственного архива, работая над своим романом-исследованием «Встречь солнцу», я нашел документ, который весьма ярко иллюстрировал ситуацию тех давних лет.

Речь в этом документе шла о возможности возвращения Петра Ивашкина (под таким именем он был сослан) из ссылки.

Анна Юрьевна Квашнина-Самарина, урожд. Ржевская — мать Петра Федоровича. Ее родная сестра была прабабушкой А.С. Пушкина, худ. Ф.С. Рокотов

Папка с исходными документами была тонкой. В ней я обнаружил всего несколько листов переписки о возможности возвращения Ивашкина из ссылки, в которой говорилось о том, что само следственное дело Ивашкина (он же проходил как Квашнин) обнаружено не было, но преступление его столь велико было, что ни о каком прощении речь идти не может.

Мои дальнейшие поиски привели к тому, что я все-таки обнаружил родовую ветвь Петра Матвеевича Ивашкина, которая и привела меня к искомым Квашниным. Кстати, уже на Камчатке, встречая иностранные суда, будучи переводчиком, Петр Матвеевич назывался своим настоящим именем — Квашнин, чтобы таким образом передать весточку на родину о том, что он еще жив.

Квашнины-Самарины — представители старинного рода.

Мог ли Петр Матвеевич быть крестником царя Петра?

Безусловно. Михаил Акимович Самарин был одним из первых девяти сенаторов Петра I. Он, как и другой его родственник, — Иван Иванович Бутурлин — подписал смертный приговор царевичу Алексею Петровичу.

У его двоюродного брата — Тимофея Васильевича — были сыновья Григорий, Иван, Никита, Яков, Матвей.

Квашнины-Самарины входили в семью русских масонов, почему Петр Федорович Квашнин-Самарин имел счастье на брак с графиней Анастасией Петровной Салтыковой, матерью которой была княжна Прасковья Юрьевна Трубецкая, сестра генерал-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкого, сын которого был видным русским масоном, розенкрейцером.

А дочь Петра Федоровича, в свою очередь, вышла замуж за внука Петра I — сына Ивана Григорьевича Чернышева, который был с братом в числе самых первых, завербованных королем Пруссии, русских масонов.

Поэтому есть вероятность, что Петр Матвеевич Квашнин-Самарин что-то слышал, бывая в семье родственников, о возможном дворцовом перевороте, связанном с возвращением на трон Брауншвейгской семьи и правящей элиты в лице масонов-иностранцев, подобных Кейту, и являлся носителем этой страшной тайны, что и не позволяло вернуть его (и его товарищей) из камчатской ссылки, в которой он пробыл более шестидесяти лет. В то время, когда из ссылки возвращали по более тяжким преступлениям.

Вероятно, по этой же причине его благородная фамилия была изменена на менее благозвучную…

Елизавета Романовна Воронцова, худ. А.П. Антропов

ИМПЕРАТОР ПЕТР III ФЕДОРОВИЧ

Романовские историки настолько исказили образ императора Петра III, чтобы оправдать его убийство и дворцовый переворот, который привел к власти Екатерину Великую, что сегодня трудно отделить «зерна от плевел» — правду от лжи.

Но есть факты, которые говорят о многом.

Например, тот факт, что любовницей императора Петра III была родная дочь предводителя русского масонства графа Романа Илларионовича Воронцова — Елизавета.

Князь Долгоруков об этом говорит весьма жестко: «…при Петре III он вверг в распутство собственную дочь».

Но так ли это?

Карл Ульрих познакомился со своей будущей женой Софьей, когда ему было десять лет.

В 16–17 лет их связали брачными узами, хотя они не любили друг друга. Это был 1745 год.

У них долгое время не было наследников.

И, наконец, в 1754 году родился сын Павел.

Сохранилось письмо царевича Петра к супруге: «Прошу вас этой ночью отнюдь не утруждать себя, чтобы спать со мною, поелику поздно уже обманывать меня».

Собственно, она и не обманывала мужа — у каждого из них давно уже была своя личная жизнь.

Говорят, что настоящим отцом Павла был граф Сергей Салтыков — сын генерал-аншефа Василия Федоровича Салтыкова, который был родным братом царицы Прасковьи Федоровны Салтыковой, супруги царя Ивана V Алексеевича Романова.

И здесь завязывается весьма сложный узелок.

«…Алексей Голицын, дабы упрочить свое положение на случай непредвиденных обстоятельств, женился на Агриппине Васильевне Салтыковой. Ее отец был главой старшей ветви того обширного рода Салтыковых, из которого происходит мать императрицы Анны… Жена князя Алексея происходила от первого брака генерала Салтыкова с княжной Анной Борисовной Долгоруковой, племянницей знаменитого князя Якова, которая была в то же время двоюродной теткой фаворита Петра II. Второй женой генерала была княжна Мария Алексеевна Голицына, внучка воспитателя Петра I. Оба эти брака, особенно второй, приблизили генерала к цесаревне Елизавете и объединили их в совместной борьбе за свержение Брауншвейгского дома… Единокровный брат жены князя Алексея, Сергей Салтыков, был первым любовником Екатерины II…»

Сергей Васильевич Салтыков, гравированный портрет с миниатюры

Но вот и действительная история «знаменитого Сергея Васильевича Салтыкова, первого любовника Екатерины II и отца мертворожденного ребенка, которого, по мнению одних, сама императрица Елизавета или, по мнению других, Шуваловы (действовавшие по наущению императрицы) спешно подменили первым попавшимся ребенком:

судьба благоволила к сыну чухонского крестьянина из деревни Котлы, родившемуся накануне в Петербурге, и вот этот-то чухонский малыш и стал императором Павлом» («Записки князя Петра Долгорукова»).

В 1987 году писатель, литературовед Натан Эйдельман опубликовал статью «Обратное провидение», в которой, в частности сообщалось со ссылкой на А. Герцена (который сам был незаконнорожденным сыном помещика Яковлева — одного из представителей рода Кошкиных-Захарьиных-Яковлевых) следующее:

«Екатерине понравился прекрасный собою, молодой Сергей Салтыков, от которого она и родила мертвого ребенка, замененного в тот же день родившимся в деревне Котлах, недалеко от Ораниенбаума, чухонским ребенком, названным Павлом, за что все семейство этого ребенка, сам пастор с семейством и несколько крестьян, всего около 20 душ, из этой деревни на другой же день сосланы были в Камчатку. Ради тайны деревня Котлы была снесена, и вскоре соха запахала и самое жилье! В наше время этого делать почти невозможно; но не надо забывать, что это было во время слова и дела и ужасной пытки; а между тем сосед этой деревни Котлы, Карл Тизенгаузен, тогда еще бывший юношей, передал об этом происшествии сыну своему, сосланному в Сибирь по 14 Декабря, Василию Карловичу Тизенгаузену».

«Екатерине не удалось родить живого мальчика от Салтыкова; и как видно, что должны были подменить из чухонской деревни Котлов, за что пустая и злая императрица Елисавета, открывшая свою досаду, обнаружила ее тем, что после родов Екатерина, оставленная без всякого призора, могла бы умереть, если б не крепкий организм Екатерины, все вынесший, как мы видели из самого описания ее. Итак, не только Павел произошел не от Голштинскхй династии, но даже и не от Салтыкова. К Екатерине только через 40 дней, когда ей должно было брать очистительную молитву, пришла Елисавета и застала ее истощенную, истомленную и слабую. Елисавета даже позволила ей сидеть на кровати. С 20 сентября Екатерине позволено было видеть своего сына в третий раз. Это может служить доказательством, что прочим было не позволено совсем видеть. Надобно было прятать его как чухонца».

Итак, согласно этим мнениям, ни Екатерина, ни Петр Федорович не были родителями чухонского мальчишки, названного Павлом Петровичем. Вполне возможно, что и сама эта легенда появляется гораздо позже рождения Павла, как одно из обоснований убийства Павла Петровича с участием

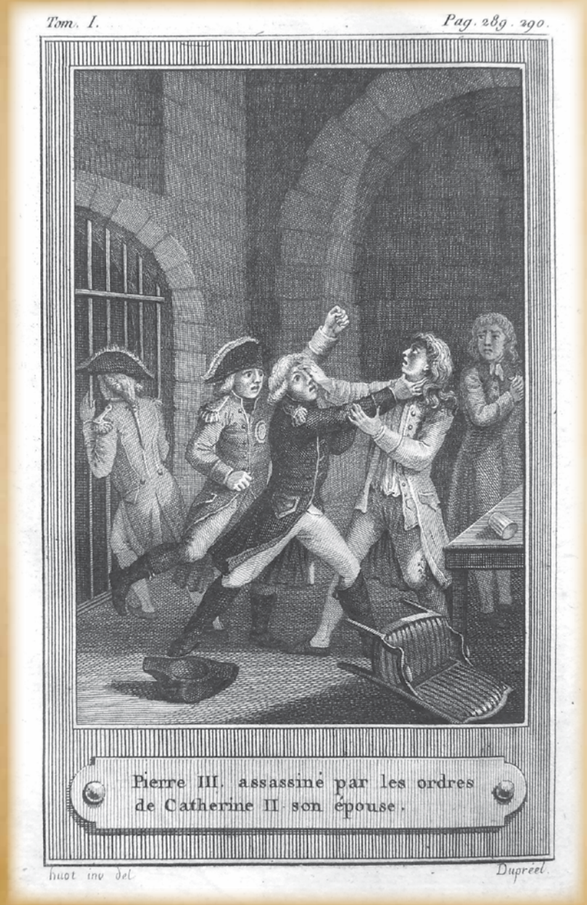
Портрет Петра III, худ. А.П. Антропов

в этом его собственного сына — будущего императора Александра I.

Но убийство самого императора Петра Федоровича, скрытого в официальном объявлении о его смерти под неким геморроидальным приступом, не было связано ни с какими легендами — он был законным наследником престола как потомок Романовых по линии старшей дочери Петра I, столь же незаконнорожденной, как и почившая в бозе ее младшая сестра императрица Елизавета Петровна.

Князь Долгоруков говорит о том, что Роман Илларионович Воронцов «ввел в распутство свою дочь» Елизавету, сделав ее любовницей царевича Петра Федоровича.

То, что со стороны графа Воронцова был явный умысел и расчет на продвижение своих дел

Жан-Шарль Тибо де Лаво.
Фронтиспис Истории Петра III. 1799 год. Том I

в сотворении этой любви — в этом нет никакого сомнения.

Как нет сомнения и в том, что между царевичем и дочерью графа возникли высокие чувства.

Елизавета не была красавицей. Но была умна.

А царевич был влюблен в Елизавету по уши.

Был даже пущен слух, что император собирается заточить супругу — Екатерину Алексеевну — в монастырь и жениться на графине Воронцовой.

Возможно, что этот слух был запущен самими Воронцовыми, чтобы вынудить Екатерину на дворцовый переворот, тем более что другая из сестер Воронцовых — Екатерина Романовна, княжна Дашкова — была ближайшей подругой Екатерины Алексеевны.

Елизавета Романовна Воронцова не стала тайным осведомителем масонов. По всей видимости, она искренне любила Петра Федоровича, и эта любовь была взаимной.

Кстати, Екатерина II, взойдя на трон, сначала лишила ее сана фрейлины и ордена Святой Екатерины I степени, но потом оттаяла к ней

Григорий Николаевич Теплов – почетный член Академии наук и художеств, худ. Д. Людерс

душой. А вот Екатерину Романовну Воронцову-Дашкову она наоборот отдалила, назначив ее президентом Академии наук.

Елизавета Романовна вышла замуж за полковника А.И. Полянского, крестной матерью их сына Александра была сама императрица Екатерина II.

Масоны, по одной из версий, не принимали участия в убийстве императора Петра III. Его убили якобы свои — из ближайшего окружения Екатерины — брат фаворита императрицы Алексей Орлов с верными ей людьми. И, вероятно, именно это гвардейское окружение новоиспе-

Актер Федор Волков, худ. А.П. Лосенко

ченной императрицы позволило ей заговорить с масонами, занимавшими ведущие государственные посты, на языке *силы*, отвергнув, как в свое время и Анна Иоанновна, те условия, которые ей выдвигались перед дворцовым переворотом.

Хотя утверждение о том, что масоны здесь были ни при чем, весьма спорно — историки говорят и о том, что гвардейская честь не позволяла офицерам, присягнувшим Петру Федоровичу, поднять руку на императора, пусть и низложенного, и эта «честь» была передана гражданским лицам — Григорию Теплову и Федору Волкову.

И это были не просто гражданские лица — это как раз и были масоны.

Григорий Николаевич Теплов, как мы помним, внебрачный сын Феофана Прокоповича, был наставником и другом Кирилла Разумовского, вступившего в масонское братство в Пруссии, куда и доставил его этот самый наставник Теплов.

Федор Григорьевич Волков — купеческий сын, был «первым русским актером» в первом русском театре Александра Сумарокова, выпускника Сухопутного шляхетского корпуса, который стал масоном, еще обучаясь в этом учебном заведении.

Говорят, что именно участие актера в этом политическом спектакле и породило в народе мысль, что Петр III жив.

В записке Алексея Орлова о насильственной смерти мужа Екатерины II говорится: «Непосредственно при убийстве Петра присутствовал, за одним столом с злодеем и жертвой сидел Федор Волков».

Императрица оценила по достоинству «подвиг» Волкова:

«…При благополучном же Нашем на всероссийский Императорский престол вступлении, как вышеупомянутый покойный брат его Федор Григорьев сын Волков особливо, так при нем и он, Григорий, купеческими верными сынами Российскими отличные услуги и верность Особе Нашей оказали, за которые их Нам вернорадетельные услуги, усердие и верность Мы оных Федора и Григорья Волковых в прошлом 1762 году августа 3 дня дворян-

Канцлер Александр Романович Воронцов, неизвестный художник

Михаил Семенович Воронцов, худ. Д. Доу

ским достоинством Нашей Всероссийской Империи всемилостивейше пожаловали».

А что касается остальных масонов, то они, оказавшись впоследствии не при деле, придержали свои порывы. До поры, естественно, до времени…

И остались не только целы.

Сын Романа Илларионовича — граф Александр — при Екатерине II был президентом Коммерц-коллегии (министром финансов), а при Александре I — канцлером, как и его дядюшка Михаил Илларионович.

А если заглянуть далеко вперед, то картина *масонского братства* еще более проясняется:

Со смертью бездетного генерал-адъютанта, светлейшего князя Семена Михайловича Воронцова (1823–1882), именным Высочайшим указом (7 июня 1882) графу Павлу Андреевичу Шувалову дозволено принять герб, титул и фамилию деда его по матери, генерал-фельдмаршала, Светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова и именоваться впредь Светлейшим князем Воронцовым графом Шуваловым.

Именным Высочайшим указом (12 февраля 1886) разрешено графу Михаилу Андреевичу Шувалову, как наследнику майоратного имения, учрежденного в роде князей Воронцовых, присоединить к своему титулу, гербу и фамилии титул, герб и фамилию учредителя сего майората и именоваться впредь Светлейшим князем Воронцовым графом Шуваловым.

ИОАСАФ БАТУРИН

Батурин был одним из самых несчастливых выпускников Сухопутного шляхетского корпуса, куда он поступил в 1732 году и откуда был выпущен в армию в 1740 году.

Даже своим названием это первое в России учебное военное заведение подчеркивало подспудное свое назначение — формирование российской шляхты.

Шляхта в варианте Речи Посполитой и Польского королевства — это свободное дворянство, при которой король — всего лишь символическая фигура, чуть ли не шут на троне.

И второе — еще более глубинное: шляхта — это приверженцы римско-католического вероисповедания, в котором Бог (дух) вторичен, а человек с его материальными потребностями — первичен и ему — человеку (то бишь шляхтичу) — все позволено

На самом деле — это звенья одной цепи, которые впоследствии соединятся в главном революционном «вольтерьянском» лозунге «Свобода и равенство», опиравшегося, в свою очередь, в исходном случае на идеи атеизма (безбожия) и разрушения государственности.

Корпус кадетов из шляхетских детей был учрежден указом Анны Иоанновны 29 июля 1731 года.

Авторами проектов был посол России в Берлине П.И. Ягужинский и президент Военной коллегии граф Б.К. Миних, который и был директором корпуса последующие десять лет.

Преподавателями были сплошь иностранцы.

Цели и задачи обучения — подготовить воспитанные на западных политических идеях и поклонении Западу российские отечественные кадры для военной и гражданской службы.

И Миних весьма успешно справился с поставленной перед ним королем Пруссии задачей. И сам он мнил себя правителем России:

Здание Сухопутного шляхетского корпуса (бывший дворец Меншикова), Санкт-Петербург

«После того как регентство было передано в руки принцессы Брауншвейгской, разочарованный в своих надеждах стать повелителем России, Миних подал в отставку, льстя себя надеждой, что его отставка не будет принята, но когда выяснилось, что он ошибся, то начал переговоры с Фридрихом II, рассчитывая поступить на прусскую службу. Он получил в подарок от этого государя графство Вартенберг в Силезии; он добился от императора Карла VII диплома графа Священной империи; он уже паковал чемоданы; его ждали апартаменты в королевском дворце в Кенигсберге; в Петербурге уже готовили его кареты для путешествия, когда на трон взошла Елизавета, и Миних, вместо того чтобы отправиться в Пруссию, был вынужден отправиться в Сибирь и прозябать там в ссылке в течение двадцати лет».

Но начиная с 1738 года в русскую армию и на гражданскую службу стали поступать сотни выпускников Сухопутного шляхетского корпуса, которые, будучи хорошо подготовленными, быстро продвигались по служебной лестнице, занимая — при поддержке братьев-масонов в ближайшем окружении императрицы Елизаветы — важные государственные и военные посты.

Иоасаф Батурин учился вместе с А.П. Сумароковым, А.В. Олсуфьевым и князем М.Н. Волконским.

Александр Петрович Сумароков после выпуска из корпуса и дворцового переворота 1741 года был назначен в свиту Лейб-компании поручика Алексея Разумовского — морганатического мужа императрицы Елизаветы Петровны. В конце 1745 года, уже будучи в чине майора, Сумароков возглавил канцелярию Лейб-компании.

Адам (это имя при крещении дал его крестный отец — император Петр I) Васильевич Олсуфьев, прекрасно владея

Александр Петрович Сумароков, худ. А.П. Лосенко

иностранными языками, был выпущен из корпуса с производством из капралов в поручики в армейский карабинерный полк и назначен состоять при Минихе для ведения его иностранной корреспонденции. По окончании военных действий, во время которых он неотлучно находился при фельдмаршале, Олсуфьев перешел на дипломатическую службу и был назначен секретарем русского посольства в Копенгагене при посланнике бароне И.А. Корфе, а затем перешел на службу в Коллегию иностранных дел.

Князь Михаил Никитич Волконский. Выпущен из корпуса подпоручиком. В 1736 году на войне с турками за храбрость произведен в секунд-, а затем в премьер-майоры (в 1749 году был полковником). В 1740 году сопровождал А.И. Румянцева на переговорах с турками в Константинополе.

А Иоасаф Андреевич Батурин, выпущенный из Корпуса в чине прапорщика, только в 1749 году стал подпоручиком Ширванского пехотного полка.

И тогда он решился предложить свои услуги великому князю Петру Федоровичу стать императором. Состоялась встреча. Испуганный князь, услышав о предложении, бежал с места встречи, рассказав о ней только своей жене Екатерине.

Уточним, чтобы не запутаться — Петр Федорович (урожденный Карл Петер Ульрих, герцог Гольштейн-Готторпский — сын дочери императора Петра I Анны и Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского) — будущий император Петр III, муж будущей императрицы Екатерины II (урожденной Софии Фредерике Августе Ангальт-Цербстской).

Через некоторое время Батурин был арестован по доносу — он начал поиск единомышленников, а те предпочли на него сразу же донести.

В результате великий князь Петр Федорович оказался на подозрении у императрицы Елизаветы Петровны, так как следствием обнаружилось следующее: Батурин просил двух егерей псовой охоты вел. кн. Петра Федоровича доложить его высочеству, что он, Батурин, может подговорить к бунту всех фабричных, Преображенский батальон, находящийся в Москве, и лейб-компанцев, участвовавших в возведении на престол Елисаветы Петровны, «которые-де к тому склонны и того давно желают, а им-де от его высочества дана будет знатная сумма денег». Все мы, совокупясь, — говорил Батурин великокняжеским егерям, — заарестуем весь дворец и Алексея Разумовского, а в ком не встретим себе единомышленника, того

Адам Васильевич Олсуфьев, худ. Карл Л. Христинек

Князь Михаил Никитич Волконский, неизвестный художник

изрубим в мелкие части. Государыню же не выпустим из дворца до тех пор, пока его высочеству коронации не будет, а ежели той коронации не захотят архиереи, мы всех их, где бы они ни были, вытащим и принудим к тому силою. Затем, взяв великого князя, привезем его в церковь и велим короновать, а какой архиерей не послушается, тому отрубим голову. «Ежели-де не бунтом идти, то его высочеству коронации никогда не бывать, для того что до той коронации Разумовский не допускает», а поэтому Батурин полагал собрать «хоть малую партию», нарядить всех в маски, посадить на коней и, улуча Разумовского на охоте, изрубить его или другим каким способом искать его смерти. В другой раз Батурин просил егерей доложить великому князю, что у него уже собрано тысяч с тридцать людей, да еще может быть приготовлено тысяч двадцать, и что ему помогут исполнить задуманное «намерение» большие люди: граф Бестужев и генерал Степан Апраксин, которые, будто бы, уже стали на его сторону. Батурин пояснил на допросе, что он и сам хотел было однажды ехать к камердинеру великого князя Ивану Николаеву и просить, чтобы тот доложил об его намерении его высочеству, но, будучи пьян, не поехал.

«Но, будучи пьян, не поехал…» — вот и весь уровень заговора.

«В конце 1749 года императрица Елизавета Петровна перестала целовать руку наследника вел. кн. Петра Федоровича. Вскоре от имени императрицы ему пригрозили Петропавловской крепостью и недвусмысленно напомнили об участи царевича Алексея.

Угрозы Елизаветы были вполне реальны, и главное, они были сделаны неспроста. И Петр Федорович это отлично знал».

Да, в этом деле оказался замешанным великий князь с женой. Поэтому приговор был самый что ни есть суровый, чтобы молва не разнесла этот слух о супругах-изменниках — и Иоасаф Батурин был на 18 лет за-

Петр Федорович с Екатериной Алексеевной и сыном, худ. Г.К. Гроот

ключен в одной из одиночных камер Шлиссельбургской крепости.

И о нем забыли.

Говорят, во времена правления Петра III император все-таки вспомнил о нем и решил заменить заточение в крепости… ссылкой в Нерчинск, но потом почему-то передумал и оставил все как есть.

Тогда сам Батурин напомнил о себе в 1768 году, когда через солдата охраны он передал записку великому князю Петру Федоровичу, не зная, не ведая о том, что великий князь уже, успев побывать императором Петром Федоровичем, был убит по приказу собственной жены, ставшей в результате этого убийства императрицей Екатериной II.

«Всероссийский отец Великий Государь Император Петр Федорович! Один от верных и первых рабов Ваших, который, не пощадя живота своего за Ваше Величество и корону Вашу, по любви преданной от младенчества к Великому Петру, а по нем к Вашему Величеству, ревнуя по истинному наследству Вашему, о чем Ваше Величество довольно знать соизволите.

Доныне обретаюсь в Шлиссельбурге, под крепким караулом, в ручных и ножных железах, в несносном заключении восемнадцать лет. Так за Ваше Величество и корону Вашу терплю и уповаю, ежели бы мне не помогла моя наука, которая мне в светлые ночи великую приносила радость, когда я смотря на планету Вашу, горесть свою забывал и в животе Вашем дражайшем быть несомненно полагал, о чем все караульные засвидетельствовать могут. Ужели ли всесмятения Ваше Величество усмирили! Зачем бедного забыли? Возьми, возьми великий Монарх меня пред себя как можно скорее! Не дай мне пасть в отчаянии! Дай мне себя, дражайший мой великий Монарх, видеть и с воскресением поздравить! Не дай возрадоваться врагам своим о мне верном рабе твоем, что без голодно в темнице уморили! Возьмите меня скорей пред лице свое, да потребятся враги Ваши рукою моею! Когда ж оставите меня — сам Бог Вас оставит. Желал бы от Бога в сем мире тишины и благополучия. Вверьте мне свое здоровье оппробованному рабу, а не другим. Я не отрекся за Вас умереть и кровь пролить. Уповаю, что Вы при себе такого ныне не имеете. Словами все скажут, что положат живот свой за Ваше Величество, а на деле и практике никто себя так не окажет, как я, бедный, который оставил жену, сына и двух дочерей в младенчестве сиротить, уморил от печали жену свою, навел плач матери и сестре ругательства; терплю с бедными от фамилии моей, которые от меня отрекаются. Колико претерпел голоду, холоду и все сие для короны Вашего Величества! Верь, верь, монарх мой великий, нет тебе меня вернее! Да любит меня столько Бог, колико я Вас люблю. Когда вы оставите меня, Бог меня за любовь не оставит: Иоан. 15, несть любви тоя, боле да кто за другого положит душу свою.

Вашего Величества раб первый, верный полковник и обер-кабинет-курьер Иосафат Батурин, милосердия ожидаю.

1768 февраля „…“ дня
Шлиссельбург».

То есть Иоасаф Андреевич Батурин, как и майор Калачев, сам себе уже готовил «пряники», самопроизводясь в полковники и обер-кабинет-курьеры.

Императрица Екатерина II, недолго думая, услала несостоявшегося полковника и обер-курьера на край земли — на Камчатку.

Но в этом деле, в связи с постоянно упоминаемым полковничьим чином, есть нечто, что заставляет посмотреть на события, связанные с Иоасафом Батуриным, совсем по-другому. Он искренне ждал награды. И, видимо, на это у него были веские причины.

Судите сами.

«Деревня Юрьевка. Рядом было сельцо с барской усадьбой, в 1860 г. принадлежавшей Батуриным, предок которых, поручик И.А. Батурин, возглавлял заговор против Елизаветы Петровны в пользу Петра Федоровича, и за это был осужден и сослан на Камчатку».

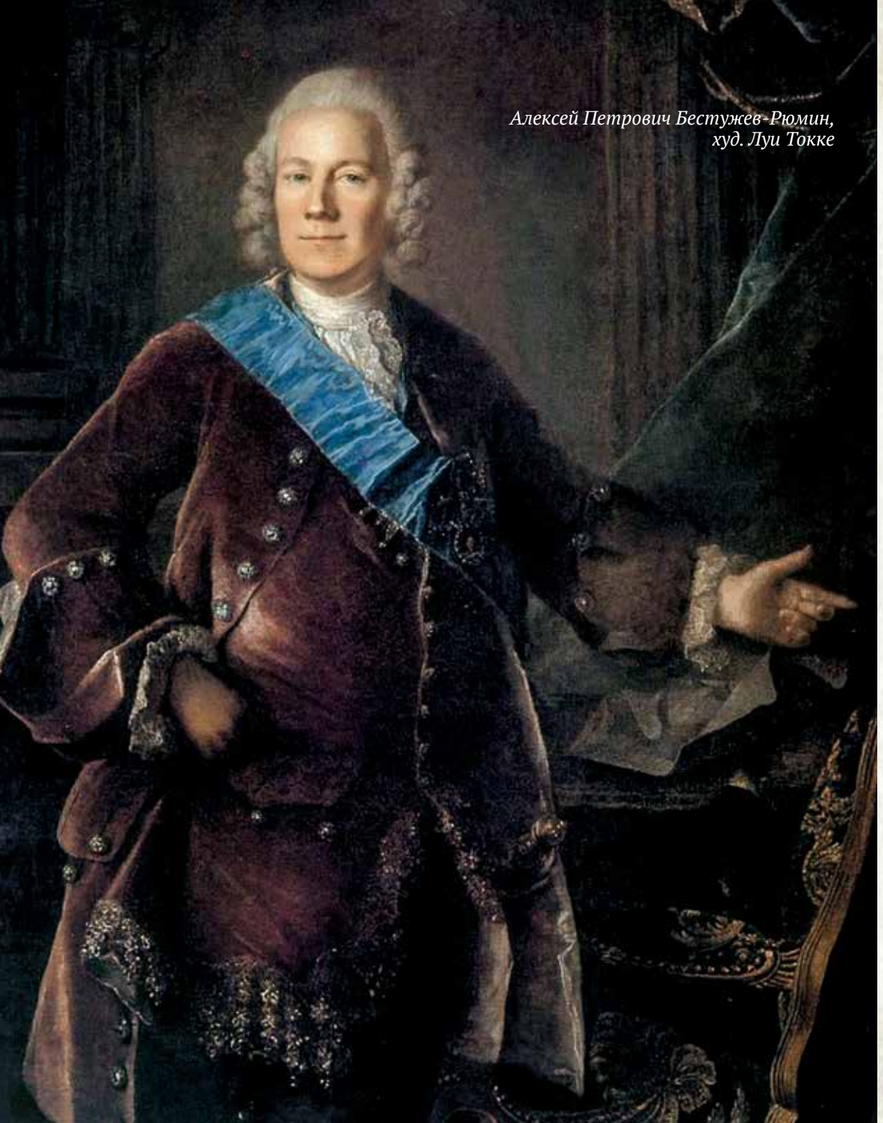
А теперь внимание: рядом с Юрьевкой, в границах Минского стана, раскинувшегося на левом берегу Волги, где проходил тракт из Костромы, располагалась Опахалинская вотчина одного известного царедворца: «Село Минское с деревнями Опалиха, Реброво, Бочкино, Щапово, Дубки, Палкино купил Р.И. Воронцов, и они вошли в состав его Опалихинской вотчины».

То есть рядом с имением Батуриных жил-поживал Роман Илларионович Воронцов — магистр масонской ложи, брат вице-канцлера Российской империи, непримиримым врагом которого был канцлер Бестужев-Рюмин.

И что же?

Давайте вспомним: на допросах выяснилось, что в заговоре, по утверждению Батурина: ««Есть и большие люди — граф Бестужев и генерал и кавалер Степан Апраксин — и просил пикеров доложить об этом Петру».

И не это ли было главным в масонской затее — все та же идея повалить канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, чтобы его место занял Михаил Илларионович Воронцов (как это в конце концов и случилось спустя десять лет, в 1758 году, в результате грамотно организованного и осуществленного «Лопухинского дела»).

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, худ. Луи Токке

А Степан Федорович Апраксин — генерал-фельдмаршал — был ближайшим другом канцлера Бестужева, с которым они впоследствии (в 1757 году) чуть было не совершили дворцовый переворот, желая передать трон через голову Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны их малолетнему сыну Павлу, пользуясь ситуацией, связанной с болезнью императрицы Елизаветы Петровны.

Так что вполне вероятно, что Иоасаф Андреевич был просто пешкой (желающей пробиться в ферзи) в большой политической игре, которая должна была изменить расклад политических сил вокруг трона.

И становится понятным, почему Батурин томился столько лет в одиночной камере Шлиссельбургской крепости, и только во времена правления Екатерины II сослан на Камчатку — он оставался опасным свидетелем для тех, кто втянул его в эту политическую игру.

И есть еще один исторический нюанс, на который стоит обратить внимание.

Оказывается, Батурины и Бакунины — это представители одного рода, как Колычевы и Романовы.

Они из древнего рода Батори, которые были князьями Трансильвании, а знаменитый Стефан Баторий — королем Польши и великим князем Литовским.

Братья Батугерд (в крещении Дмитрий Батурин) и Зенислов (родоначальник Бакуниных) выехали из Венгрии к великому князю Василию Ивановичу в 1492 году и получили имения под Рязанью.

Из этого рода основоположник социального анархизма и народничества Михаил Александрович Бакунин, который состоял в масонских ложах Великого востока Италии.

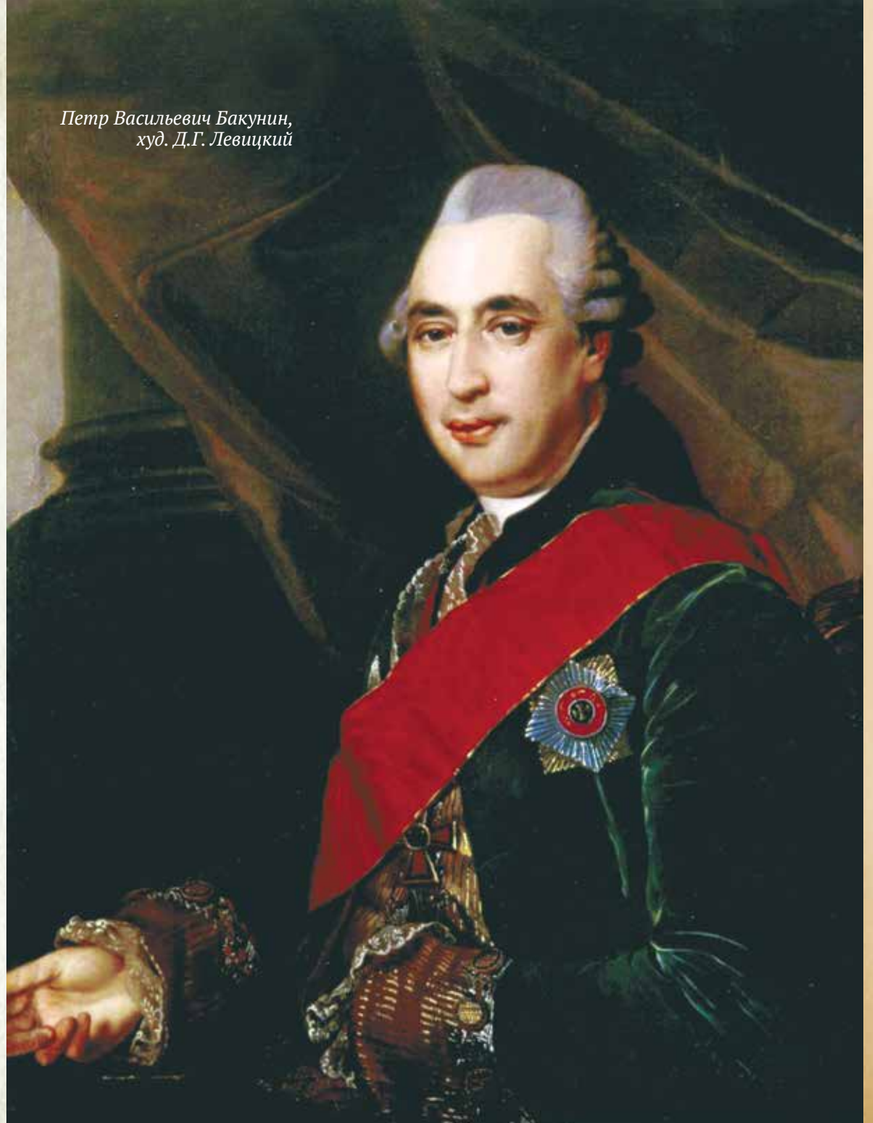
Родной брат его деда — Петр Васильевич Бакунин — после окончания Шляхетского корпуса в 1752 году был переводчиком в Коллегии иностранных дел, помощником и правой рукой Н.И. Панина — наставника царевича Павла I. В 1750

Степан Федорович Апраксин, неизвестный художник

году в Швеции Никита Иванович Панин был принят в масонскую ложу. А его наставник, взойдя на российский трон, увенчал себя еще и короной великого магистра Мальтийского ордена.

«В России Панин продвигал масонские интересы, которые заключались в борьбе с самодержавием (ограничение самодержавия), в борьбе с религиями (свобода вероисповедания), в закреплении прав частной собственности в законах, которые ставились выше правителей. Все это прописано в проекте конституции Панина, которую он безуспешно пытался пропихнуть недолюбливавшей его императрице Екатерине».

Петр Васильевич Бакунин, худ. Д.Г. Левицкий

И с Павлом I тоже у него ничего не получилось — убили его ученика, великого магистра Мальтийского ордена, императора. И в убийстве императора Павла принимал участие его сын Александр Павлович, император Александр I, который к роду Романовых имел, по мнению некоторых историков, такое же отношение, как и Петр I, рожденный неизвестно от кого, как и чухонский мальчик по имени Павел.

А вот масонское братство, напротив, не впускало в свои ряды чужаков. Екатерина Великая однажды попыталась сыграть роль сватьи с дочерью одного из крупных масонов, но императрице было… вежливо отказано.

Никита Иванович Панин, худ. А. Рослин

БРАТЬЯ ХРУЩЕВЫ И ГУРЬЕВЫ

Вячеслав Яковлевич Шишков в своем знаменитом романе «Емельян Пугачев», удостоенной Сталинской премии, коснулся и этого — на его взгляд, незначительного — эпизода царствования Екатерины Великой:

«Да, Екатерине было над чем призадуматься: едва прошло три месяца со дня переворота, возведшего ее на престол, как уже был раскрыт заговор, о котором она узнала, будучи в Москве.

28 октября, ранним, с заморозками, утром по улицам веселящейся Москвы тревожно забили барабаны, затрещали трещотки, на Красной площади страшный эшафот, на эшафоте — четверо преступников, над ними, при многих тысячах сбежавшегося люда, по всей форме учиняется жестокая экзекуция.

Ни простой народ, ни даже высший свет ничего не знали о случившемся. Все это дело было окутано глубокой тайной. Имена преступников обнародованы не были. Соответствующий манифест составлен весьма туманно. О безыменных преступниках в нем говорилось, как о неспокойных людях, покушавшихся на ниспровержение императрицы и оскорбительно отзывавшихся о ней. А в циркулярах к русским дипломатам за границей заговорщики названы „извергами всего человеческого общества“.

Впоследствии узналось, что „извергами“ были офицеры гвардии — Петр Хрущев и три брата Гурьевы. Тотчас после экзекуции все они, под сильным конвоем, навечно отправлены в отдаленные окраины Сибири.

Суть дела, вкратце, такова. По Петербургу, среди гвардейских офицеров, стали ходить слухи о существовании двух политических партий: одна якобы стремилась к возведению на престол шлиссельбургского узника принца Иоанна, другая хотела иметь императором малолетнего Павла Петровича, а регентом при нем — Никиту Панина.

Следственная комиссия установила, что в последний день коронации, на званом у Петра Хрущева обеде, было великое пьянство и что по пьяному делу Петр Хрущев — известный шутник и весельчак, будто бы „государыню бранил матерно“ и кричал: „Екатерине не быть, а быть царем Ивану Антоновичу“. А Семен Гурьев уверял, что в их партии до тысячи человек, что там и Панин, и гетман Разумовский, и Шувалов.

Среди хмельного шума, метко обличая друг друга, гвардейцы будто бы кричали:

— Дураки мы! На престол чужеродную иностранку посадили.

А Петр Хрущев, грохая об пол хрустальные фужеры и с превеликим бешенством топча их сапогами, вопиял:

— Орловы втравили нас в пагубу! Россию погубили! А мы, гвардейцы, продали за бочонок водки последние капли крови императора Петра Великого. Позор нам всем!

Было арестовано пятнадцать офицеров. На допросе все они от предъявленного им обвинения отперлись: были-де пьяны, но крамольных речей никто не произносил, а кто показывал на них, тот-де лжец и провокатор. Следственная комиссия, разобрав дело, ничего преступного в нем не нашла: вульгарно выражаясь — пустая, во хмелю, болтовня. В этом успокоительном смысле и было донесено императрице.

Но Екатерина взглянула на дело иначе. Она приказала:

— Не прятать концы, а со всей серьезностью дознаться истины.

И тогда во имя „изыскания истины“ было решено — подозреваемых пытать!

Петр Хрущев и Семен Гурьев „для изыскания истины были под батожьем расспрашиваны, но оба утверждаются на своих прежних показаниях“. Следственная комиссия постановила — главных виновников разжаловать и записать навечно в солдаты.

Но и этот приговор Екатерину не удовлетворил. Она понимала, что всякое потворство в таком деле опасно, что ее престол колеблется и что нужен устрашающий пример, чтоб раз и навсегда пресечь всякие крамольные мечты.

Следственная комиссия оказалась весьма податливой: она быстро поправила свою ошибку и, полагая, что „матушке“ хочется проявить в сем деле акт милосердия, вынесла новый жесточайший приговор, так сказать, с запасом: Петру Хрущеву и Семену Гурьеву отсечь голову, Ивана и Петра Гурьевых положить на плаху и потом, не чиня экзекуции, послать навечно в каторжную работу и т. д.

Вот тут-то „матушке“ действительно и представился случай пролить милосердную слезу и успокоить свое чувствительное сердце: политическим преступникам она даровала жизнь. Все виновные были сосланы на каторгу. А вскоре, за торжествами, это дело забылось. Но нельзя его забыть Екатерине. Вот почему чело ее было омрачено тревогой, вот почему она не могла считать себя вполне счастливой».

Виктор Александрович Соснора в повести «Две маски» еще более категоричен:

«Вспомним так называемый „заговор Хрущевых и Гурьевых“. Никакого заговора не было.

Двадцать девятого сентября 1762 года была пьянка в „Съестном трактире город Лейпциг“.

Пили: П. Хрущев, пригласивший, и гости — А. Хрущев, И. Гурьев, В. Сухотин, С. Бибиков, П. Гурьев, И. Хрущев, Н. Маслов и домохозяин Петра Хрущева — Данилов. Обслуживали: хозяин трактира Колька Коняхин, его супруга Анфиска.

Была простейшая офицерская пьянка с простейшей офицерской болтовней.

Поручик Измайловского полка, хвастун, болтун и пьяница, постоянный посетитель „Съестного трактира город Лейпциг“, сказал следующие слова. Он уже был вдребезги пьян, исчерпал весь свой словарный запас, язык не слушался уже этого поручика. Вот что сказал Хрущев, слово в слово:

— Последний день пью, десятый день, — и хватит пить. Это последний день радости. Ныне будет фейерверк. Мы дела делаем, чтобы государыне не быть, а быть Иоанну Антоновичу!

Типичное офицерское бахвальство. Простейший бред алкоголика.

Каковы же были результаты этого бреда?

Ведь на следствии все выяснилось. Как императрица квалифицировала эту чепуху?

Вот что было.

Был шум, дебош, бокалы, цыганские бубны, табачный туман, солнце и тьма.

Н. Сухотин был вдребезги пьян, он ничего на свете не слышал, только пил за здоровье какой-то то ли собачьей радости, то ли последней радости.

В. Сухотин совершенно ничего не слышал, потому что он вообще-то не пьет, а тут его невзначай напоили.

П. Гурьев ничего на свете не помнил, потому что он алкоголик, и отстаньте на веки вечные! — он ухитрился напиться и на первом следствии.

П. Гурьев не помнил даже состав компании, потому что он пришел на обед „в пьяном беспамятстве“.

Д. Данилов, домохозяин, сказал, что П. Хрущев живет в его доме, и больше ничего он прибавить не в силах к характеристике этого типа. Тогда его пытали, Д. Данилова, домохозяина. Данилов сказал, что П. Хрущев — такое трепло гороховое, что его буйную болтовню уже давным-давно не слушает, на него никто давно не обращает никакого внимания, — шут этот человек.

П. Хрущев, вождь заговора, сказал, что за здоровье последней радости — пил, про фейерверк — говорил, а про императрицу и про Иоанна Антоновича говорил в самых теплых и нежных дружественных тонах. „Но никогда не прощу доносчикам — Маслову и Хрущеву!“ — гневался П. Хрущев.

Гнусный донос. Никакого заговора. Это подтвердили и те, кто обслуживал обед: хозяин трактира Коняхин, его жена Анфиска.

Следственная комиссия развила бурную деятельность. Допрошены были чуть ли не все офицеры Измайловского и Преображенского полков (там служили Хрущевы — Гурьевы). П. Хрущева и С. Гурьева пытали. Ничего: никакого заговора — пустая пьянка.

Однако императрица назвала эту чепуху, эту безвестную историю — „повреждение спокойствия нашего любезного отечества“ и расправилась с „повредителями“ следующим образом. По ее наущению следственная комиссия приговорила к смертной казни П. Хрущева, А. Хрущева, С., И., П. Гурьевых; к ссылке — В. и Н. Сухотиных и Д. Данилова. Потом процесс еще продолжался, потом их, кажется, не казнили, но всех били палками и сослали.

Екатерина боялась даже пьяных восклицаний, даже упоминания всуе имени Иоанна Антоновича.

Как же расценивать ее величественное молчание в данном случае — в деле Мировича? Пятнадцать писем — с подробностями серьезного заговора, петербургская полиция (барон Н. Корф), Тайная канцелярия (граф Н. Панин) умоляют императрицу поручить им расследование, а императрица — спокойна! Она отнекивается. Она запрещает заниматься „ерундой“.

Значит, был сговор.

Нужно хорошенько подготовить общественное мнение к предстоящему событию: пустому восстанию. Только — так.

Иначе: при такой сложной ситуации уехать путешествовать в Лифляндию можно только в припадке умопомрачения. А она уехала путешествовать 20 июня 1764 года — за две недели до осуществления заговора».

Но коснемся официальной версии.

«Высочайшій Манифестъ о наказаніи Поручиковъ Петра Хрущова и Семена Гурьева, Капитанъ-Поручика Ивана Гурьева и Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка Квартирмейстера Петра Гурьева, за оскорбленіе Величества и совершенный умыслъ къ общему возмущенію [за умыслъ возвести на Престолъ Императора Іоанна Антоновича] (1762 г., Октября 24).

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА
ВСЕРОССІЙСКАЯ,
и прочая, и прочая, и прочая.
Всѣмъ вѣрно НАМЪ подданнымъ
объявляемъ.

Каждой вѣдаетъ разумной и благонамѣренной сынъ Отечества, что власть надъ нимъ предержащая, для его же добра уставлена отъ Бога, которой онъ повиноваться долженъ для своего и ближняго своего благоденствія. Почему и оскорбители оные, яко противляющіеся Богу, и яко нарушители общаго покоя, суть такіе преступники, которыхъ слово Божіе и законъ гражданской, осуждаютъ быть не токмо извергами своего отечества, но и въ родѣ человѣческомъ нетерпимыми. МЫ можемъ, не похвалившися предъ Богомъ, цѣлому свѣту сказать, что отъ руки Божіей пріяли Всероссійской Престолъ не на Свое собственное удовольствіе, но на разширеніе славы Его и на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ НАШЕМЪ отечествѣ. Къ сему достохвальному намѣренію МЫ приступили не словомъ, но истиннымъ дѣломъ, и о добрѣ общемъ ежедневно печемся, едино полагая то въ намѣреніи, чтобъ радостію, удовольствіемъ и порядкомъ НАШИХЪ подданныхъ, принимая Себѣ оныя воздаяніемъ, видѣть внутреннюю тишину и благосостояніе НАШЕЙ Имперіи. Таковымъ средствомъ МЫ желаемъ прославить Бога, и таковымъ путемъ МЫ ищемъ достигнуть вѣчнаго Себѣ отъ Него воздаянія. Но при сихъ НАШИХЪ чистосердечныхъ намѣреніяхъ, къ чувствительному НАШЕМУ сожалѣнію, нашлися въ сáмомъ НАШЕМЪ здѣшнемъ столичномъ городѣ такіе неспокойные люди, которые, возненавидя свое и общее блаженство и будто бы не токмо прилѣжные изобрѣтатели своего злоключенія, но и живота своего отчаянные злодѣи, презрѣвъ страхъ Божій, и не помышляя о потеряніи временнаго и вѣчнаго своего живота, покусилися и дерзнули дѣлать умыселъ къ испроверженію Божія о НАСЪ промысла, и къ оскорбленію НАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, и тѣмъ безумно вознамѣрилися похитить Богомъ врученнаго НАМЪ народа общее блаженство, о которомъ МЫ безпрестанно трудимся съ Матернимъ попеченіемъ. МЫ какъ скоро свѣдали о томъ ихъ богомерзкомъ предпріятіи, и взявъ въ уваженіе, чтобъ безвременно не опечалить сердца НАШИХЪ вѣрныхъ подданныхъ, повелѣли НАШЕЙ Гвардіи тремъ Штабъ-Офицерамъ, а имянно: Гетману, Графу Разумовскому, и Генераламъ-Поруччикамъ Суворову и Ватковскому, сіе дѣло секретно изслѣдовать безъ розысковъ, при-крыхъ НАШЕМУ человѣколюбію, по самой справедливости и ближайшими способами къ открытію правды. Они, держась предписанныхъ отъ НАСЪ имъ правилъ, чрезъ многіе распросы и очныя ставки съ свидѣтельми открыли, оскорбленіе ВЕЛИЧЕСТВА НАШЕГО и совершенной умыселъ къ общему возмущенію въ людяхъ нижеименованныхъ: первой Лейбгвардіи Измайловскаго полку́ Порутчикъ Петръ Хрущовъ, обличенъ и винился въ изблеваніи оскорбленія ВЕЛИЧЕСТВА, и что онъ старался другихъ привлекать къ умышляемому имъ возмущенію противу НАСЪ и общаго покоя, затѣвая, яко бы уже онъ и многихъ имѣлъ въ своемъ согласіи; вторый Ингерманландскаго пѣхотнаго полку́ Поручикъ Семенъ Гурьевъ, яко сообщникъ съ первымъ не токмо въ злодѣйскомъ его умыслѣ соглашался, но и самъ другихъ къ тому подговаривалъ, съ прибавленіемъ отъ себя разныхъ лживыхъ внушеній, изъ чего во многомъ въ первомъ допросѣ, а по обличеніи отъ свидѣтелей и во всемъ самъ признался; третій Лейбгвардіи Измайловскаго полку́ Капитанъ-Поручикъ Иванъ Гурьевъ, сдѣлалъ себя имъ соучастникомъ тѣмъ, что знавъ ихъ умыселъ, объ ономъ нигдѣ не донесъ, и самъ, яко свѣдущій, другому о томъ внушалъ, о чемъ въ первомъ своемъ допросѣ утаилъ, а во вторичномъ и на очныхъ ставкахъ по изобли-

ченіи винился; четвертый Лейбгвардіи Измайловскаго полку́ Квартирмистръ Петръ Гурьевъ слышалъ отъ Петра Хрущова противу НАСЪ оскорбительныя слова́, какъ и о зломъ умыслѣ къ возмущенію, о томъ не доносилъ и съ начала запирался, а на конецъ отчасти изобличенъ былъ, отчасти же и добровольное признаніе принесъ и винился; да по сему же слѣдствію Коллежской Ассесоръ Алексѣй Хрущовъ остается подозрительнымъ въ томъ, что онъ обличаемъ однимъ, но безъ свидѣтеля, яко бы и онъ ему сказывалъ объ общемъ вышепомянутыхъ зломъ намѣреніи, и притомъ онъ Алексѣй Хрущовъ слышалъ отъ Петра Хрущова нѣкоторыя двоякія и сумнительныя слова́, въ чемъ и однимъ свидѣтелемъ обличаемъ былъ. Хотя МЫ собственное НАШЕ оскорбленіе въ таковомъ злодѣяніи великодушно презираемъ, но не могли пренебречь правосудія къ обиженному народу, видѣвъ въ немъ возмутителей общаго покоя: Чего ради повелѣли НАШЕМУ Сенату въ полномъ собраніи,

мо прилѣжные изобрѣтатели своего злоключенія, но и живота своего отчаянные злодѣи, презрѣвъ страхъ Божій, и не помышляя о потерянїи временнаго и вѣчнаго своего живота, покусилися и дерзнули дѣлать умыслѣ къ испроверженію Божія о НАСЪ промысла, и къ оскорбленію НАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, и тѣмъ безумно вознамѣрилися похитить Богомъ врученнаго НАМЪ народа общее блаженство, о которомъ МЫ безпрестанно трудимся съ Матернимъ попеченіемъ. МЫ какъ скоро свѣдали о томъ ихъ богомерзскомъ предпріятіи, и взявъ въ уваженіе, чтобъ безвременно не опечалить сердца НАШИХЪ вѣрныхъ подданныхъ, повелѣли НАШЕЙ Гвардіи тремъ Штабъ-Офицерамъ, а имянно: Гетману, Графу Разумовскому, и Генераламъ Порутчикамъ Суворову и Ватковскому, сіе дѣло секретно изслѣдовать безъ розысковъ, прикрытъ НАШЕМУ человѣколюбію, по самой справедливости и ближайшими способами къ открытію правды. Они держась предписанныхъ отъ НАСЪ имъ правилъ, чрезъ многіе распросы и очныя ставки съ свидѣтельми открыли оскорбленіе ВЕЛИЧЕСТВА НАШЕГО, и совершенной умыселъ къ общему возмущенію въ людяхъ нижеименованныхъ: первой Лейбгвардіи Измайловскаго полку Порутчикъ Петръ Хрущовъ, обличенъ и винился въ изблеваніи оскорбленія ВЕЛИЧЕСТВА, и что онъ старался другихъ привлекать къ умышляемому имъ возмущенію противу НАСЪ и общаго покоя, зашѣвая, яко бы уже онъ и многихъ имѣлъ въ своемъ согласіи; второй Ингермоландскаго пѣхотнаго полку Порутчикъ Семенъ Гурьевъ, яко сообщникъ съ первымъ не шокмо въ злодѣйскомъ его умыслѣ соглашался, но и самъ другихъ къ тому подговаривалъ съ прибавленіемъ отъ себя разныхъ лживыхъ внушеній, изъ чего во многомъ въ первомъ допросѣ, а по обличеніи отъ свидѣтелей и во всемъ самъ признался; третей Лейбгвардіи Измайловскаго полку Капитанъ-Порутчикъ Иванъ Гурьевъ, здѣлалъ себя имъ соучастникомъ тѣмъ, что зная ихъ умыселъ, объ ономъ нигдѣ не донесъ, и самъ

присовокупя Президентовъ НАШИХЪ Коллегій, осудить по законамъ сихъ преступниковъ; при чемъ однакожъ НАШЕ человѣколюбивое сердце не могло оставить безъ напоминанія, чтобъ и тутъ наблюдая надобность Государственной строгости, сила законовъ была соображаема съ достойнымъ МОНАРШИМЪ милосердіемъ. Итакъ НАШЪ Правительствующій Сенатъ по вышеписаннымъ винамъ приговорилъ тѣмъ преступникамъ слѣдующее: „Хотя по всѣмъ Государственнымъ законамъ за толь богомерзкое и злодѣйское дѣло надлежитъ Петра Хрущова и Семена Гурьева, яко главныхъ въ томъ дѣлѣ зачинщиковъ, четвертовать, и потомъ отсѣчь го́ловы, а Ивану и Петру Гурьевымъ отсѣчь го́ловы же; но въ разсужденіи НАШЕГО пра́вила о наблюденіи МОНАРШАГО милосердія, Сенатъ обще съ собранными Президентами согласно присуждаютъ, а именно: ‚Помянутыхъ преступниковъ лиша всѣхъ чиновъ и исключа изъ дворянскаго достоинства, Петру Хрущову и Семену Гурьеву, вмѣсто мучительной смерти, отсѣчь го́ловы, Ивану и Петру Гурьевымъ политическую смерть, то есть: положить на плаху и потомъ не чиня экзекуціи, послать вѣчно въ каторжную работу, а движимое и недвижимое ихъ имѣніе оставить дѣтямъ и ихъ наслѣдникамъ; Алексѣя Хрущова лиша всѣхъ чиновъ, сослать въ Сибирь на вѣчное житье‘“. По сему не оставалось бы НАМЪ болѣе, какъ конфирмовать Сената НАШЕГО сентенцію; но чувствительное НАШЕ сердце не можетъ и тутъ допустить дѣйствіе гнѣва и жестокости, а убѣждаетъ преступниковъ оставить раскаянію въ жизни сей и предать ихъ суду Божію. Чего ради повелѣваемъ мечь, данный НАМЪ отъ Бога, и по слову Его не безъ ума носимый, удержать отъ отнятія живота осужденныхъ; а вмѣсто ка́зни смертной, Петра Хрущова и Семена Гурьева лиша чиновъ, исключа изъ званія ихъ фамиліи и изъ числа благородныхъ людей, обоихъ Петра и Семена бывшихъ Хрущова и Гурьева ошельмовать публично, а по томъ послать ихъ въ Камчатку въ Большерѣцкой острогъ на вѣчное житье, и имѣніи ихъ отдать ближнимъ въ родствѣ; Ивана и Петра Гурьевыхъ, отнявъ чины, послать въ Якуцкъ вѣчно; Алексѣю Хрущову, лишивъ его всѣхъ чиновъ, жить въ своихъ деревняхъ, не въѣзжая въ НАШИ столицы. И сей Манифестъ публиковать во всей НАШЕЙ Имперіи.

Данъ въ Москвѣ, Октября 24 дня 1762 года.

Подлинной подписанъ Собственною ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою, тако:

ЕКАТЕРИНА.

Печатанъ въ Москвѣ, при Сенатѣ,
Октября 27 дня 1762 года».

Источникъ: Указы Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, состоявшіеся съ благополучнѣйшаго вступленія Ея Императорскаго Величества на Всероссійскій Престолъ, съ 28 Іюня 1762 по 1763 годъ. Напечатаны по Всевысочайшему Ея Императорскаго Величества повеленію. — М.: Печатаны при Сенатѣ, 1763. — С. 137–140.

28 октября 1762 года, в понедельник, на Красной площади в Москве Хрущева и Гурьева ошельмовали — ввели на эшафот, палачи приказали им положить головы на плахи и скрестили над их головами шпаги, потом бросили эти шпаги под ноги осужденным, свели с эшафота и отправили на Камчатку.

Политической казнью первых в царствование Екатерины II бунтарей руководил сенатор, генерал-поручик, майор лейб-гвардии Василий Иванович Суворов.

Его сыну — полковнику Александру Васильевичу Суворову — придется усмирять следующих. Но это будет уже Крестьянская война, которую возглавит самозваный царь Петр Федорович — Емельян Пугачев.

Вот так переплетаются события и судьбы в отечественной истории.

А теперь коснемся действительных событий, которые имели место быть.

25 декабря 1761 (5 января 1762) года скончалась императрица Елизавета Петровна.

На российский трон взошел сын ее старшей сестры Анны Петровны — Карл Петер Ульрих, герцог Гольштейн-Готторпский, в православии — Петр Федорович.

Короноваться он не успел. А 6 (17) июля 1762 года был уже убит.

И на трон взошла его неверная жена Екатерина II — София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, чистопородная немка, отец которой состоял на службе у прусского короля.

Сегодня пишут разное о Петре III, собственно, как и о его сыне Павле I, с которым так же, как и с отцом, расправились пришедшие к власти в результате дворцового (государственного) переворота заговорщики.

Мало кто знает о том, что княгиня Дашкова, которая вместе с Екатериной Алексеевной подняла гвардию на дворцовый переворот, была не случайной фигурой в заговоре.

Напомним, что княгиня Екатерина Романовна Дашкова — родная дочь предводителя русского масонства Романа Илларионовича Воронцова.

И роль ее в этом заговоре была самая что ни на есть ответственная — она была связной между Екатериной и масонами, которые в обмен на свою поддержку Екатерине выставляли ряд обязательств, а Екатерина II, при восшествии на трон, проигнорировала их, точно так же, как и Анна Иоанновна «кондиции», только Екатерина удержалась от расправы над недавними своими союзниками.

Портрет княгини Екатерины Дашковой-Воронцовой (1743–1810), вверху слева герб альянса Дашкова-Воронцова, неизвестный художник

А если конкретно, то благодаря Дашковой были привлечены на сторону императрицы граф Н.И. Панин, граф К.Г. Разумовский, И.И. Бецкой, Ф.С. Барятинский, А.И. Глебов, Г.Н. Теплов и др.

Историк С. Соловьев приводит письмо, в котором канцлер Воронцов сетует на двух своих дочерей: Елизавету — любовницу императора Петра III, и Екатерину — подругу императрицы Екатерины Алексеевны: «О сестре вашей княгине Дашковой уведомить имею, что мы от нее столько же ласковости и пользы имеем, как и от Елисаветы Романовны, и только что под именем ближнего свойства слывем, а никакой искренности, ни откровенности и еще менее

какого-либо вспомоществования или надежды, чтоб в пользу нашу старания прилагала, отнюдь не имеем; и она, сколько мне кажется, имеет нрав развращенный и тщеславный, больше в суетах и мнимом высоком разуме, в науках и пустоте время свое проводит. Я опасаюсь, чтоб она капризами своими и неумеренным поведением и отзывами столько не прогневала государыню императрицу, чтоб от двора отдалена не была, а чрез то наша фамилия в ее падении напрасного порока от публики не имела. Правда, она имела многое участие в благополучном восшествии на престол всемилостивейшей нашей государыни, и в том мы ее должны весьма прославлять и почитать; да когда поведение и добродетели не соответствуют заслугам, то не иное что последовать имеет, как презрение и уничтожение. Я истинно на нее сердца или досады не имею и желаю ей иметь всякое благополучие, только индифферентность ее к нам чувствительна и по свойству несносна, тем более что от благополучия ее не имеем пользы, а от падения ее можем претерпеть напрасное неудовольствие. Вы, сие знав, должны иметь в переписке с нею всякую осторожность. Что же касается до мужа ее, то он нам непременно прежнюю ласковость и учтивость оказывает и ведет себя скромно и разумно. Господин Одар имел также участие в счастливой перемене и, как весьма разумный человек, поведение свое осторожно имеет и к нам преданность и благодарность свою оказывает. Он получил позволение отъехать в Италию для привезения сюды своей фамилии, уже с месяц времени как отъехал, поныне он не получил еще награждения, как токмо 1000 рублев для проезду своего».

Императрицы Екатерина просто по примеру своей «тетушки» Елизаветы Петровны устроила для своих бывших союзников-масонов показательную казнь, чтобы припугнуть остальных, кто вознамеривался было «переиграть» ситуацию с дворцовым переворотом.

А 5 июля 1764 года она весьма прагматично и грамотно организует убийство заключенного в Шлиссельбургской крепости императора Иоанна VI Антоновича. По мнению целого ряда историков, попытка его освобождения Мировичем была спровоцирована самой императрицей, чтобы

Мирович перед телом Ивана VI, худ. И.И. Творожников

избавить тех же злопыхателей-масонов от законной альтернативы и избавиться от очередного дворцового переворота.

Почему выбор пал именно на братьев Хрущевых и братьев Гурьевых?

И почему в следственных материалах прозвучали имена людей, которые были крупнейшими масонами в истории России — графа Никиты Панина, наставника будущего императора Павла I, Кирилла Разумовского и Ивана Шувалова?

Последнее как раз и понятно — точно так же в результате следствия по делу о Батурине под подозрением в антиправительственном заговоре оказались царевич Петр Федорович с супругой Екатериной Алексеевной. И были весьма перепуганы возможной расправой.

Теперь под подозрением (или намеком на подозрение) оказались и вышеперечисленные сановники, еще недавно некоронованные властители государства. И тоже были весьма перепуганы…

О Гурьевых князь Петр Владимирович Долгоруков даже не упоминает в первом томе своих «Записок…» — только один раз эта фамилия проскальзывает в связи с замужеством одной из дочерей графа Семена Салтыкова. Вполне вероятно, что он планировал посвятить им большую главу во втором томе.

Семен Андреевич Салтыков был непосредственным исполнителем низложения светлейшего князя Меншикова по приказу императора Петра II. Впоследствии командир Преображенского гвардейского полка. Являлся родственником императрицы Анны Иоанновны, был назначен главнокомандующим Москвы. Внучка Семена Андреевича — Екатерина Петровна — была замужем за Андреем Петровичем Шуваловым — единственным сыном и наследником фельдмаршала Петра Шувалова и его супруги Мавры Шепелевой, он же был мастером стула петербургской ложи «Молчаливость» «Скромность». В масонстве носил орденское имя — Дон Карлос.

Семен Андреевич Салтыков, неизвестный художник

А мы уже говорили о том, что в масонском братстве чужие не допускались. Только свои.

Этот Гурьев сделал большую карьеру, будучи ближайшим сподвижником Павла Скавронского, дочь которого будет женой сына того самого Палена, который убил императора Павла I.

Павел Мартынович Скавронский — сын родного брата императрицы Екатерины I. Он был женат на племяннице князя Потемкина — Екатерине Васильевне Энгельгардт.

И — при участии Скавронского и Салтыковых — карьера Дмитрия Александровича Гурьева при дворе была не просто стремительной, ее просто нельзя объяснить естественным ходом событий, кто-то умело вел его к вершинам власти — в 1786 году Дмитрий Гурьев получил чин камер-юнкера, в 1794 — церемониймейстера, а в 1795-м — чин действительного камергера. В январе 1797 года, назначенный гофмейстером двора великого князя Александра Павловича, Гурьев примкнул к кружку его друзей, сформировавшемуся в это время и состоявшему из молодых аристократов: графа Павла Строганова, графа Виктора Кочубея, Николая Новосильцева и князя Адама Чарторыйского.

Впоследствии министр финансов России, дочь которого была замужем за канцлером Российской империи графом Нессельроде — те самые Нессельроде, которые сгубили великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

«Портрет графа П.М. Скавронского», Морген Вильгельм (Guglielmo Morghen) по оригиналу Ангелики Кауфман (Maria Anna Angelica Katharina Kauffmann)

Ведь Пушкин посмел осмеять великих:
<На Воронцова>

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

И самого Гурьева

...Встарь Голицын мудрость весил,
Гурьев грабил весь народ...

И есть еще один немаловажный штрих из истории семьи Гурьевых, касающийся эпохи, предшествовавшей воцарению Екатерины, — начальником конвоя при «Брауншвейгской семье» — семье императора Иоанна VI Антоновича — был майор Гурьев.

И еще одно лицо, о котором говорили на следствии в списке лиц, якобы принимающих участие в заговоре наравне с Шуваловыми, Голицыными, Трубецкими — Александр Гурьев. Вероятно, это Александр Дмитриевич Гурьев, отец будущего министра финансов, женатый на Анне Михайловне — сестре казненного вместе с Волынским и Хрущевым Петра Михайловича Еропкина — русского архитектора, создателя знаменитого Ледяного дома.

О Хрущевых, наоборот, в «Записках...» князя Долгорукова имеется множество упоминаний.

Дмитрий Александрович Гурьев, худ. Янош Ромбауэр (Janos Rombauer)

Это старинный дворянский род, который происходит от польского шляхтича Хруща.

Потомки Хруща служили в Тайной канцелярии, состояли в трибунале, а также были в составе «русской партии» Волынского (Андрей Федорович Хрущев) — и одни Хрущи пытали (Михаил Никитич Хрущев, асессор, а при Петре Шувалове — обер-секретарь Тайной канцелярии; и его родной брат — Федор Никитич Хрущев) других Хрущей (Андрея Федоровича, либо Петра Федоровича), а третьи Хрущи (как, например, сенатор генерал-лейтенант Михаил Семенович Хрущев) выносили Хрущам смертные приговоры...

Но ведь и с самим покойным Волынским тоже все было не просто.

Зять Гурьева — Карл Васильевич Нессельроде, худ. Ф. Крюгер

И его дочь вышла замуж не за простого человека — а именно за Ивана Илларионовича… Воронцова, родного брата предводителя русских масонов и канцлера Российской империи.

Их сын Артемий (в память об Артемии Волынском) Иванович Воронцов женится на Прасковье Федоровне Квашниной-Самариной, из рода которых происходит камчатский ссыльный Квашнин-Ивашкин.

Но это еще далеко не все: сестра старших Воронцовых — Дарья Илларионовна — была женой Петра Михайловича Хрущева, приходящегося однородцем казненному Андрею Федоровичу и камчатскому ссыльному Петру Федоровичу Хрущевым. И он тоже был своим человеком при дворе — 11 октября 1754 года был послан к герцогине Ангальт-Цербстской, матери Екатерины II, с известием о рождении цесаревича Павла Петровича.

И вот еще один маленький штришок: «Петр Хрущов признался на следствии, что им руководил гнев — он участвовал в возведении Екатерины на престол, но не получил никаких награждений».

Был ли род Хрущовых настолько захудалым, что он, хотя и нередко, но походя, отмечается в «Записках князя Петра Долгорукова»?

На этот счет есть и другое мнение:

«Хрущевы — известный дворянский род. Представители этого рода служили при московском дворе постоянно, а Федор Григорьевич Хрущев даже находился в родстве с царицей Марфой, супругой царя Федора Алексеевича, что позволило ему сделать хорошую карьеру» [Седов П.В. Закат Московского царства. СПб., 2006. С. 388].

В очерке «Неразгаданный Хрущев» Татьяна Щербакова расшифровывает это утверждение о родстве Хрущовых с Романовыми:

«Через свою родственницу Домну Богдановну Хрущеву они даже породнились с самим царем Федором Алексеевичем, старшим братом Петра Первого. Но, по опубликованным документам, эта Домна Богдановна довольно загадочный персонаж. По одним — она жена Федора Матвеевича Апраксина, сподвижника Петра Первого, генерала армии, первого президента Государственной Адмиралтейств-коллегии, командующего русским флотом в Северной войне и Персидском походе в 1722 году. Этот брак, как значится в документах, был бездетным. Сестра Федора Матвеевича, Марфа Матвеевна, стала второй женой царя Федора Алексеевича. Правда, через два с половиной месяца она оказалась вдовой. Но ее родственники сделали блестящую карьеру при дворе. В их число вошли и братья Хрущевы».

А вот и уточнение: «Там еще длинный список предков Путина (не берусь об этом факте судить), и все они числятся крестьянами Домны Богдановны, вдовы боярина Матвея Васильевича Апраксина. То есть не жены, а матери Федора Матвеевича и, значит, его сестры, супруги царя Федора Алексеевича, старшего брата Петра Первого, Марфы Матвеевны».

А теперь читаем в «Записках князя Петра Долгорукова»:

«Царь (Федор Алексеевич. — *С.В.*) перед свадьбой выпил снадобье, которое подействовало самым губительным образом на его тщедушную натуру: он заболел в самую ночь свадьбы, жизненные силы полностью покинули его, и 27 апреля, после 2,5 месяца изнурительной болезни он скончался. Его вдова умелым поведением создала себе прочное положение при дворе. Целой и невредимой она миновала все политические бури того неспокойного периода. Она заручилась дружбой Петра I и после основания Петербурга поселилась в новой столице и построила дворец на углу

Портрет Марфы Матвеевны Апраксиной, второй жены царя Федора Алексеевича, неизвестный художник, Русский музей

Царь Федор III Алексеевич

Адмиралтейской площади и Невской перспективы… Она умерла 31 декабря 1715 года на 51 году жизни …[Петр I] передал генерал-адмиралу (Федору Матвеевичу Апраксину. — *С.В.*) огромные богатства, завещанные ею брату в пожизненное владение».

И стоит ли удивляться теперь, что стольниками при царице Марфе Матвеевне служил Федор Иванович Хрущев, отец Петра Федоровича, сосланного на Камчатку. Впоследствии — стольник царицы Прасковьи Федоровны — урожденной Салтыковой (1686), матери будущей императрицы Анны Иоанновны и бабушки императора Петра III, затем Федор Иванович Хрущев — государев стольник (1687–1692) при царе Иоанне V.

То есть Хрущевы были вовсе даже не последними людьми на верхней лестнице управления государством и приходились ближними и дальними родственниками многих аристократических семей. В том числе — и Воронцовых. Напомним, что старший из братьев Дарьи Илларионовны Воронцовой (супруги Петра Михайловича Хрущова) был женат на дочери Артемия Волынского — Марии. Вот такая генеалогическая карусель масонского братства.

Вернемся к братьям Хрущевым и Гурьевым.

Мог ли быть другим исход заговора, которого на самом деле и не было?

«Дело было ничтожное; Дмитрий Измайлов сказал справедливо, что „все это вранье“. Но из этого вранья обозначилось, что может быть предметом вранья: восстановление Ивана Антоновича и то, зачем не коронован цесаревич. По отношению к первому Екатерина послала предложить свободу только одному принцу Антону: „Мы его одного намерены теперь освободить и выпустить в его отечество с благопристойностью, а детей его для государственных резонов, которые он по благоразумию своему понимать сам может, до тех пор освободить не можем, пока дела наши государственные не укрепятся в том порядке, в котором они к благополучию империи нашей новое свое положение теперь приняли. И ежели он, принц, пожелает быть свободен один, а надежду на нас положит, что мы детей его в призрении своем до времени оставим, содержа их не токмо в пристойном довольстве, но и, как скоро повод к свободе их усмотрим, выпустим и к нему пришлем: то он может искренне свое точное желание объявить. Ежели с детьми своими на обещанное нами время разлучиться не похочет, то бы принял на себя терпение до тех пор остаться в нынешнем его состоянии, доколе и в свободе детей его ту же удобность увидим, которая теперь для него только одного открылась“». Принц Антон не согласился быть свободным без детей.

«Дело Хрущова и Гурьевых было ничтожное, но оно должно было произвести сильное впечатление на Екатерину. Это было первое искушение. При всем ее старании представить своею деятельностию противоположность бывшему царствованию, при всем старании показать, что «о добре общем ежедневно печемся», при первом личном неудовольствии уже толкуют об Иване Антоновиче или, что еще хуже, о том, зачем цесаревич не коронован, решаются распалять солдат, прямо указывают на знатных людей как на соумышленников, и это болезненное настроение есть следствие события 28 июня (день убийства Петра III. —

С.В.): одним удалось тогда, отчего нам не может удасться теперь? Даже коронация не прекратила этого настроения…» (Сергей Соловьев «История России с древнейших времен». Книга XIII. 1762–1765).

И нужно было в срочном порядке выпускать пар из перегретого котла русского общества…

Интересно, что о «слухах» по поводу затевающегося заговора одним из первых донес капитан-поручик Измайловского полка Иван… Хрущев, выдав троих своих родственников, за что получил награду — 2000 рублей.

А далее все пошло по накатанной…

Нужно было дать урок всем, кто распускал свой «поганый» язык.

БРАТЬЯ СТЕПАНОВЫ

Говоря о масонской династической преемственности, мы имеем в виду именно ту масонскую ложу, которая была организована Кейтом во времена Анны Иоанновны и ядром которой были незаконнорожденные дети императора Петра I — братья Чернышевы и Румянцев, а также выбившиеся из «грязи в князи» Воронцовы, Шуваловы, Разумовские, которые хотели властвовать над русской элитой и возводить на престол своих людей.

Постепенно эта группировка обрастала новыми членами — вырастали и мужали дети, заключались браки, рождались внуки…

Эта масонская группировка правила Россией вплоть до февраля 1917 года. Точнее, и дворцовый переворот февраля 1917 года был на совести этой группировки.

При императорах Павле I и Александре I масонство стало явлением модным — и в многочисленные ложи вступали кто ни попадя, подчеркивая тем самым свое уважение к западной культуре и вольтерьянскому духу свободы.

На самом деле масонство работало над тем, чтобы обрушить столпы русской государственности и православия, создав по европейскому образцу конституционную монархию, а лучше — республику. Собственно, это и сегодня один из проектов российского либерализма, направленный на разрушение российской государственности и русского духовного мира.

И не нужно думать, что кульминацией развития масонства в России было декабрьское восстание 1825 года.

Кульминацией был развязанный в России терроризм, к которому масоны также приложили свои грязные ручонки.

Но все по порядку.

Удивительно, но из одной серьезной исторической книги в другую переходит и повторяется байка о том, что депутат Комиссии по составлению нового государственного Уложения, предводитель дворянства Верейского уезда, отставной ротмистр Ипполит Семенович Степанов был отправлен в ссылку на Камчатку за то, что вступил в диспут с самим Григорием Орловым — фаворитом императрицы Екатерины II и родным братом одного из организаторов убийства императора Петра III — Алексея Орлова-Чесменского, который сообщал по этому поводу следующую информацию Екатерине:

«…Государыня, свершилась беда: мы были пьяны, и он тоже, он заспорил за столом с князь Федором; не успели мы рознять, а его уже не стало. Сами не помним, што делали; но все до единого виноваты, до-

«Портрет Г.Г. Орлова» является видоизмененной копией, исполненной Рокотовым с портрета работы Торелли

стойны казни. Помилуй меня хоть для брата...»

Конечно, трудно переоценить роль и значение Григория Орлова и его братьев в судьбе императрицы Екатерины II и судьбе страны.

Граф (с 1762 года) Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский, генерал-аншеф (1769), лейб-гвардии Преображенского полка подполковник, Кавалергардского корпуса поручик, кавалер российских орденов Святого Андрея Первозванного, Святого Александра Невского и Святого Георгия I класса.

Грамотой римского императора Франца I от 10 (21) июня 1763 года действительный камергер, генерал-адъютант, генерал-поручик, граф Российской империи Григорий Григорьевич Орлов возведен, с нисходящим его потомством, в княжеское Римской империи достоинство, с титулом светлости.

В 1766 году был издан Манифест о создании Комиссии об Уложении — выработке новых законов для Российской империи.

30 июля 1767 года Комиссия, после выбора депутатов, приступила к работе. Целью создания Комиссии было укрепление позиций императрицы Екатерины II, как просвещенной монархини, на троне, но межсословные противоречия и откровенные желания дворянства расширить собственные свободы и еще более закрепостить крестьянство привели к такому «раздраю», что пришлось, под предлогом начавшейся Русско-турецкой войны, в январе 1769 года общее собрание депутатов распустить. Какое-то время еще работали некоторые комиссии — но это было уже более для отвода глаз.

К тем сословным и общественным наказам, которые были оглашены депутатами

Екатерининская комиссия 1767 г., худ. М.М. Зайцев

из различных регионов России, Российская империя была не готова. И не будет готова до 25 октября 1917 года.

Но что же на самом деле произошло между Григорием Орловым и Ипполитом Семеновичем?

Судя по протоколу заседания Комиссии:

«На 9 заседании, 21 августа 1767 г., принимал участие в обсуждении наказа, данного депутату Каргопольского уезда от черносошных крестьян Василию Белкину, и сказал, „что крестьяне Каргопольского уезда ленивы и отягощены, утороплены и упорны. Если же у них недостаточный урожай в хлебе, то им полезнее заниматься хлебопашеством, чем другими промыслами, поэтому и не следует увольнять их от работы с апреля месяца“. По прочим статьям Каргопольского указа Верейский депутат предлагал, не дозволять крестьянам продавать свои земли; на каждые 2000 душ определить досмотрщика, на всякой почту назначить комиссара и, наконец, содержание мостов возложить на тех обывателей, которые живут в ближайшем от них расстоянии. <...>

По окончании чтения всех <...> мнений и замечаний маршал вызвал Капорского депутата от дворянства графа Григория Григорьевича Орлова, который объявил ему, что Верейский депутат от дворянства г. Степанов в возражении своем сделал два противоречия: во-первых, назвал крестьян Каргопольского уезда ленивыми и отягощенными, чего вместе быть не может, и во-вторых, утороплеными и ленивыми, каковые свойства также одно с другим не согласуются. К сему граф Орлов прибавил, что подобные названия, относящиеся ко всем вообще крестьянам, не должны быть употребляемы при обсуждении дела, и он полагает, что выражения сии, обращенные в порицание всех крестьян, были помещены по ошибке писца, а не по мнению депутата. Может быть, он хотел сказать, что только некоторая часть крестьян имеет означенные недостатки, ибо между всякого рода людьми есть хорошие и дурные. В заключении Копорский депутат сообщил маршалу, не признает ли он нужным спросить у Верейского депутата, справедливо ли высказанное им предположение, что в мнение сего депутата вкрались ошибки писца, как ему это кажется. <...> Все, сказанное Копорским депутатом, было немедленно записано, и маршал, прочитав собранию это мнение, спросил у него, согласно ли оно призвать Верейского депутата к объяснению. Собрание изъявило на это свое согласие, и г. Степанов по призыве его отвечал, что требуемое от него объяснение он сообщит письменно».

На 16 заседании, 3 сентября 1767 г., понедельник (10.00 — «третья четверть первого часа»), «Читано изъяснение г-на депутата

Верейского от дворянства Ипполита Степанова на поданной голос от г-на депутата Капорского графа Григория Орлова. В нем написано, что он в поданном от него голосе не о всех, но о большей части крестьян разумеет и примеченное им в нравах крестьян изъяснить почел за должность».

Григорий Орлов попросту поправил стилистику выступления Степанова (даже не самого Степанова, а писца, который готовил проект этого выступления депутата Степанова), и Ипполит Семенович признал эту стилистическую неточность своего высказывания.

Вот и все.

Но на самом деле далеко не все.

А для этого нам нужно будет вернуться к третьей версии убийства императора Петра III.

Оказывается, известно несколько записок Алексея Орлова по поводу убийства императора.

Вот еще одна: «Мы были пьяны, и он тоже. Он заспорил за столом с князем Федором. Не успели мы разнять, а его уже не стало…»

Князь Федор — это князь Федор Сергеевич Барятинский.

А вот и подробности: второй женой князя Сергея Ивановича Барятинского, капитана лейб-гвардии Измайловского полка, и матерью князя Федора Сергеевича Барятинского, примкнувшего 29 июня 1762 года к дворцовому заговору и участвовавшего 6 июля в убийстве императора, была Мавра Степановна Степанова.

То есть Степановы были не случайными людьми при дворе ее императорского величества.

Собственно, и сами Степановы — не из череды обыкновенных Ивановых, Петровых, Сидоровых, которых множество на Руси.

Степановы, о которых идет сейчас речь, — Рюриковичи — удельные князья, перешедшие на службу к Московскому князю и потому утратившие свои княжеские титулы.

Но это еще не все.

У Ипполита Семеновича были братья.

Один из них — Руфь (Руф, Руфин) Семенович Степанов. Согласно «Русскому биографическому словарю» Степанов, Руф Семенович — устроитель нем. колонистов в Сарепте, при Ек. II. Масон, глава московских лож по смерти Поздеева; † 1828 г. {Половцов}.

А вот и подробности: «Известно …, что за первые полвека существования Сарепты ее посетили Великий Префект Капитула Восток, князь Г.П. Гагарин, князь Григорий Орлов и граф Владимир Орлов — оба масоны, князь М. Щербатов, состоявший в московской ложе „Осирис“ вместе с представителями аристократических рядов Гагариных, Голицыных и Салтыковых, князь И.И. Воронцов, родной брат Великого канцлера России М.И. Воронцова, астраханский генерал-губернатор А.Н. Бекетов, чье имя фигурирует в списках членов влиятельной петербургской ложи Елагина и Мелиссимо, герцог Александр Вюртембергский, розенкрейцер высших степеней в ложах „Палестина“ и „Соединенные друзья“, автор „Описания Екатерининских вод в Астраханской губернии между городом Царицыном и селением Евангелического Братства Сарепта“ Михаил Веревкин, и автор „Хорографии Сарептских Целительных вод“ Иван Болтин, масоны…»

И стоит ли тогда удивляться, что Руф Семенович стал главой московских лож в период правительственного запрета масонства, как сообщает «Большая биографическая энциклопедия»: «Последние годы своей жизни он жил в Москве, где играл видную роль среди масонов и после смерти Поздеева сделался главою масонских лож, когда они были запрещены правительством». Точнее, главою российских розенкрейцеров.

«Ученик и сподвижник знаменитого просветителя Новикова, Руф Семенович Степанов состоял членом следующих масонских мастерских: Ложа К мертвой голове, Ложа Нептуна, Ложа Гермеса, Ложа Феникс, Ложа Теоретический градус и внутренний розенкрейцерский Орден» (Русское масонство. Энциклопедический словарь. М., РОССПЭН, 2001 г.).

Другой брат Ипполита Семеновича — Петр — «поклонник Вольтера и философов XVIII века» — был женат на старшей дочери обер-церемонимейстера императорского двора масона Степана Федоровича Каштелинского.

Также весьма высокий уровень на политическом Олимпе. А внук Каштелинского — Александр Петрович Степанов — был первым губернатором новообразованной Енисейской губернии и другом ссыльных декабристов.

Александр Петрович Степанов, неизвестный художник, 1831 г.

Прервемся ненадолго. И поговорим о том, что некое проецирование из прошлого в будущее позволяет увидеть то, что еще не очень заметно во времени, о котором мы говорим. Цветок свой цвет уже набрал, но еще не раскрылся.

И вот мы видим исторические достижения потомков первых русских масонов.

Например, Александр Романович Воронцов в царствовании Екатерины Великой был президентом Коммерц-коллегии и членом Совета при высочайшем дворе, а при императоре Александре I — канцлером Российской империи, как и его родной дядюшка.

Александр Иванович Шувалов сменяет своего брата Петра на посту начальника Тайной канцелярии.

Александр Иванович Чернышев во времена Николая II в течение четверти столетия будет военным министром (и не ему ли мы лично обязаны поражением России в Крымской войне 1853–1856 гг.?), а в 1848 году назначен председателем Государственного совета Российской империи.

А вот и обобщающая информация из истории русского масонства:

«Масоны-аристократы к концу 70-х годов (XIX века. — *С.В.*) качнулись резко вправо, включившись в дотоле не известное в России движение и создав тайную, глубоко законспирированную антиреволюционную организацию „Священная дружина“, передавая туда весь свой опыт работы в подполье. Изверившись в способности жандармов и полиции уничтожить радикалов и левых террористов законным путем, члены „Священной дружины“ объявили радикалам войну вплоть до террора. На руководящих постах в „Дружине“ было много потомственных масонов — „от дедов“. Так, ее ЦК возглавлял граф Воронцов-Дашков, петербургский совет — Шувалов, а московский — князь Долгорукий.

Эти люди были весьма недовольны и либеральной политикой царя Александра II, освободившего крестьян, давшего много прав либералам из земств и ограничившего судебный произвол, введя суд присяжных. Пик недовольства царем пришелся на начало весны 1881 г., когда Александр II решил опубликовать конституцию, вводившую в стране конституционно-монархический строй. К убийству царя стремились и левые радикалы из „Народной воли“, и махровые реакционеры из „Священной дружины“.

Странно и таинственно совместились вдруг интересы и правых, и левых, еще недавно совместно работавших в масонском подполье. 1 марта 1881 г. Исполком „Народной воли“ бросает лучшую группу на убийство царя-освободителя, первого и единственного царя-либерала на российском престоле, а кто-то услужливо убирает охрану — эскорт царя и настойчиво советует ему ехать на развод гвардейцев в Манеже. На обратном пути царь будет убит. Много таинственного и непонятного в этом убийстве. Полиция имела обширную информацию о подготовке покушения как от уже арестованных народовольцев, так и от провокаторов Окладского и Дегаева. Последний — бывший офицер и по некоторым данным масон — был членом Исполкома „Народной воли“. Тем не менее, массовые аресты полиция начала только после покушения».

А вот что касается представителей тех родов, из которых вышли камчатские ссыльные — здесь мы видим не только высоких сановников, но и известных бунтарей, как, например, Колычевы, Хрущевы, Батурины-Бакунины…

Не обошла эта закономерность и семью Степановых: женой Павла Дмитриевича Степанова была Анна Ивановна Каракозова, родными племянниками которой были террористы-«цареубийцы» Дмитрий Владимирович Каракозов и Николай Андреевич Ишутин. А правнучка Руфа Семеновича Степанова Александра Милиевна Аничкова была женой родного брата Дмитрия Каракозова — Николая Владимировича Каракозова, который впоследствии, скрываясь от фамильного позора, стал писаться Владимировым.

Каракозов и Ишутин — первые русские террористы.

Дмитрий Каракозов 4(16) апреля 1866 года совершил первый революционно-террористический акт, пытаясь застрелить из револьвера царя Александра II.

Брат Александра Петровича — Филипп Петрович Степанов — открыл миру знаменитые «Протоколы сионских мудрецов».

А его сын — Николай Филиппович Степанов (псевдоним Н. Свитков, в монашестве Александр) — крупнейший (с мировым именем) православный исследователь и разоблачитель масонства.

Но вернемся к причинам ссылки Ипполита Семеновича.

Это был заговор против Екатерины Великой, который, действительно, спровоцирован конфликтной ситуацией внутри Комиссии об уложении. Только не графом Григорием Орловым по несущественному поводу, а более серьезными причинами, к которым мы вернемся позже — рассказывая уже о камчатских событиях.

«За планы по свержению Екатерины II вместе капитаном Преображенского полка Николаем Озеровым, капитаном Василием Пановым, отставным майором Ильей Афанасьевым и отставным премьер-майором, Одоевским депутатом Никитой Жилиным был сослан на Камчатку».

Что это были за планы?

В книге Елены Никулиной и Игоря Курукина «Повседневная жизнь Тайной канцелярии XVIII века» мы найдем некоторые подробности:

«В том же (1765, на самом деле в 1769. — *С.В.*) году к следствию были привлечены преображенский капитан Николай Озеров и его друзья — бывший лейб-компанец Василий Панов, отставные офицеры Ипполит Степанов, Никита Жилин и Илья Афанасьев. Заговорщики не просто ругали императрицу и ее фаворита — критике подвергалась вся внутренняя и внешняя политика Екатерины. „Прямые сыны отечества“ (так называли себя приятели) были возмущены тем, что не выполнены „при вступлении ‹…› разные в пользу отечества обещания, для которых и возведена на престол“. О каких обещаниях в данном случае шла речь, не вполне понятно; но другие упреки были конкретизированы: „народ весь оскорблен“, „государственная казна растащена“ и делаются заграничные займы, „не рассматриваны“ полезные предложения Сената, „дано статским жалованье бесполезно“; гвардия пребывает „в презрении“, а Орловы за границу „пиревели через аднаво немца маора двацать милионов“; в екатерининском „Наказе“ „написана вольность крестьяном; это де дворяном тягостно, и буде разве уже придет самим пахать“; наконец, осуждался разрыв с Австрией, „с коею всегда было дружелюбие“. Заговорщики планировали возвести на престол Павла, надеясь, что при нем земли дворянам раздадут „безденежно“ и ликвидируют откупа, поскольку „винный промысел самый дворянский“. Екатерину же намеревались заточить в монастырь; а если бы она пыталась вырваться оттуда, то „во избежание того дать выпить кубок, который она двоим поднесла“. Озеров накануне ареста успел приготовить план Летнего дворца. Но Степанов имел неосторожность проговориться вдове-полковнице Анне Постниковой, которая спешно донесла на приятеля.

Казнь Каракозова (рисунок с натуры), худ. И.Е. Репин

Филипп Петрович Степанов, участник Русско-турецкой войны

Это едва ли не самое серьезное „дело“ той поры интересно проявившимся в документах следствия кругом представлений гвардейских офицеров нового поколения.

Темы их разговоров уже не сводились только к чинам и „деревням“ — они обсуждали и внешнюю политику, и реформу государственной службы, и состояние казны (заграничные займы). В то же время критика существовавшего порядка велась ими с точки зрения специфических военно-служилых интересов: императрица недопустимо „заигрывала“ с крестьянским вопросом, „статским“ неведомо за что давали постоянное жалованье, а купцы-откупщики теснили „самое дворянское“ винокурение. „Сыны отечества“ (более просвещенные, чем их собратья первой половины столетия) считали возможным предотвратить „падение“ страны только с привлечением „больших людей ‹…›, которые издавна народ любят“: К.Г. Разумовского, Ф.М. Воейкова, А.И. Глебова, графов Паниных. Из дела следует, что таких попыток у заговорщиков не было, как не было у них и опоры в солдатских рядах».

Николай Филиппович Степанов (Н. Свитков)

Василий Панов и Ипполит Степанов были сосланы на Камчатку. Но теперь хоть понятно за что.

БОЛЬШЕРЕЦКИЙ БУНТ

Этот человек вошел в мировую историю как величайший авантюрист. О нем написаны сотни книг и статей, ему посвящались поэму, он был героем киносценариев и является национальным героем Словакии, Венгрии, Польши.

Хотя поляком он никогда не был — родился в Словакии, входившей в состав Австро-Венгрии, но принимал участие в Барской конфедерации 1768 года — вооруженном союзе польских магнатов и шляхты

Август Мориц Беньевский, неизвестный художник, Slovak National Museum, Bratislava

против ставленника императрицы Екатерины II, ее фаворита короля Станислава Понятовского.

Беньевский в Барской конфедерации сражался ни за чьи-то идеалы, а будучи обыкновенным наемником, как и сослуживец — швед майор Винбландт (Винблан), поэтому когда его взяли в плен в первый раз, то отпустили на свободу, взяв слово, что он более не поднимает свою шпагу против России. Беньевский не сдержал слова и когда снова попал в русский плен, то был отправлен в ссылку в Казань, откуда попытался вместе со своим товарищем шведом бежать, но был пойман и отправлен в ссылку уже на край земли, откуда еще никто никогда не убегал.

Но он умудрился бежать и с Камчатки, подняв на полуострове бунт, убив начальника Камчатки капитана Нилова, захватив казенный галиот «Святой Петр» и совершив невероятный по меркам того

времени морской переход из Камчатки в Китай в порт Макао (Кантон).

Собственно, все эти подвиги приписываются ему одному — в соответствии с его собственной автобиографией, которую он написал, изрядно преувеличив свои собственные деяния, и опубликовал в Европе. Эта книга, ставшая на многие десятилетия бестселлером, определила уже на века — сюжеты для многочисленных приключенческих романов, повестей, пьес, поэм, киносценариев...

Но для нашего рассказа все эти события не являются основными, а второстепенными, так как мы уже подробно рассказали о причинах Большерецкого бунта 1771 года в книге «Встречь солнцу» и очерке «Экипаж мятежного галиота», опубликованного в двух номерах журнала «Вокруг света» в 1990 году, а также в сборнике «Большерецкий бунт 1771 г.», в который вошли все основные исследования отечественных историков, написанные по «горячим следам» тех давних событий.

«Город Большерецк — столица Камчатки», английская гравюра, 1785 г. с рис. Вебера, художника экспедиции Д. Кука

Такой столицу Камчатки представили англичане. На самом деле центр Большерецкого острога в 1771 году напоминал молодой Санкт-Петербург — там были двухэтажные деревянные постройки, как и в большой столице. А это была рабочая окраина с балаганами и скотными дворами

Сегодня же мы коснемся одного — но очень важного для нашего рассказа — события, с помощью которого были вовлечены в этот бунт и промышленные люди из команды тотемского купца Федоса Холодилова, намеревавшихся до этого следовать на зверобойный промысел в Русскую Америку, и местные казаки, и ссыльные матросы, и коренные камчадалы.

Была разыграна политическая карта.

Беньевский заявил, что в его руках находится тайный пакет и что сам он является курьером царевича Павла Петровича, несправедливо лишенного трона в угоду партии Екатерины II, пришедшей к власти в результате дворцового переворота.

И он обязан доставить этот пакет важным людям, которые обеспечат приход к власти царевича Павла.

Конечно, это был чистейшей воды «развод», смысл которого понимали только ссыльные люди. А простолюдины поверили.

28 апреля 1771 года Беньевский велит «отворить в церкви царские ворота, вынести из алтаря крест и Евангелие и привесть

к присяге своих соучастников на верность государю Павлу Петровичу».

Беньевский понимал, что этой клятвой он вяжет всех русских по рукам и ногам — ибо по данному государственному «Слову и Делу» следует государственная измена и положена смертная казнь.

При этом русские ссыльные не хотели покидать Родину, не сказав своего последнего слова. Было составлено политическое заявление камчатских ссыльных и примкнувших к бунту новых его участников. Оно вошло в историю как «Объявление», хотя хранилось под замком в Тайной канцелярии с грифом: «Сей пакет хранить в Тайной экспедиции и без докладу ее величеству никому не распечатывать. Князь А. Вяземской».

Портрет Павла I Российского в качестве великого магистра Мальтийского ордена, худ. С. Тончи

Историки распечатали его через полстолетия, когда Европа зачитывалась мемуарами о приключениях Беньевского в России.

«Не только российскому народу, но и всему свету известно, что вся Россия по справедливости обязана непосредственно благодарностию своею истинному своему монарху Петру Великому, отцу отечества, которого высокие потомки царствовать над нами… должны… Вследствие чего избрана и возведена была на наследственный Всероссийский императорский высочайший престол любезнейшая его дщерь… государыня императрица Елисавет Петровна, которая следуя по линии наследства и быв при кончине своей потому узаконила…наследника дщери Петра ж Великого царевны Анны Петровны сына… Петра Феодоровича… при восшествии его на наследный Всероссийский императорский престол в 762 году весь российский народ присягали».

Но «бунтовщики» свергли его с престола, «потом лишили и жизни».

«Оставшийся сего государя любезнейший сын, а наш всемилостивейший государь Павел Петрович лишен престола… Мы обращаясь всегда между сынов отечества ревнующих к законному своему государю… а Россия без истинного своего государя одним пристрастным управлением доводится до самого разорения…

…Виват и слава Павлу Первому, россиян обладателю. Ему прямо люди усердны и в отдаленных местах, а не беззаконному владению, равно и против его Величества нашего всемилостивейшего Государя, ухищренных замыслы которыя нам известны. Всевышнего рукой изринут будет да защитит его своей милостью, и не водвергнет в рабство иноверным наше Отечество. Спасая Бог его спасает и подданных невидимым промыслом, а мы желаем соотечественникам нашим всякого добра, а сказать может прямо, что подлинно у беспорядка народ удручен, и чрез то… имевши случай узнавши прямую вольность …своего спасения и не пропустить. Понеже служащие люди… содержатся в начальников нежели на каторге».

Первой под «Объявлением» стоит подпись Ипполита Семеновича Степанова.

На захваченном галиоте «Святой Петр» у каждого из ссыльных была своя роль. Правда, эта роль была лишь в воображении каждого. «Чины» щедро раздавал их предводитель. Не забыв и о себе.

Беньевский — генерал-поручик, кавалер и тайный советник.

Адольф Винбланд — подполковник (ибо прежде был майором).

Василий Панов — майор (из капитанов).

Ипполит Степанов — корабельный комиссар.

Петр Хрущев — аудитор.

Магнус Мейдер — лекарь (он и был адмиралтейским лекарем, сосланным на Камчатку по указу 1765 года).

Александр Турчанинов — подлекарь.

В этом списке нет Семена Гурьева — он женился на дочери сотника Ивана Кузьмича Секерина, отец которого тоже был сослан по не известному нам делу на Камчатку. Гурьев ждал рождения ребенка и не собирался бежать с Камчатки — у него родится здесь дочь, а сам он, за верность Отечеству, будет переведен с семьей с Камчатки на постоянное жительство в своем поместье в Серпуховском уезде. Дочерям его будет возвращено дворянство. Но не за «подвиги» их отца — ибо только «в уважение службы генерал-майора князя Сергея Волконского, которую он заплатил кровью, лишась жизни при штурме Очакова, снизошла императрица Екатерина и к просьбе родной сестры его жены Матрены Гурьевой».

Как сообщалось в донесении князя Григория Потемкина на имя Екатерины II: «Первым взошел на ретраншемент, взял его, но, увидев, что егерей подполковника Маркова теснят превосходящие силы турок, бросился на помощь, опрокинул врагов, но был убит». Это случилось 6 декабря 1788 года.

В Камчатке также оставались ссыльные Петр Квашнин (Ивашкин) и Иван Сновидов. Первый жил в Верхнекамчатском, а второй — в Нижнекамчатском острогах.

Свою неволю никто из них не захотел променять. Сновидов за годы ссылки, создав свой заводик по вы-

Штурм Очакова, худ. Ф. Казанова

варке соли на устье реки Камчатки, жил, обзаведясь семьей, довольно безбедно, делясь прибылью и солью (а она на Камчатке была на вес золота) с руководителем Камчатской Духовной Миссии архимандритом Иоасафом Хотунцевским, обратившим, в свою очередь, свое благосклонное внимание на «вскормленника» — вероятно, пасынка — Ивана Кириаковича Сновидова Александра, введенного в состав Миссии и впоследствии рукоположенного в священники. Были у Ивана Кириаковича и свои дети — например, Захар Иванович Снофидов (первоначально писался так, потом снова Сновидов) стал камчатским купцом.

Род Сновидовых сохраняется на Камчатке, а в период образования самой территориально крупной в России Камчатско-Курильско-Алеутской епархии — по всему Дальнему Востоку (включая Якутию, Приамурье и Приморье) и Русской Америке (Аляска и Алеутские острова).

Во время Большерецкого бунта Иван Кириакович Сновидов был жив и здоров. С ним в 1787 году будет встречаться участник экспедиции Лаперуза Жан Батист Лессепс, отправленный с Камчатки в Париж с отчетом об экспедиции, который проделал путешествие по суше, побывав во многих населенных пунктах Камчатки, в том числе и в Большерецком, и в Верхнекамчатском и Нижнекамчатском острогах.

Петр Матвеевич Квашнин-Самарин (Ивашкин) семью не заводил.

Первые годы своей ссылки он неистовал где-то в Якутии, за что был выслан на Камчатку, где близко сошелся с местным командиром Василием Чередовым, который позволял крестнику Петра I все, что тому заблагорассудится, и они вместе разъезжали по Камчатке, пьянствуя и вымогая у камчадалов пушнину.

Ивашкин в этот период был мстителен и беспощаден. Они с Чередовым пороли виновных, сами ссылали камчадалов в дальние остроги, разлучая их с семьями.

То есть, были местными царьками.

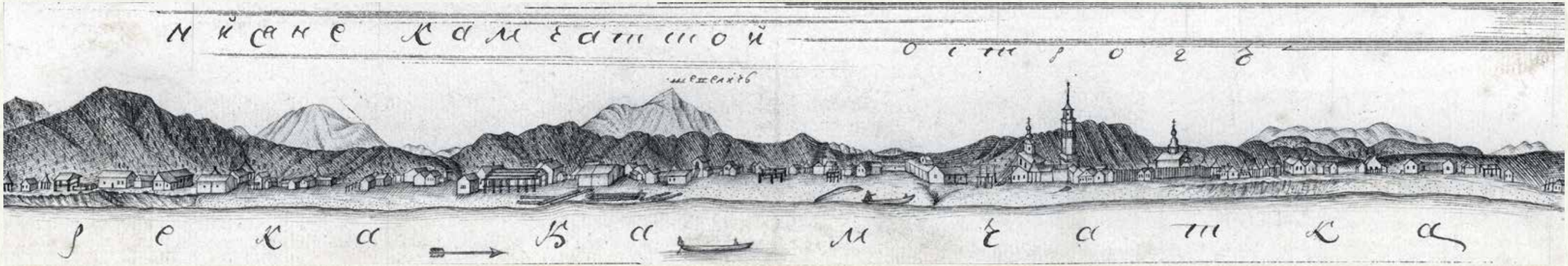
Но, в результате многочисленных жалоб, Чередов был отозван в Якутск, а Ивашкин отправлен в Верхнекамчатский острог, где надолго затерялись его следы. Осталась память. И, кстати, очень хорошая — как о первом учителе.

Он знал о Большерецком заговоре.

Но почему-то отказался в нем участвовать.

Последние сведения о нем относятся к воспоминаниям мичмана Владимира Ивановича Штейнгейля, который проходил в то время службу в Охотской флотилии и часто бывал на Камчатке:

«В Камчатке в то время было интересное лицо, любимое всеми камчадалами, под именем Матвеича; это Ивашкин, крестник Петра Великого. Офицер гвардии Анны Иоанновны, которого она благословляла на брак и которого потом, при восшествии на престол Елисаветы, высекли кнутом с ужас-

ным вырезанием ноздрей. Лет 20 он прожил в Якутске и 40 в Камчатке. Я вскоре познакомился с этим интересным мучеником.

...Этого Матвеича, в следующем (1805. — *С.В.*) году, предписано мне было взять и доставить в Охотск. Он был прощен с возвращением чина и с дозволением выехать в Россию. Но ему было уже 96 лет, он ослеп и не захотел расстаться с Камчаткою; через год еще его уже не существовало».

Что же касается большерецких беглецов, то не всем им суждено было испытать щемящее чувство свободы:

Василий Панов. «Убит на острове Формоза (Тайване. — *С.В.*) августа 17 ч., 1771 г.».

Александр Турчанинов. «Умре в Макао 10 ч. Ноября 1771 г.».

Ипполит Степанов. «Остался в городе Макао по аресте». Был арестован по доносу Беньевского в связи с тем, что Ипполит Семенович раскрыл заговорщикам правду о действительных замыслах их предводителя получить личную свободу, используя ложный пакет с полномочиями от царевича Павла, и принял всю вину о случившемся на себя. Впоследствии его следы теряются. Говорят, что где-то в ар-

хивах хранятся бумаги Степанова о бунте на немецком языке. Какое-то время он жил в Лондоне. В Россию не вернулся.

Иоасаф Батурин. «Умре во время перехода из Кантона в Мариций (остров Маврикий. — *С.В.*) февраля 23 ч., 1772 г.»

Август Беньевский. «Венгерец Бейпоск, барон в службе французской полковник». Убит на острове Мадагаскар 23 марта 1786 года во время второй попытки колонизации этого острова.

Адольф Винбланд. «Остался в Порте-Луи (Франция. — *С.В.*), заболевший». Впоследствии вернулся в Швецию.

Магнус Мейдер. «В службе французской».

Петр Хрущев. «В службе французской капитан». Умер в 1774 году на острове Мадагаскар, прибыв туда в отряде русских и французских волонтеров-колонизаторов.

А вот и подробности.

Во Франции, поступив на службу, Беньевский предложил проект колонизации Алеутских, Курильских островов, Формозы. Но министр иностранных дел герцог д'Эгийон и морской министр де Буайн предложили «графу» возглавить другую экспедицию — на Мадагаскар.

С ним отправились одиннадцать человек из команды галиота «Святой Петр». Восемнадцать оставшихся пешком добрались до Парижа, встретились с русским посланником и получили разрешение вернуться на родину и были расселены по разным городам Сибири — Тобольске, Иркутске, Охотске и на Камчатке.

«В феврале 1774 года Беневский высадился на Мадагаскаре, сопровождаемый командой из 21 офицера и 237 моряков. Не встретив серьезного сопротивления, они приступили к постройке „столицы“ острова — города Луибур. 1 октября 1776 года 62 старейшины местных племен избрали Беневского „новым Ампансакабе“, то есть верховным властелином Мадагаскара. Влияние новой колонии росло. В порт все чаще заходили торговые корабли. Это вызывало зависть колониальных властей близлежащих островов Маврикий и Реюньон. Оттуда в Париж посылали негативные реляции о деятельности Беневского. К тому времени благоволившего барону Людовика XV уже больше двух лет как не было в живых. Да и депеши, которые недоброжелатели мадагаскарского властителя неустанно отправляли в Версаль, видимо, сыграли свою роль.

Помощь из Франции перестала поступать. В лагере Беневского свирепствовали тропические болезни; число европейцев под его начальством сократилось до шестидесяти трех. Это вынудило его свернуть тут свою деятельность и вернуться в Париж.

Вопреки ожиданиям, во Франции барона встретили с еще большим интересом, чем прежде. Людовик XVI жалует ему титул графа, звание бригадного генерала, орден св. Людовика и крупное денежное вознаграждение. Однако поскольку ожидаемых сокровищ на Мадагаскаре не было обнаружено, версальский кабинет принял решение положить проект дальнейшего освоения острова под сукно.

...озабоченный снаряжением [новой] экспедиции на Мадагаскар, Беневский попытался увлечь своим проектом нового австрийского императора Иосифа II, который выразил свое одобрение, но денег не пообещал. В поисках финансирования в 1783 году Беневский отправился в Лондон. Ему удалось увлечь своим предприятием Жана-Гиацинта де Магеллана, ученого, члена Лондонского королевского научного общества, потомка знаменитого мореплавателя. Беневский и Магеллан учредили торговую компанию. Чтобы привлечь к проекту американских партнеров, искатель удачи 14 апреля 1784 года уехал в Балтимор, где окончательно оформился англо-американский консорциум.

25 октября 1785 года Беневский на американском торговом судне „Лэнтрэпид“ вышел в море. Во время тропического шторма его корабль унесло к берегам Бразилии, где понадобилось несколько недель на устранение повреждений. Наконец достигнув Мадагаскара, Беневский убедил туземцев изгнать французских представителей с острова и основал новую столицу — город Мавритания, назвав его собственным именем.

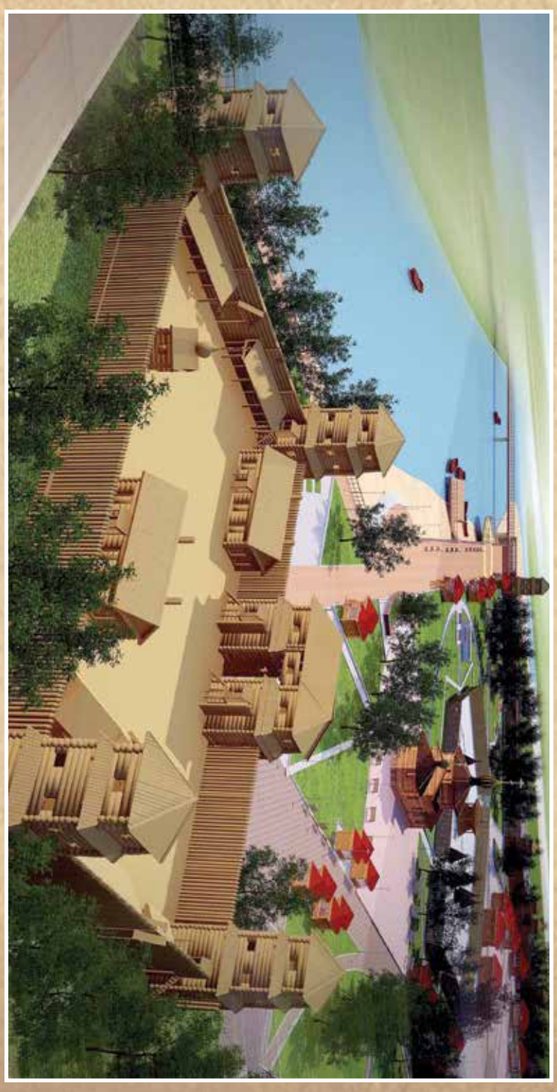
С Иль-де-Франса (Маврикия) был отправлен карательный отряд капитана Ларшера. Совершенно случайно французы наткнулись на тайную тропинку, ведущую к Мавритании со стороны суши. Таким образом, утром 23 мая 1786 года отряд Ларшера с тыла неожиданно пошел на штурм Мавритании, во время которого „король“ погиб от шальной пули в самом начале атаки. Похоронен Беневский был на Мадагаскаре, рядом с двумя русскими товарищами, вместе с которыми когда-то осуществил побег с Камчатки.

...Одна из улиц мадагаскарской столицы Антананариву и улица в провинциальном городе Анцирабе носит имя знаменитого словака».

После Большерецкого бунта и бегства с Камчатки ссыльных сюда более не присылали крупных политических преступников. Ссылка продолжалась, но фигуры были уже не те, что прежде...

Проект музейно-туристического комплекса «Большерецкий острог»

Проект музейно-туристического комплекса «Большерецкий острог»

Сергей Иванович ВАХРИН

Камчатка – Россия – Мир

Смутные времена
(из истории камчатской политической ссылки)

Верстка, дизайн Е.Ю. Дорт-Гольца

Подписано в печать 19.08.2022. Формат 7×100/12.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,36. Тираж 500 экз. Заказ № 4048.

КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!»

Отпечатано в АО «ИПК «Дальпресс».
690106, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, д. 10